ПРОЕКТ
НОВАЯ ЗЕМЛЯ
ВСЁ НЕ ТО, ЧЕМ КАЖЕТСЯ
ДАВИД МУАТЕ
КомпасГид
издательский дом

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

2125 год. Уровень мирового океана поднялся на десятки метров. Сохранившиеся клочки суши перенаселены. Лишь немногие избранные – Неприкосновенные – живут под куполом, не знают нужды, любуются растениями и питаются свежими овощами. Остальные – Серые, обитатели трущоб, мечтают лишь о выигрыше в лотерею, гарантирующем место на «Новой Земле». Каждую неделю миллион счастливчиков получает шанс начать жизнь с нуля. Огромные космические ковчеги отправляют колонистов на далёкую планету, где есть всё, чего так не хватает на загрязнённой и затопленной Земле: чистый воздух, плодородные почвы, возможность стать фермером и зажить счастливо. А Земля освобождается от множества лишних ртов. Пятнадцатилетняя Исис Мукеба – одна из немногих Серых, кому посчастливилось учиться в школе. Но однажды она сталкивается – в прямом смысле – с Орионом Паркером – наследником самого богатого человека на Земле. Подружившись, они понимают, что не такие уж и разные, а позже открывают страшную тайну проекта «Новая Земля». Правда ли, что после долгого перелёта миллионы страждущих обретают новый дом? Давид Муате (родился в 1977 году) – автор детективов и серии фантастических романов «Миры Альянса», обладатель множества литературных премий. Среди многочисленных наград «Проекта „Новая Земля“» – книги, которая сочетает школьную лавстори, приключения, антиутопию и социальную драму – Prix Sesame, Prix Histoires d'Ados и другие. Давиду Муате удалось создать «Мы» эпохи Греты Тунберг – и уже одно это делает роман «Проект „Новая Земля"» обязательным чтением для всех неравнодушных от тринадцати лет. Экологический sci-fi продолжает серию антиутопий «КомпасГида», в которой вышли «Девочка из башни 330» Тимоте де Фомбеля, «Тени Радовара» Марлус Морсхёйс и трилогия «Томас Дримм» гонкуроского лауреата Дидье ван Ковеларта.

- Давид Муате
  -
  - Пролог
  - 1. Исис
  - 2. Орион
  - 3. Исис
  - 4. Исис
  - 5. Исис

- 6. Исис
- 7. Флинн
- 8. Исис
- 9. Исис
- 10. Орион
- 11. Исис
- 12. Исис
- 13. Исис
- 14. Миранда
- 15. Исис
- 16. Орион
- 17. Исис
- 18. Орион
- 19. Орион
- 20. Исис
- 21. Орион
- 22. Орион
- 23. Орион
- 24. Исис
- 25. Орион
- 26. Исис
- 27. Орион, Флинн
- 28. Исис
- 29. Флинн
- 30. Орион
- 31. Исис
- 32. Исис
- 33. Исис
- 34. Орион, Флинн
- 35. Хазар
- 36. Орион, Флинн
- 37. Исис
- 38. Исис
- 38. Исис, Орион
- 40. Исис, Орион
- 41. Ван Дуйк. Миранда, Флинн, Карима
- 43. Исис
- Благодарности

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5

Давид Муате
Проект «Новая Земля»

Эпеа, Инес и Пьеру

Originally published under the title New Earth Project by David Moitet

© Didier Jeunesse, 2016
© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. ООО «Издательский дом «Тинбук», 2021

Пролог

Лето 2115

Артур Паркер был на седьмом небе от счастья. Сегодня, после многолетних усилий, первый космический ковчег наконец предстанет перед публикой. Паркер лично поприветствовал каждого из гостей, поднявшихся на борт небольшого шаттла. Президент Соединённых Штатов увлечённо беседовал с президентом Европы. Чуть поодаль представитель Северо-Африканских Эмиратов и его китайская коллега любовались Землёй.

В иллюминатор были видны мириады звёзд, но все инстинктивно оборачивались на родную планету. Паркера это не удивляло. Он единственный смотрел вдаль…

– Великолепно, не правда ли? – спросил он, тоже подходя к иллюминатору.

– Невероятно, – согласился президент России.

– Невероятно, господин Юшов, что мы все объединились вокруг одного проекта.

– Да. И это благодаря вам, Артур. NEP[1] спасёт нашу прекрасную планету. Ваше имя войдёт в историю.

– Впереди ещё долгая дорога, но направление выбрано верно. Смотрите, мы приближаемся к ковчегу.

Все взгляды устремились к гигантским строительным верфям, мимо которых скользил шаттл.

– Вы можете наблюдать разные этапы производства космических ковчегов. Тот, что сейчас перед вами, будет готов не раньше чем через год.

Кто-то восхищённо присвистнул.

– Всё полностью автоматизировано. Участие людей сведено к минимуму. Это позволяет избежать ошибок. Ну и не рисковать человеческими жизнями, конечно.

– Это и есть ковчег? – спросила китайская руководительница.

– Да. КК-001, первый из многих. Мы облетим вокруг, чтобы вы разглядели его в деталях. Я позволил журналистам тоже приблизиться к нашим верфям, так что их кораблей будет много.

Шаттл снизил скорость и аккуратно поднырнул под ковчег.

– Это чудо техники, – прокомментировал Паркер. – Настоящий город, в котором есть всё необходимое для долгого путешествия на Новую Землю.

Главы самых могущественных государств мира с детским любопытством прильнули к иллюминаторам, разглядывая

длинный цилиндр, которому предстояло добраться до экзопланеты[2] Эпсилон 145B, называемой также Новая Земля. На протяжении последних тридцати лет все они вкладывали немало денег в NEP – New Earth Project – проект, целью которого было способствовать переселению земных колонистов в другую планетарную систему, в эльдорадо, полное надежд.

Земля достигла своего предела. Глобальное потепление, загрязнение, а главное – перенаселение поставили под угрозу то хрупкое равновесие, которое природа создавала миллиарды лет. Разумеется, существовали разнообразные экологические инициативы, пытавшиеся спасти то, что ещё можно было спасти, однако все находившиеся на борту корабля знали, что NEP – это единственное решение. Если вкратце, проект заключался в том, чтобы каждую неделю отправлять на Новую Землю миллион колонистов.

Эта планета, в десять раз превосходившая размером нашу, могла без труда вместить всех поселенцев, которые получали шанс стать фермерами и выйти из безнадёжной нищеты, охватившей большую часть человечества.

Безумный проект, затеянный самым богатым человеком мира, бизнесменом Артуром Паркером, теперь находился на финальной стадии. Когда-то Паркер, владевший заводами, где трудилось множество роботов, сумел собрать за столом переговоров глав всех государств и убедил их объединить ресурсы для освоения нового мира. И вот через несколько часов первая партия колонистов навсегда покинет Землю с сердцами, исполненными надежды.

– Как видите, ковчег имеет цилиндрическую форму. Он постоянно поворачивается вокруг своей оси, что создаёт внутри искусственную гравитацию. Невозможно несколько лет жить в невесомости…

– Невероятно. Какая огромная штуковина, – присвистнул президент России.

– Примерно пять километров в длину, господин Юшов. Это необходимо, чтобы разместить миллион колонистов. В центре ковчега находится большая теплица. Во время полёта там будут выращивать овощи и зелень. А ещё мы пересадили в неё вековые деревья. На борту ковчега есть всё необходимое: больницы, кинозалы, торговые центры. Мы хотим, чтобы такое длинное путешествие прошло как можно лучше.

– А ковчег можно будет использовать повторно? – забеспокоился президент Соединённых Штатов.

– Мы надеемся. Нужно выпустить ещё сотни, чтобы каждую неделю бесперебойно отправлять новые партии поселенцев.

Примерно через двенадцать лет первый ковчег вернётся на Землю. И снова отправится в путь. А потом снова…

На несколько секунд Паркер оставил гостей и наклонился к своему пятилетнему сыну Ориону. Мальчик, за которым присматривала няня, тоже прильнул к иллюминатору, сжимая в руке игрушку.

– Ну, Орион, тебе нравится это зрелище?

Малыш кивнул.

– Очень красиво!

– Когда-нибудь ты сменишь меня на посту главы NEP. Мы спасём планету, сынок!

– Да, отец, – застенчиво ответил Орион.

Это был хорошенький мальчик с волосами, золотыми, как пшеница. В его тёмно-синих глазах светился живой ум.

– А что это за маленький кораблик, который летит к большому? – спросил Орион.

Артур Паркер нахмурился. Чей-то шаттл опасно приблизился к ковчегу.

«Наверняка кто-нибудь из этих чёртовых журналистов, которые из кожи вон лезут, чтобы показать больше, чем остальные», – подумал бизнесмен.

Он включил рацию.

– Нита, тут у нас один слишком любопытный папарацци крутится возле ковчега. Свяжитесь с ним и напомните, чтобы следовал утверждённому маршруту.

– Конечно, сэр.

Через некоторое время снова послышался голос пресс-атташе. Судя по интонации, тот был всерьёз взволнован.

– Мы не можем с ним связаться. Кажется, он отключил радио. Я попрошу корабль охраны вмешаться?

Паркер колебался.

– Сэр?

– Нет, Нита, оставьте его.

– Но, сэр, возможно, это террорист. Нам же поступали многочисленные угрозы…

– Я сказал, оставьте!

Главы государств с удивлением смотрели на Паркера. Все слышали этот странный разговор.

Но бизнесмен лишь улыбнулся в ответ. Улыбка не сошла с его лица, даже когда шаттл взорвался, подлетев почти вплотную к ковчегу.

– Боже мой! Террорист-смертник! – воскликнул президент Европы.

– Какой ужас! – ахнула китайская руководительница.

Разлетевшийся на мелкие кусочки шаттл-камикадзе бесшумно растворился в космическом пространстве. В межзвёздной пустоте звуки не распространяются. Ковчег ничуть не пострадал от атаки. Только на месте взрыва слегка оплавилась краска, но роботы из службы техподдержки уже закрашивали это пятно.

– Кораблик, который сделал «бум», не разбил большой корабль?

Паркер, торжествуя, обернулся к Ориону.

– Вот именно, сынок! Видите, дамы и господа, как прочен наш ковчег. Он сконструирован так, чтобы выдерживать метеоритные потоки. Ничто не помешает первой партии поселенцев покинуть сегодня Землю. В том числе и жалкие экстремисты, считающие, что мы не должны пускаться в это дивное приключение.

– Смешно, – заметил мальчик. – Маленькие роботы покрасили большой корабль, и теперь там как будто нарисована буква «О» – как в Орионе.

Паркер раздосадованно взглянул на ковчег. Действительно, дроны техслужбы использовали краску слегка другого оттенка. Это ему не понравилось. Паркер любил совершенство. Надо будет сказать пару ласковых ответственным за логистику. Но всему своё время. Через несколько минут ему предстоит произнести речь, которую услышат миллиарды…

– София, займитесь Орионом…

– Меня зовут Соня, – ответила няня.

– Неважно. За работу.

Паркер повернулся спиной к сыну и направился к ожидавшим журналистам.

1. Исис

Десять лет спустя – 2125 год

По утрам я люблю поваляться. Эти минуты, украденные у дня, когда бесконечно оттягиваешь момент выползания из-под тёплого одеяла. Приятно представлять, как остальные уже суетятся, пока я продолжаю пребывать в сладком ночном бездействии. К сожалению, это довольно редкое удовольствие…

Меня зовут Исис[3]. Сейчас, когда я в одних трусах и лифчике валяюсь на животе поперёк кровати, трудно поверить, что я – надежда семьи. Однако это так. Что касается моего наряда, то у меня есть смягчающие обстоятельства: в Нью-Йорке стоит удручающая жара. Кажется, раньше, до этого долбаного потепления, климат здесь был более умеренным. Но теперь меньше сорока градусов летом не бывает, да и зимой не холоднее двадцати пяти. И это просто невыносимо. Конечно, у обитателей куполов таких проблем нет. В их гигантских домах установлены кондиционеры… Но это другая история. И потом, у меня правило: никогда не говорить о Неприкосновенных раньше десяти утра. От мыслей об этих богачах у меня всегда портится настроение. Кстати, а который час? Я пытаюсь разлепить веки. Свет, похоже, вознамерился выжечь мне сетчатку. Уже день? Я снова закрываю глаза. Потом, потянувшись, встаю. За окном светло. Однако пелена смога так плотна, что определить время по солнцу невозможно. Мы вообще понимаем, что оно взошло, только когда начинаем задыхаться от жары. Я зеваю. Вчера засиделась допоздна. А сегодня у нас контрольная по математике, которую мне никак нельзя пропустить.

Надо сказать, что дети бедняков, вроде меня, обычно не имеют права ходить в школу. Учёба – это для тех, кто родился и живёт под куполами. Для Неприкосновенных. Несколько лет назад, заботясь о справедливости и создании социальной мобильности, правительство решило открыть доступ к образованию избранным детям из неблагополучных районов.

Нас тестируют целых три года – с шести до девяти лет. Потом лучшие получают право учиться вместе с Неприкосновенными. Из всего нашего квартала выбрали лишь двоих. Меня и моего приятеля Флинна, о котором я расскажу попозже. Когда школа – это привилегия для избранных, ты, конечно, делаешь всё возможное, чтобы не упустить свой шанс. Ведь если ты не получишь диплом, то никогда не сможешь вытащить близких из

нищеты.

– Исис опоздает в школу!

Существо, которое так гадко вопит, – это мой младший брат Зак, шести лет. Довольно неприятный тип, хотя родители считают, что «неприятный» – слишком мягкое слово. Я нащупываю скомканные носки и запускаю Заку в голову.

– Отвали, садовый гном!

Он без труда уворачивается. Просто я ещё едва продрала глаза. Иначе бы он так легко не отделался! Я лениво поворачиваюсь к будильнику, уверенная, что Зак меня разыгрывает.

– Разрази тебя цунами!

Вы, наверное, не в курсе, но для нас это – самое страшное ругательство. Ведь мы живём в плавучих трущобах Нью-Йорка, в самой большой из них, с восточной стороны. Из-за глобального потепления уровень океана поднялся на двадцать метров, и манхэттенские небоскрёбы частично ушли под воду. Я живу в Зоне Затопления, небольшой плавучей деревеньке, прилепившейся к одному из них. Как вы понимаете, мы тут не слишком любим цунами.

Если я блестяще закончу учёбу, у меня, возможно, будут средства, чтобы оплатить нам жильё в надводной части небоскрёба. А ещё лучше – на твёрдой земле. Но чтобы это удалось, сейчас я должна выпрыгнуть из постели на четвёртой скорости, иначе я пропущу контрольную, из-за которой и проспала.

– Я видел твои сиськи! – кричит мой придурочный братик.

Когда живёшь в крошечной квартирке, можно забыть о личном пространстве. Я строю ему страшную рожу и спешно натягиваю одежду. Она, пожалуй, уродлива. Серая блузка и юбка того же цвета. Я не очень аккуратно завязываю галстук и кидаю в сумку всё, что мне пригодится сегодня.

Менее чем через секунду я вихрем проношусь по нашей кухне-гостиной-столовой площадью десять квадратных метров, целую в лоб маму и лечу к выходу, как ракета.

– Ты не выпьешь настой водорослей? – кричит она мне вслед.

– Некогда! Опаздываю! – бросаю я на бегу.

Петляя между хижин, сколоченных из разных обломков и мусора, я включаю свой внутренний хронометр. Успеваю впритык. До школы около двух километров. А у меня осталось всего десять минут, чтобы добежать до ворот. Я прибавляю скорость, не обращая внимания на окрики прохожих, с которыми сталкиваюсь на каждом повороте. Некоторые ругаются, но большинство узнаёт мою форму и относится с пониманием. В

основном люди гордятся, что одной из обитательниц квартала для бедных позволено ходить в школу.

Я люблю бегать. Это один из тех редких моментов, когда я чувствую себя свободной. На выходе из Зоны Затопления я оборачиваюсь. Рука Статуи Свободы выступает из воды под углом в сорок пять градусов над лесом лачуг, карабкающихся друг на друга. Монумент рухнул лет двадцать назад, как говорят, из-за ржавчины и волн. Я видела Статую Свободы только на фотографиях. И дорого бы дала, чтобы хотя бы разок полюбоваться на неё в реальности. Знаю, это невозможно. Разве что во время цунами, прежде чем волна поглотит нас всех…

Я уже на твёрдой земле. Здесь удерживать равновесие легче, чем на плавучих понтонах, и я ускоряюсь. Через пару минут наконец вижу школу. Ультрасовременное здание нелепо выделяется среди остальных построек. Однако правительство настояло, чтобы смешанные школы находились не под куполами. Ведь это доказательство, что дети из бедных кварталов имеют доступ к образованию. А доказательство должно быть на виду. Хотя, по-моему, они просто не хотят, чтобы мы проникли под их купола.

Несмотря на все мои усилия, я, кажется, не успела. Подставляю сетчатку к сенсору на входе и слышу вердикт:

– ВЫ ОПОЗДАЛИ, ИММАКУЛЕ-СИССИ МУКЕБА! – объявляет компьютер, прежде чем открыть дверь.

Ну вот. Теперь вы знаете моё настоящее имя: Иммакуле-Сисси. Мои родители, должно быть, перебрали этого мерзкого картофельного самогона в тот день, когда его придумали. Понятно, почему я предпочитаю, чтобы меня звали И-Сис…

Я забегаю во входной шлюз и останавливаюсь перед испарителем. Закрываю глаза. Дезинфицирующий пар наполняет кабину. Ненавижу его запах! Но принести какую-нибудь заразу Неприкосновенным – об этом не может быть и речи… После обязательной санитарной процедуры я наконец попадаю в школьный двор. Наш класс находится в другом конце школы.

Я несусь вокруг здания.

2. Орион

Орион нервно барабанил пальцами по подлокотнику кресла. Он сидел в машине, ожидая Миранду Бергсон. Орион взглянул на часы. Они опоздают! И зачем только отец согласился на просьбу миссис Бергсон? Её семья тоже была богатой, хотя, конечно, не могла похвастаться таким состоянием, как Паркеры. Но уж деньги на собственного шофёра у них точно были. Тем не менее мать Миранды сумела договориться, чтобы Орион каждое утро заезжал за её дочкой. Миранде, которая липла к нему как пиявка, такое положение было явно по душе. Все знали, что эта красивая (даже очень) девушка к нему неравнодушна. Миранду, с глазами, голубыми, как вода в бассейне, и длинными светлыми волосами, можно было даже принять за сестру Ориона, настолько они были похожи. Однако её поверхностность и эгоцентричность, умение всё на свете сводить к своей маленькой персоне ужасали Ориона. Он никогда не говорил об этом, разумеется. Как сказал бы отец, это «противоречит правилам этикета…».

В ожидании девушки Орион рассеянно блуждал взглядом по обширному владению Бергсонов. Почти такому же обширному, как у его семьи. Оно находилось на вершине холма, в центре Купола номер один, самого престижного в стране. Великолепный сад, бесконечный бассейн, дом, напоминавший европейские дворцы эпохи Возрождения. Всё купалось в мягком искусственном свете, имитировавшем солнечное освещение, который испускала поверхность Купола. За пределами охраняемой территории Неприкосновенных солнце всегда было скрыто непроглядным смогом. Но здесь, под Куполом, всё было прекрасно, ярко, безупречно. Так что царивший снаружи хаос почти забывался. Почти.

Наконец появилась Миранда. Она шла по дорожке к машине походкой египетской принцессы, совершенно не заботясь о том, чтобы, например, взглянуть на часы. Орион вздохнул.

– Привет, Орион.

– Привет, Миранда. Мы опаздываем.

– Ах, ну какое это имеет значение? Мне нужно было попробовать сделать новую прическу, – произнесла девушка, любуясь своим отражением в стёклах бронированного автомобиля. – Я ведь должна отличаться от остальных, раз уж нам навязывают эту ужасную одинаковую форму. У меня получилось, как ты считаешь?

– Неплохо, – вежливо согласился Орион, приглашая её войти.

– Что касается опоздания, то я доверяю Оскару. Он нагонит,

как всегда. Правда, Оскар?

– Да, мисс Бергсон, – ответил шофёр, тоже помогая Миранде сесть в машину.

Хотя, судя по часам, это была практически невыполнимая задача, даже если пренебречь всеми ограничениями скорости.

С приглушённым шорохом машина тронулась, водородный двигатель мягко заурчал. В этот час автомобилей на улицах было немного, и Оскар домчался до выезда из-под Купола в рекордные сроки. До школы оставалось несколько сотен метров. Орион нажал на кнопку затемнения окон.

– Никогда не понимала, зачем ты это делаешь, – произнесла Миранда, которая каким-то чудом оторвалась от зеркальца в телефоне (разумеется, последней модели).

– Не хочу начинать день с созерцания нищеты и грязи, – ответил Орион.

Машина замедлила ход, потом и вовсе остановилась. Орион нахмурился.

– Мы уже приехали, Оскар?

– Нет, мистер Паркер. У нас небольшая проблема. Пробка.

– Только этого не хватало! – раздражённо бросил Орион.

Он снова сделал стёкла прозрачными и выглянул наружу. Улицу полностью перекрыл грузовик с бесплатной едой, которую раздавал NEP. Около сотни человек толпились вокруг. Давка была как на футбольном матче. Казалось, эти оборванцы готовы порвать друг друга за энергетический батончик или коробку сушёных насекомых.

Орион оглядел обветшалые небоскрёбы, улицы, усыпанные отбросами, и людей, которые нервничали всё сильнее. У них над головами на огромном экране, занимавшем всю стену полуразрушенного здания, сияла реклама NEP.

> Участвуйте в грандиозном розыгрыше!
>
> Возможно, именно вы войдёте в число 200000 американцев, которые уже на этой неделе отправятся на
>
> НОВУЮ ЗЕМЛЮ.
>
> Напоминаем:
>
> выигравший имеет право взять с собой семью, а по прибытии получит дом и участок в 10 гектаров.
>
> На Новой Земле вы больше
>
> НИКОГДА НЕ БУДЕТЕ ГОЛОДАТЬ!

Дальше следовали фотографии: улыбающиеся колонисты среди пышной растительности, освещённые мягким светом двух солнц. Новую Землю ещё совсем не успели загрязнить… Было что-то неприличное в контрасте между кричащими красками

рекламы и окружающей нищетой всех оттенков серого. Орион невольно поморщился.

Миранда попыталась завязать разговор, проследив за его взглядом:

– Ты был вчера на отправке космического ковчега № 522?

– Разве я смог бы этого избежать? Отец даже устроил торжественный приём с участием президента – в честь десятилетия NEP… Он и правда считает, что спасает мир этой своей программой колонизации.

– А ты так не думаешь?

– Да, да, разумеется.

– NEP, по крайней мере, позволил пятистам миллионам несчастных отправиться к лучшей жизни…

– Да-да, только для этого им пришлось навсегда покинуть Землю и отдать шесть лет жизни на очень-очень долгое путешествие. Не уверен, что смог бы пойти на такие жертвы, – задумчиво произнёс Орион.

– Но с нами этого никогда не случится! Мы же Неприкосновенные! А не…

Она презрительно махнула рукой в сторону толпы, которая между тем волновалась всё сильнее.

Сотрудники NEP, раздававшие продукты, отказывались открывать двери грузовика, пока люди не успокоятся. И это грозило плохо кончиться…

– Оскар, – повелительно бросила Миранда. – Нельзя ли как-нибудь проехать? Мы опоздаем уже второй раз за неделю.

– Кажется, это будет сложновато, мисс Бергсон.

– Дайте нам есть! – заорал кто-то из толпы.

– Откройте этот проклятый грузовик!

– Никакого чувства собственного достоинства. – Миранда брезгливо передёрнула плечами. – Как же они плохо воспитаны!

– При всём моём уважении, мисс, – неожиданно возразил Оскар, – думаю, они просто очень голодны.

– Тогда они должны работать! Только и всего! Поезжайте вперёд, Оскар, бронированная машина заставит их отступить.

Оскар колебался. У него не было никакой охоты прорываться сквозь толпу. Во-первых, он не хотел подвергаться опасности по прихоти этой избалованной девчонки, чьи капризы ему приходилось терпеть каждое утро. Во-вторых, он понимал этих людей. Однако сильнее всего было в нём желание сохранить работу. Ведь без неё он станет таким же униженным бедняком, готовым драться за энергетический батончик.

Наконец двери грузовика открылись, и раздача началась. Точнее, началась давка. Люди отпихивали друг друга, работая

локтями. Те, кому удавалось получить вожделенную коробку с продуктами, спешили убежать прочь, чтобы кто-то более сильный не вырвал у них добычу. Несколько человек упали и были тут же затоптаны толпой. Всё это продолжалось лишь пару минут, затем двери грузовика вновь закрылись.

Запас еды закончился. Раздались гневные выкрики. Люди, которым ничего не досталось, не хотели возвращаться домой с пустыми руками.

– У нас больше ничего нет! – извинялся шофёр грузовика. – Всё кончилось!

Но обезумевшие от голода люди не слышали. Они начали раскачивать машину, и та опасно накренилась.

– Да поезжайте же, Оскар! – взвизгнула Миранда. – Если вы раздавите кого-то из этих дикарей – тем хуже для них!

– Этого не потребуется, мисс Бергсон. «Эмпэ» на подходе.

МП – это моторизованная полиция. Хайтек-роботы, выпущенные на заводах Паркера, полумотоциклы-полугуманоиды. Они всегда приезжали в считаные секунды. Затем задвигали колёса в спины и начинали перемещаться на двух ногах. Они были быстры, сильны и безжалостны. Их изобретение стало настоящей революцией в работе полиции, сделав ненужными людские силы, которые использовались раньше.

Пятеро МП распределились вокруг грузовика. Послышались крики. Все знали, что с этими машинами шутки плохи. Их жестокость ни для кого не была секретом.

– ПРИКАЗАНО РАЗОЙТИСЬ. ЧЕРЕЗ МИНУТУ НАЧНУТСЯ ЗАДЕРЖАНИЯ.

Гнев толпы молниеносно сменился страхом. Через полминуты пространство вокруг грузовика опустело. Лишь двое по-прежнему оставались на месте. Парнишка лет десяти ползал по земле, собирая крошки растоптанного батончика, которые тут же отправлял в рот. Чуть в стороне сидела на тротуаре старая женщина. Она плакала. Это не были какие-то демонстративные рыдания. Нет. Просто слёзы отчаянья, которые тихо текли по увядшим щекам. Орион вдруг почувствовал взгляд этой женщины, обращённый к их машине. Ему показалось, что она смотрит ему прямо в глаза. Ему, Неприкосновенному, который вчера объедался дорогими птифурами, тогда как она умирала от голода. Орион знал, что это невозможно. Что она не видит его сквозь затемнённые стёкла бронированной машины. И тем не менее почему-то понимал, что её отчаявшийся взгляд будет потом преследовать его много ночей подряд.

Оскар дождался отъезда МП и молниеносно преодолел

оставшееся расстояние до школы. Они опоздали.

Миранда и Орион устремились к дверям для Неприкосновенных. Никакого контроля сетчатки, никакой дезинфекции. К тому же их вход находился рядом с классом. Но в коридоре Орион вдруг резко затормозил и повернул обратно.

– Ты куда? – удивилась Миранда.

– Иди, я догоню. Забыл сумку в машине.

Орион вернулся. Оскар уже собирался уезжать. Забыть сумку. Это было на него совсем не похоже. Орион содрогнулся, вспомнив глаза старой женщины. Схватил сумку и бросился догонять Миранду.

К его огромному удивлению, какая-то серая тень, возникшая словно ниоткуда, бросилась ему наперерез и врезалась в него на полном ходу. Орион, вскрикнув, упал на спину.

3. Исис

«Школа – это святилище, где стираются классовые различия и каждый может расширить поле своих возможностей». Таков девиз нашего учебного заведения. Звучит просто супер. Жаль, что не имеет ничего общего с реальностью…

Кажется, я никогда в жизни не бегала так быстро. Опоздать – это позор. Остался ещё один поворот – и я на месте. На полной скорости огибаю угол здания.

Ай! Что за чёрт?!

Я всегда хорошо рассчитываю траекторию движения. И этого препятствия точно не должно было оказаться на моём пути. Я на земле, напротив меня – другой ученик, тоже упавший на пятую точку. Мы врезались друг в друга, причём весьма сильно. Кажется, он тоже бежал. Ничего страшного, скажете вы?

Да, кроме того факта, что я сбила с ног не абы кого. А Неприкосновенного. Не уверена, что он оценит пятна на своей безупречной белой форме. Я бросаю взгляд на его лицо и еле сдерживаюсь, чтобы не выругаться. (Я часто ругаюсь, но никогда не позволяю себе этого в школе.) Мало того, что мой путь пересёкся с Неприкосновенным. Так это ещё и не просто какой-то Неприкосновенный. А Орион Паркер, сын Артура Паркера, самого богатого человека на планете.

Я невольно бросаю взгляд на табличку, висящую над входом в школу. Эти слова, набранные красным цветом, напоминают всем выходцам из низших кварталов, что любой физический контакт с Неприкосновенными строжайше запрещён:

> Нарушение этого правила
> ВЛЕЧЁТ ЗА СОБОЙ СТРОГИЕ САНКЦИИ,
> вплоть до исключения из школы.

В одну секунду все мои мечты лопаются как мыльный пузырь. Прощай, квартира на твёрдой земле, интересная работа, достаточное количество пищи… Меня выгонят из школы, потому что я сбила с ног Ориона Паркера. Представляю разочарование родителей. Как я им объясню, что всё испортила, поскольку не услышала будильник? Засиделась допоздна за уроками, надеясь получить самую высокую оценку? Я уже слышу нашу старую соседку с её грошовыми нотациями. «Лучшее – враг хорошего. Довольствовалась бы оценкой поплоше. Я всегда говорила, что у тебя не получится закончить эту школу для богатеньких».

Да, конечно. Но так уж я устроена. Ненавижу проигрывать. Хочу быть лучшей. И делаю всё, чтобы этого добиться. Не обращая внимания на всяких там соседок. И, надо сказать, чаще всего мне это удаётся. Но сейчас может случиться катастрофа: я так боюсь показаться слабой, а слёзы предательски подступают к глазам.

– Всё в порядке? Тебе больно?

Мой мозг с трудом расшифровывает слова Ориона Паркера. Я сплю? Или он действительно сейчас поинтересовался, как я себя чувствую? Должно быть, стукнулся головой, бедняга.

– Э-э-э, да, я в норме. Извини, пожалуйста. Мне правда очень жаль.

Да уж, жаль. А что ещё я могу сказать? Я совершила ошибку и очень дорого за неё заплачу.

Вдруг я вижу, что к нам направляется Миранда, эта маленькая язва. Тут же вспоминаю, что они с Орионом каждое утро вместе приезжают в школу. На машине, которая стоит как десяток квартир на твёрдой земле. Ненавижу эту девицу. Она красива, богата, перед ней – блестящее будущее. Что не мешает ей быть ужасно противной и при этом очень посредственно учиться. Увидев нас обоих на земле, она восклицает:

– Ты совсем чокнутая?! Что случилось? Эта замарашка дотронулась до тебя, Орион? Ты в порядке?

– Мы столкнулись у дверей. Это моя вина. Я не смотрел, куда иду.

– Твоя вина? Ты бредишь? Она заслуживает исключения за то, что натворила. Я расскажу директору.

– Нет!

Я изумлённо прислушиваюсь к этой сюрреалистической дискуссии. Орион действительно сказал «нет»?

– Что значит нет?! – визжит Миранда, и её кукольное личико краснеет от возмущения. – Ты же не позволишь этому ничтожеству прикасаться к тебе?! Ей уже невероятно повезло, что она дышит одним воздухом с нами…

– Нет. Ты понимаешь, что я говорю? Это моя вина. Её не исключат. И директору никто ничего не скажет.

– Но…

– Миранда, я ненавижу, когда меня пытаются заставить делать то, чего я не хочу. Ты мой друг. И я рассчитываю, что ты будешь уважать моё решение. Я хочу, чтобы ты дала слово.

Миранда оборачивается и смотрит на меня со всем презрением, на которое способна. Клянусь, в её мелком умишке хранятся просто неиссякаемые запасы этого чувства. Я лишь секунду выдерживаю её взгляд, потом опускаю глаза, понимая,

что моё будущее решается здесь, на крыльце школы.

– Что же. Если тебе так угодно, Орион, то я даю слово. Но тебя, Исис Мукеба, предупреждаю: если осмелишься задержать на мне взгляд дольше двух секунд, я позабочусь о том, чтобы тебя водворили обратно в загаженный квартал к другим Серым!

Да, Неприкосновенные зовут нас Серыми. Из-за цвета нашей формы. Но не только. Это ещё и цвет мира, в котором мы живём. Химическая пыль оседает на всём. На зданиях, на тротуарах, даже на людях. У обитателей низших кварталов землистый цвет кожи, а одежда, которую они носят десятилетиями, постепенно тоже теряет свой цвет. Да и зачем выбирать оттенки, если они никогда не заиграют в солнечных лучах? В Зоне Затопления я одна из немногих, кто вообще задумывается о том, как одеваться (за пределами школы, разумеется). Я отлично вижу, что окружающих это удивляет. Но я такая. Люблю отличаться от остальных. Это касается и внешности. У меня длинные чёрные волосы и смуглая кожа, которая выгодно подчёркивает мои зелёные глаза. И если судить по взглядам, которые бросают на меня парни, я даже красивая… Что до Миранды, если она хочет унизить меня, называя Серой, то пусть старается сколько влезет. Я чувствую себя какой угодно, только не Серой.

Во мне тысяча и один оттенок, которые только и ждут, чтобы вырваться на свободу.

Орион встаёт на ноги и не задумываясь протягивает мне руку, чтобы помочь подняться. Табличка, повешенная над входом в школу, делает своё дело: нельзя прикасаться к Неприкосновенным. С извиняющейся улыбкой я шарахаюсь от его руки и быстро вскакиваю сама.

В молчании мы пересекаем коридор, ведущий к классной комнате, и, постучав, заходим. Учитель бросает на нас строгий взгляд.

– Вы знаете, сколько времени?! – раздражённо интересуется он.

Но, увидев Ориона, быстренько смягчается.

– Извините, сэр, – говорит тот. – Мы задержались из-за массовых беспорядков. В нескольких кварталах отсюда.

– Все трое? – удивляется преподаватель.

– Да, все трое, – подтверждает Орион.

Учитель ни за что не осмелится поставить под сомнение слова Ориона Паркера.

В полной тишине мы занимаем свои места. Неприкосновенные – справа, я – слева. Уроки у нас совместные, но серое с белым никогда не смешивается, нет. А то вдруг наша нищета окажется заразной? Я мысленно благодарю Ориона

Паркера. Сегодня утром он меня дважды спас. Не верится, что такое возможно. Слегка поворачиваю голову в его сторону. И меня тут же пронзает взгляд Миранды. Хорошо, что в её глаза не встроен лазер, иначе меня бы размазало по спинке стула. Да, несомненно, сегодня я обрела «подругу»…

4. Исис

Я ни разу не покидала пределы Нью-Йорка. Куда-то ездят только те, у кого есть деньги. Когда я была помладше, меня это расстраивало. Но лишь до тех пор, пока я не открыла, что книги вполне могут компенсировать нехватку впечатлений. Перелистывая страницы, я совершила уже не одно кругосветное путешествие…

Вечером, после уроков, меня провожает Флинн. Тощий как жердь, и с вечной усмешкой на губах. Длинные каштановые волосы в беспорядке падают на плечи. Кажется, для него дело чести – никогда не причёсываться. «Это моя дикая натура», – постоянно повторяет он. Мы с Флинном – единственные обитатели Зоны Затопления нашего возраста, кого отобрали для учёбы в смешанной школе. За его расхристанным внешним видом скрывается очень умный парень. В математике он силён почти так же, как я. Почти. Но это не самое главное. Флинн – мой лучший друг. Человек, которому я рассказываю всё. Он мне как брат. Ну, я, конечно, не имею в виду своего младшего брата – злобного гнома, который отравляет мне жизнь с утра до вечера без выходных…

– Ты сегодня легко отделалась, – поддразнивает меня Флинн.

– Ты считаешь?

– Второе опоздание за неделю. Это может тебе стоить нескольких баллов в конце месяца…

На фоне катастрофы, разразившейся утром, опоздание выглядит милым анекдотом. Я через силу улыбаюсь.

– Я сказал что-то смешное? – удивляется Флинн.

– Нет. Просто вспомнила, что произошло перед этим. Я сбила с ног Ориона Паркера. Представляешь, плюхнулся прямо на задницу…

– Ты меня разыгрываешь?..

Я в красках описываю ему все детали нашего столкновения.

– Не-ве-ро-ят-но! – произносит Флинн, чеканя каждый слог. – Когда расскажу пацанам…

– Никому ты ничего не расскажешь.

– Издеваешься? Сначала сообщаешь сенсацию года, а потом просишь хранить её в тайне?!

– Да, именно.

– Ты жестока, Иммакуле-Сисси…

Я отвешиваю ему хороший удар кулаком в плечо.

– Ай!

– Ты знаешь, что я не выношу, когда меня так называют!

– Да. Но меня это веселит.

– Посмотрим, как ты посмеёшься, когда тебе нужна будет помощь на уроке литературы, а я тебя пошлю куда подальше!

– Но ты ведь никогда так не поступишь, правда?

За разговором мы не заметили, как дошли до Зоны Затопления. Несмотря на гигантские волнорезы, установленные в километре от берега, море сегодня неспокойно, и наша маленькая вселенная ходит ходуном от волн.

– О, опять блевать, – вздыхает Флинн, который плохо переносит качку.

Я уже вижу свой дом. Меня совсем не радует перспектива до конца дня терпеть выходки моего чокнутого братца. Поэтому я предлагаю Флинну проведать нашу плантацию. Две минуты спустя мы уже выводим лодку из потайного укрытия и отчаливаем.

Три года назад, исследуя заброшенные здания (надо же чем-то заниматься помимо уроков), мы с Флинном обнаружили лазейку в один затопленный дом. Только последний этаж ещё возвышался над водой. Разумеется, мы устремились в найденный проход, хоть это и могло плохо кончиться. Внутри мы наткнулись на настоящее сокровище – старую библиотеку, почти поглощённую океаном. Большая часть книг уже ни на что не годилась, съеденная солью и водой. Но несколько верхних полок уцелело.

Интернет даёт нам доступ к бескрайнему морю информации – намного превышающему то, что человек способен прочитать за всю свою жизнь. Но мне почему-то гораздо приятнее шелестеть бумажными страницами.

Флинн, прирождённый коммерсант, мгновенно оценил, что наша находка не стоит ни гроша. И тут же потерял к ней интерес. Все бедняки крутятся как могут. И мы не исключение. Любой предмет, найденный в руинах старого Нью-Йорка, имеет рыночную стоимость. Говоря «рыночная стоимость», мы имеем в виду одно: ЕДА!

– Книги больше никого не интересуют, – прагматично заметил Флинн.

Тем не менее я несколько раз возвращалась к этой библиотеке. Я быстро поняла, что она имеет довольно узкую специализацию. Тут были в основном книги по экологии. Про уважение к природе, про медленный распад экосистем и тому подобные вещи, которые люди так и не смогли до конца уложить в голове. Видя нынешнее состояние планеты, я думаю: не лучше ли было начать интересоваться всеми этими вопросами немного

раньше? Вместо того, например, чтобы запускать космические корабли к Новой Земле, находящейся на расстоянии четырёх световых лет отсюда. Только представьте, более 30 % почвы ушло под воду за один лишь прошлый век… Но я отвлеклась.

Читая эти старинные книги, я наткнулась на несколько статей, объяснявших, как заниматься сельским хозяйством, имея весьма ограниченные средства. Изначально данные разработки предназначались, очевидно, для территорий, которые когда-то называли «странами третьего мира», – Африки, Азии и всё такое… Хорошенько изучив вопрос, я устроила на крыше того затопленного здания маленькую экспериментальную ферму, надёжно скрытую от посторонних глаз. Я перепробовала множество разных методов, но реально сработали только два. Во-первых, *аквапоника*[4]. Это когда заводишь аквариум с рыбками и их испражнения служат удобрением для растений. Ёмкость с саженцами помещается прямо над аквариумом. Поливаешь их водой оттуда, почва её фильтрует, вбирая все полезные органические вещества, а потом, уже очищенную, возвращает обратно рыбам. Овощи, выращенные по такой системе, получаются крепкими и сочными. Поначалу Флинн лишь насмехался надо мной: «Невозможно ничего вырастить на этой почве, отравленной кислотными дождями, моя бедная Исис. Все это знают. Земля уже давно бесплодна».

Сложнее всего оказалось найти семена. Много дней подряд мы обшаривали помойки, окружающие большой Купол, прежде чем наткнулись на парочку гнилых овощей, откуда потом терпеливо выковыряли все семечки. С рыбами дело обстояло гораздо легче, разумеется. Когда живёшь на воде, рыбалка – один из расхожих способов добыть немного белка. Хотя, увы, поймать что-нибудь удаётся всё реже. Отец говорит, что рыбы делаются хитрее с каждым новым поколением. А я думаю, что просто вода становится грязнее, а её обитатели – малочисленнее. Мы поселили тех, кого нам посчастливилось поймать, в старом аквариуме, найденном, разумеется, в одном из брошенных домов, и приступили. В течение нескольких месяцев мы терпеливо, каждый день, приносили из школы в рюкзаках по горсти украденной с клумб земли и складывали в ящики для посадок.

Когда моя система заработала и мы собрали первый урожай, Флинн был поражён до глубины души. Постепенно мы усовершенствовали конструкцию и теперь кормим несколько семей, начиная с наших собственных, разумеется.

Есть ещё один действенный способ выращивания овощей, но о нём я расскажу в другой раз, потому что мы уже подплываем к нашей секретной плантации. В этом районе Манхэттена больше

никто не живёт. Фундаменты стали хрупкими от воды, и дома могут обрушиться в любой момент. Поэтому селиться здесь запрещено. Мы выбрали здание, с виду наименее повреждённое. Ну и не особо высокое. Ведь лодка доставляет нас только на пятый этаж, а дальше приходится подниматься своим ходом.

Каждый раз, когда мы наведываемся на *ферму,* как мы её называем, я ужасно боюсь обнаружить, что кто-нибудь там побывал и украл наши драгоценные овощи или – ещё хуже – разорил конструкции для их выращивания.

После подъёма на десять этажей ноги у меня гудят. С Флинном совершенно невозможно карабкаться наверх не бегом. И в этом упражнении, признаю, он часто побеждает…

Я вздыхаю с облегчением, удостоверившись, что всё на месте. Нас ждут прекрасный зрелый кабачок и два помидора.

– Хвала тебе! – произносит Флинн.

Покормив рыб, я снимаю овощи и бережно укладываю в рюкзак.

Потом мы оба какое-то время смотрим на океан, развалившись в двух старых шезлонгах, которые притащили сюда. Вдалеке огромные волнорезы пытаются смягчить колебания океанского настроения и уменьшить качку. Они похожи на зубы акулы, которая терпеливо ждёт, пока поблизости проплывёт неосторожная добыча. По другую сторону защитного барьера беснуются вспененные валы, соревнуясь, кто дотянется до небес.

Я закрываю глаза и представляю себе, на что этот пейзаж был бы похож, омытый лучами солнца. Точнее – пытаюсь представить. Потому что никто из нас никогда не видел настоящего солнца, только в кино.

Флинн берёт меня за руку. Я инстинктивно её отдёргиваю и, подмигнув, говорю:

– Пора возвращаться.

Насколько я помню, Флинн всегда был немножко в меня влюблён. Я его обожаю, но, к сожалению, не разделяю этих нежных чувств. Я никогда не решалась открыто признаться ему в этом – из страха сделать больно…

5. Исис

Я возвращаюсь домой, нагруженная кабачком и помидорами, которыми надеюсь всех осчастливить. Но, видимо, сейчас неподходящий момент.

– Что-то случилось? – спрашиваю я, увидев мрачное лицо отца.

Он опускает голову и молчит. Вместо него отвечает мать:

– Сегодня утром папе опять не удалось наняться на работу.

Уже второй раз за неделю. Нет работы – значит, нет еды. В наших трущобах деньги давно не в ходу. Люди, способные работать, приходят на центральную площадь и выстраиваются в очередь, ожидая, что работодатели завербуют кого-нибудь на стройку или завод. В удачные дни работа достаётся всем и каждый приносит домой немного еды. Правительство называет это «исключительной гибкостью кадровой политики». Я называю это рабством, чем сильно раздражаю отца. Но сегодня вечером у меня нет охоты вступать с ним в бессмысленные споры. У него такой побитый вид. И я сильнее, чем когда-либо, осознаю, насколько родители нуждаются в том, чтобы я успешно закончила школу. Я просто обязана вытащить их из нищеты. А значит, я должна быть более серьёзной. Например, ставить два будильника вместо одного. И главное – никогда больше не прикасаться к Неприкосновенным. Если меня вытурят из школы, отец этого не перенесёт.

Внезапно я чувствую себя ужасно глупой со своими ничтожными овощами. Я кладу их на стол. Мать бросает на меня полный благодарности взгляд. Сегодня у нас будет хоть какой-то ужин…

– Наверное, завтра повезёт, – говорю я отцу.

Он горько улыбается.

– Конечно, моя дорогая. Как любил повторять твой дедушка, надо всегда верить в лучшее. Он был смелым человеком. Мужественным.

Таким мужественным, что умер от истощения, не дожив до пятидесяти. Я его уже не застала. Мне бы не хотелось, чтобы отец закончил так же.

– Чёртовы роботы.

– Не надо, Исис. Это прогресс. И всё тут.

Несколько лет назад роботы достигли такого совершенства, что теперь постепенно вытесняют с производства живую рабочую силу. Началось это ещё в прошлом веке с простых профессий, требующих большой физической силы. Но машины становятся всё

более ловкими и уже многое делают лучше людей. Да и как конкурировать с куском железа, способным не жалуясь пахать двадцать четыре часа в сутки! Так что работы всё меньше, а рабочих рук – столько же… Ну а работодатели, не желая решать эту проблему, просто требуют от людей трудиться с той же скоростью, что и роботы. Нередко рабочие падают от изнурения прямо на ленту конвейера.

– Завтра попытаю счастья на бесплатной раздаче продуктов от NEP, – предлагает мать.

– Нет, Сандра. Ты же знаешь, я не хочу, чтобы ты туда ходила, – возражает отец. – Это опасно. Люди готовы на всё ради жалкого энергетического батончика. Завтра я просто встану пораньше, чтобы быть уверенным, что меня выберут.

Мать вздыхает. Пораньше. Сегодня папин будильник прозвонил в три часа ночи. Куда уж раньше-то?

– А как твой день, дорогая? – спрашивает он. – Всё хорошо?

– Э-э-э, да… Да, хорошо!

Я плохо умею врать, но сейчас никто не обращает внимания на мой фальшивый тон, так что всё к лучшему… Сейчас я бы не могла рассказать им, что была на волосок от исключения.

– Думаю, я хорошо написала контрольную по математике.

– Отлично, – рассеянно произносит отец. – Отлично.

– У меня тоже хорошая новость, – сообщает вдруг мама.

Все поворачиваются к ней.

– Пришло ежегодное послание от вашей тёти Лили!

Зак отрывается от конструктора, с которым играл, и присоединяется к нам. Учитывая крошечные размеры комнаты, для этого ему даже не нужно никуда идти, достаточно просто развернуться в нашу сторону. Тётя Лили. Младшая сестра матери. У меня о ней очень смутное и не сильно приятное воспоминание. Девять лет назад она попала в число счастливчиков, выигравших один из первых тиражей NEP. Вместе с мужем и сыном она получила билет на ковчег, направлявшийся к Новой Земле. Вот уже три года, как они прилетели. И каждое лето Лили отправляет нам небольшую весточку. NEP вынужден ограничивать частную переписку между Землёй и её далёким двойником, поскольку связь очень дорогая. Не понимаю, как передача информации может столько стоить. Хотя, конечно, я разбираюсь не во всех тонкостях космических путешествий.

Мама выводит сообщение на наш экран, заряжающийся от ветряного двигателя на крыше хижины.

Ловлю себя на том, что в глубине души желаю, чтобы батарея оказалась разряжена. Нет никакой охоты лицезреть тётю Лили, расписывающую своё счастливое житьё, тогда как мы тут

практически подыхаем с голода.

Маленький видеоролик похож на тот, что она присылала в прошлом году. Лили немного постарела. Набрала вес (с нами этого точно не случится). Она показывает нам свою ферму, домашних животных, сына Джеймса, который тоже чертовски вырос. Мы видим, как он, обнажённый по пояс, валит лес. Он стал таким большим и сильным… Что-то меня беспокоит. Никак не могу понять, что именно. Но мне вдруг начинает казаться, что это очень важно. Я хмурюсь. И изо всех сил вглядываюсь в происходящее на экране. Что же не так? Тётя Лили улыбается, её муж тоже… Мать смотрит на эту идиллию со слезами на глазах.

– Мы их когда-нибудь увидим? – спрашивает Зак.

– Так, всё. Я – спать.

– Но, Исис, мы ещё не поели!

– Я не голодна. К тому же мне надо ещё немного позаниматься.

Разумеется, это неправда. Про голод. Не про уроки. В животе урчит, но я думаю о родителях и брате, которые сегодня вообще ничего не ели. Я-то хотя бы пообедала в школе. Так что пусть разделят между собой те крохи, которые я принесла. А я наверстаю завтра, в столовой…

В любом случае я не желаю ещё раз пересматривать блокбастер «Тётя Лили счастлива, эпизод третий». Даже под пыткой…

6. Исис

Я должна быть лучшей. Справляться с заданиями раньше остальных, понимать быстрее, схватывать на лету. Это мой долг перед родителями. И перед всеми детьми из Зоны Затопления, которые никогда не будут ходить в школу.

Начинается новый учебный день. Мне кажется, мой желудок завывает на весь класс, так я голодна. Я, разумеется, не подаю виду, но думаю только об обеде. Интересно, сколько «серых» учеников сейчас испытывают то же самое? Я бросаю взгляд на Неприкосновенных. Вот уж кому точно чужды заботы о хлебе насущном. Пухлые щёки, расслабленные позы. И тут я замечаю, что Орион смотрит на меня. Он улыбается. Я резко оборачиваюсь, уверенная, что кто-нибудь – скажем, Флинн – обезьянничает за моей спиной. Но нет. Флинн спокойно слушает учителя. Машинально я уже собираюсь застенчиво улыбнуться Ориону в ответ. Но в последний момент удерживаюсь.

Что на меня нашло?! Ведь это всё равно что заключить сделку с врагом!

Представляю лицо Флинна, если он узнает, что я улыбнулась Неприкосновенному! Однако, признаюсь, поведение Ориона Паркера вывело меня из равновесия. Может, он замышляет какую-нибудь пакость? С Неприкосновенными надо всегда держаться настороже. Это закон. Я снова думаю о своём безработном отце, о наших скудных ужинах, о хижине, сделанной из отбросов… Всё это – вина таких людей, как Орион! Людей, которые нещадно эксплуатируют нас, чтобы сохранить свой маленький рай… Мне больше не хочется улыбаться. Мой резервуар гнева вновь наполнен. Со всем этим я почти забыла, что помираю с голоду. Где-то на заднем плане звучит монотонный голос препода. Не в моём стиле – быть невнимательной на уроках. Надо сосредоточиться.

Это не наш учитель. Он заменяет мадам Глэйе, которая, видимо, заболела. Никогда бы не подумала, что эта мощная, словно выбитая из камня женщина тоже может болеть. Но она отсутствует уже два дня. Учителя, который её заменяет, зовут Ван Дуйк. Смешное имечко. Хотя, конечно, Иммакуле-Сисси ничем не лучше… Он невысок ростом, очень молод и непрерывно теребит молнию на кофте, когда говорит.

Нечто вроде нервного тика. Поначалу меня это немного раздражало, но теперь я привыкла. У него очень короткая стрижка, практически под ноль, выражение лица – приветливое, а

вот глаза – пронизывают насквозь, словно он читает твои мысли… И, разумеется, в этот момент Ван Дуйк поворачивается и смотрит прямо на меня. Я чувствую, как мои щёки начинают пылать. И почти перестаю дышать. Неужели он догадался, что я думала о нём? К счастью, у смуглой кожи есть одно преимущество: когда краснеешь, это не особо заметно.

– Мисс Мукеба, поздравляю вас, – говорит преподаватель. – Ваша работа по математике набрала 96 баллов из 100. Сейчас разошлю проверенные контрольные вам на планшеты, сможете ознакомиться с результатами.

Я снова начинаю дышать. Он не читает мои мысли. Провожу пальцем по цифровой парте, и экран зажигается. Я внимательно изучаю свои ответы, чтобы понять, где именно упустила недостающие 4 балла. Нахожу ошибки и обещаю себе больше их не повторять.

– Средний уровень – примерно 75 баллов, – уточняет учитель.

Сбоку экрана тут же высвечиваются результаты класса. Преподавательский компьютер реагирует на его слова как на команду и молниеносно дополняет их необходимой информацией. Очень удобно. Я часто пытаюсь представить себе, как проходили уроки в прошлом веке. Я где-то читала, что ученики пользовались бумагой и карандашами! Сейчас это уже невозможно, ведь на планете почти не осталось деревьев.

Бросаю взгляд на результаты – и вдруг вижу, что я не лучшая в классе! Кто-то набрал больше баллов. Кликаю на графу 95-100. И машина выдаёт два имени. Моё и Ориона Паркера. У него на один балл больше, чем у меня, – 97. Я невольно оборачиваюсь к нему. К моему огромному удивлению, Орион уже смотрит в мою сторону. Поймав мой взгляд, он слегка пожимает плечами.

Как бы я хотела стереть эту победоносную улыбочку с его лица! Он даже не догадывается, что это значит для меня – быть первой… Добиваться лучших результатов, чем Неприкосновенные, – мой единственный шанс когда-нибудь оказаться среди них и вырвать нашу семью из низших кварталов.

И есть ещё кое-что… Каждый раз, когда препод оглашает результаты и я оказываюсь первой, я чувствую, как самодовольные и презрительные взгляды Неприкосновенных слегка затуманиваются. Я – камешек в ботинке, ничтожная песчинка, нарушающая, однако, их сытый покой. Я раз за разом доказываю, что можно быть умным, даже если ты не родился под Куполом. И вот сегодня Орион Паркер собственной персоной лишил меня этого маленького удовольствия.

Затылком я чувствую его взгляд. Но уже не решаюсь обернуться. Что за игру он ведёт?

– Ну что же, с математикой на сегодня всё, – говорит Ван Дуйк. – Остаток дня предлагаю посвятить практике.

Я начинаю слушать внимательнее. Неподвижно сидеть на стуле – не очень естественно для меня. Поэтому я всегда с нетерпением жду практических занятий. Спортивные или художественные, они в любом случае позволяют немного подвигаться. Я ловлю каждое слово учителя.

– Это задание довольно необычно. Думаю, такого у вас ещё никогда не было. Задание – моя личная инициатива. Речь пойдёт о некой социальной практике.

Социальная практика? Что за бред? Никогда не слышала ни о чём подобном. Тут, к счастью (или, скорее, к несчастью), Ван Дуйк объясняет, что имеется в виду.

– Я заметил, что и в вашем классе, и во всей школе существует некоторая враждебность между учениками…

Миранда поднимает руку.

– Извините, мистер Ван Дуйк, я не совсем понимаю, о чём вы. Мы отлично ладим друг с другом.

– Позвольте мне всё-таки закончить, мисс Бергсон. Я говорю о том напряжении, которое существует между учениками из низших кварталов и теми, кто живёт под Куполом.

В классе поднимается ропот. Разумеется, напряжение существует. Мы друг друга искренне ненавидим.

– Думаю, враждебность возникает исключительно из-за того, что вы плохо знакомы друг с другом. Этому способствует сама структура школы. Ведь вы всегда разделены – и на уроках, и во время практических занятий. Но, напоминаю, смешанные школы были созданы как раз для того, чтобы наладить связи между разными социальными слоями. А не наоборот. По итогам сегодняшней практики каждый обитатель Купола должен будет написать эссе, сравнив свои представления о низших кварталах с тем, что он увидел в реальности. Для учеников из кварталов – задание то же, только про Купол. С организационной точки зрения всё просто. После обеда часть учеников из кварталов поведёт своих одноклассников из-под Купола к себе домой. А другая часть – отправится в гости под Купол.

Ропот перерастает в шквал протеста.

– Не имеете права! – надрывается кто-то из Неприкосновенных. – Вы не можете позволить Серым проникнуть под Купол! Это запрещено!

– Я получил разрешение.

– Но Неприкосновенные не могут заявиться к нам в своей безукоризненной форме, – возражает один из Серых, живущий в полузатопленном небоскрёбе. – Да их просто растерзают без суда

и следствия!

– Я всё продумал, – отвечает учитель. – И раздобыл запасную форму. Так что сегодня некоторые из вас поменяют цвет.

Это он, конечно, ляпнул не подумав. Миранда приходит в такое бешенство, что становится красной, как помидор с моей секретной фермы.

– Завтра вы отчитаетесь перед классом о том, как прошла сегодняшняя социальная практика. Обращаю ваше внимание, что оценки за это задание имеют двойной коэффициент. Итак, вот пары. Флинн и Миранда отправляются под Купол. Катрин и Андреа – тоже. Орион и Исис – в Зону Затопления…

Я стекаю на стул. Орион Паркер! Со мной! В Зону Затопления! Убиться можно! Этот Ван Дуйк, должно быть, накурился зелёных водорослей! Он продолжает объявлять пары, совершенно не обращая внимания на бурные протесты. Мой мозг работает на всю катушку. Какой сегодня день? Вторник. Ну разумеется, это должно было выпасть на вторник… Я пытаюсь сообразить, как расхлёбывать эту кашу. Но понимаю лишь одно: ближайшие несколько часов будут самыми ужасными в моей жизни.

Тут желудок напоминает мне, что я ничего не ела уже сутки. Звенит звонок. Проклиная Ван Дуйка и его безумную затею, я вместе с остальными устремляюсь к столовой. Все разговоры, разумеется, об одном – нашей социальной практике.

7. Флинн

– Ну, ты идёшь? Или будешь торчать здесь, как придурок?

Флинн вздохнул. В форме Неприкосновенного, которая болталась на нём как на вешалке, он чувствовал себя страшно глупо. Больше всего он боялся, что кто-нибудь из друзей увидит его в таком виде. К счастью, до Купола они добрались в машине. И за всю дорогу не сказали друг другу ни слова. Флинн украдкой рассматривал Миранду. Надо же было такому случиться, что из всех Неприкосновенных ему досталась именно она! Повезло как утопленнику! Флинн заранее готовился к худшему.

Автомобиль миновал пост контроля и затормозил. Миранда вышла, Флинн последовал за ней, волоча ноги.

– Ну, вот мы и внутри, – произнесла девушка. – Ты рад, что удостоился чести попасть сюда?

Флинн хотел ответить что-нибудь язвительное, но не мог сосредоточиться – созерцание неба захватило его целиком. Он, конечно, знал, что это иллюзия – огромные экраны, имитирующие синеву небосвода, с лёгкими пушистыми облаками, сквозь которые пробиваются лучи солнца. Но оторваться от этого зрелища было всё равно невозможно.

– Закрой рот, а то люди подумают, что ты увидел привидение!

Флинн сжал челюсти. И усилием воли заставил себя перестать таращиться вверх. Опустив голову, он обвёл взглядом окружающий пейзаж. Снаружи Купол выглядел гигантской полусферой, более десяти километров в диаметре, чью вершину скрывала завеса смога. Со временем Флинн научился просто не замечать эту тёмную конструкцию, нависавшую над городом. И он никогда бы не мог подумать, что внутри так… лучезарно.

– Мы немного пройдёмся, чтобы ты мог осмотреть квартал, – любезно предложила Миранда.

Флинн послушно поплёлся за ней. Вокруг всё было чистым, просто вылизанным. На дорогах – ни одной ямы и выбоины. А главное – повсюду растения! Флинн за всю жизнь не видел столько зелени. Снаружи Купола сохранилось несколько чахлых деревец, которые, разумеется, не шли ни в какое сравнение с теми, что росли внутри.

«Исис лишилась бы рассудка, увидев такое! – подумал Флинн. – И обязательно попыталась бы собрать с них семена!»

– Чего это ты улыбаешься? – спросила Миранда.

– Так, ничего. Вспомнил кое о ком. Тут красиво.

– Ты ещё ничего не видел. Это квартал служащих. Я живу

чуть выше, на холме.

– Вон в том дворце?

– Нет, там живёт Орион.

– Ну и ну!

Миранда надулась. Ей было обидно, что у неё не самый большой дом под Куполом. Флинну это показалось ужасно глупым. Неужели она не может радоваться тому, что есть?!

Они проходили мимо высокого забора, защищавшего чьё-то владение, и Флинн подскочил, когда услышал громкий лай.

Собака! Он не видел их целую вечность! В низших кварталах всю живность давным-давно съели. Даже крысы казались желанной добычей. А здесь люди не только сами ели досыта, но и могли прокормить домашних животных. Другой мир. У ограды стояла женщина.

– Здравствуйте, – сказал Флинн.

– Добрый день, – улыбнулась она.

У неё были длинные чёрные волосы и прекрасные миндалевидные глаза.

– Слюни подбери! – прошипела Миранда, не сбавляя шаг.

Флинн догнал её, бросив последний взгляд на женщину. Та была красива. Конечно, с Исис не сравнить. Но тоже очень хороша.

– Почему ты не поздоровалась? – спросил он, удивлённый невоспитанностью Миранды.

– Здороваться с домашней прислугой? За кого ты меня принимаешь?!

Флинн аж споткнулся. Прислуга? У богатых даже слуги красивые… Они шли дальше, и его восхищение постепенно сменялось другими чувствами. В первую очередь, надо признать, это была зависть. Зависть ко всем, кому посчастливилось жить здесь. Кроме того, ему открылось более глубокое понимание социальных процессов, происходящих вокруг Купола. Флинн осознал, что люди, обитающие в этом раю, ни за что на свете его не покинут. На их месте он бы тоже до смерти бился, защищая подобную привилегию. Только, увы, он не был на их месте. Поступив в смешанную школу, он получил, конечно, призрачный шанс когда-нибудь заработать достаточно, чтобы купить крошечную квартирку под Куполом. Зато он почти наверняка будет работать здесь. А это уже немало.

Флинн предполагал, что, попав под Купол, испытает сильный гнев. И был удивлён, почувствовав лишь покорность судьбе, слегка сдобренную надеждой. Он любовался всеми чудесами, скрытыми за непроницаемыми сводами Купола, и думал лишь о том, как ему повезло увидеть это своими глазами.

– Вот мы и дома, – сказала Миранда. – Я пригласила друзей.

Вокруг бассейна резвилось несколько подростков. Миранда одолжила Флинну плавки и показала маленькую кабинку, где он мог переодеться. Зайдя внутрь, парень принялся озадаченно разглядывать смехотворную полоску ткани, лежавшую у него на ладони. Океан уже давно превратился в огромную жидкую помойку, и Флинн никогда не купался. Еженедельные уроки плаванья в школе он тоже не посещал. Так что ему ни разу в жизни не приходилось надевать плавки. Флинна приятно удивил приём, оказанный Мирандой. Поду мать только – даже пригласила его к себе! Не желая показаться неблагодарным, он решил всё-таки натянуть на себя странный эластичный лоскуток. Плавки были ему на несколько размеров малы. Но, может, здесь, под Куполом, так модно? Он обернул полотенце вокруг бёдер и пожал плечами.

«Зато хоть разок искупаюсь по-человечески…» – промелькнуло в голове.

Флинн вышел из кабинки и присоединился к ребятам, ждавшим у бассейна с бирюзовой водой.

– Окунёмся? – предложила Миранда.

Полотенца были сброшены на газон, и гости приблизились к бортику. Сначала Флинн отметил новое для себя ощущение – травы под босыми ногами – странное, но приятное. И лишь потом обратил внимание, что больше ни у кого нет столь комичного одеяния, каку него. На молодых людях были длинные кальсоны, на девушках – идеально сидевшие купальники, выгодно подчёркивавшие фигуру.

– Ну, ты идёшь? – поторопила Миранда.

– Как-то не хочется, – пробормотал Флинн, рискуя показаться глупым.

Но у хозяйки были другие планы. Она бесцеремонно сдёрнула с него полотенце. Раздались смешки. От неожиданности и досады Флинн застыл неподвижно. Миранда быстро щёлкнула его на телефон и замелькала пальцами по экрану.

– Готово! – вскоре объявила она. – Выложено в социальную сеть Купола.

– А как ты подписала? – промурлыкала её подружка.

– «Купальный костюм Серого. Мало денег – мало плавок!» – провозгласила Миранда, гордая своей остроумной формулировкой.

Смешки переросли в громовые раскаты хохота. Флинн кипел от негодования. Он подобрал полотенце и попытался прикрыться. Но дело уже было сделано. И всё же он обязательно поквитается с этой заразой!

Ловко она его унизила! Секунду-другую Флинн всерьёз хотел влепить Миранде пощёчину. Но сдержался. Она была Неприкосновенной, он – Серым. И безукоризненная форма, которую одолжил Ван Дуйк, ничего не меняла. Если он поднимет руку на Миранду, его тут же выгонят из школы.

Опустив голову и провожаемый потоком острот, Флинн поплёлся в кабинку, чтобы переодеться. Интересно, что он будет рассказывать завтра в докладе? Единственная мысль поддерживала его. Флинн мстительно надеялся, что Исис, проводя экскурсию по трущобам, как-нибудь задаст жару этому гнусному Ориону Паркеру…

Снаружи раздался голос взрослого:

– Миранда? Ты не в школе?

Флинн услышал, как юная стерва рассказывает матери про социальную практику Ван Дуйка.

– Серый под Куполом?! В нашем саду?! – взвизгнула мадам Бергсон. – Да этот учитель спятил!

8. Исис

Куда ни глянь – всюду полуразрушенные здания, скучные лица и всё погружено в серый туман. Химический смог, окутывающий планету, словно ощупывает каждый квадратный сантиметр своими липкими пальцами. Я наловчилась отыскивать крупицы цвета в недрах вечной серости. Возможно, это просто вспышки моей фантазии, а на деле – лишь более светлые оттенки серого. Но я рада и этому.

– Забавная идея отправить нас в гости друг к другу. Не находишь?

Я смотрю на Ориона Паркера и пожимаю плечами.

– Ну, если это развлечёт наших учителей, то почему бы и нет. А о чём ты напишешь в своём отчёте?

– Смотря по обстоятельствам.

– Каким обстоятельствам?

– Ну, например, будешь ли ты по-прежнему показывать то, что я и сам вижу каждый день из окон своей бронированной машины, или наконец решишься провести меня в свою вселенную.

«Провести меня в свою вселенную…» Я хмурюсь.

– Слушай, выражайся нормально. Высокий слог в Зоне Затопления не в ходу.

Мраморное лицо Ориона остаётся неподвижным. Ужас, как меня бесит его спокойная уверенность!

– Я хочу воспользоваться случаем, чтобы узнать, как вы живёте, – добавляет он. – Думаю, другой подобной возможности в обозримом будущем не представится. Например, мой отец точно будет в бешенстве, узнав, что я разгуливал тут без телохранителя.

Я внимательно смотрю на него. Высокий, хорошо сложенный, но без излишеств. С прекрасными синими глазами. Одетый в униформу Серого, он даже красив… Мой взгляд опускается ниже и упирается в дорогие ботинки. И я тут же спохватываюсь. Этот человек никогда не будет одним из нас…

– А почему ты хочешь узнать, как мы живём?

– Чтобы почувствовать себя в вашей шкуре. Понять, что делает вас порой такими агрессивными…

– Агрессивными? Издеваешься? Это вы нас ненавидите! Смотрите как на неполноценных! Вышагиваете в своей белой форме, будто на параде! Даже в столовой вас кормят лучше…

– Что касается школьных обедов, то это вопрос адаптации наших желудков. Мы не привыкли к той пище, которую

употребляете вы.

– Ну да, конечно… и ты веришь в эти глупости…

Продолжая подобного рода дискуссии, я веду Ориона всё дальше, в недра Зоны Затопления. Мы лавируем между лачуг, беспорядочно лепящихся друг к другу. Иногда проходы между ними так узки, что мы не можем протиснуться вдвоём.

– Ты меня здесь проводишь уже второй раз, – замечает Орион. – Это, конечно, настоящий лабиринт, но я уже начинаю в нём ориентироваться.

– Молодец. Ну а что ты хочешь увидеть?

– Например, место, где ты живёшь.

– Я? Ты… Ты имеешь в виду мой… дом?!

Орион кивает.

Я погружаюсь в раздумья. У меня нет никакой охоты показывать ему нашу хибару. Зачем? Чтобы он потом, смеясь, рассказывал своим дружкам, что я сплю в крохотной комнатушке вдвоём с братом? А каморка родителей так мала, что, когда они ложатся, их головы и ноги упираются в стены?

– Нет, это невозможно, – отвечаю я.

– Ладно. Тогда покажи мне ваш рынок. Место, где вы покупаете еду. Должно же здесь быть нечто подобное, нет?

Рынок? Почему бы и нет. В этот час там не особо опасно.

– Хорошо. Идём.

Я выхожу из жилых кварталов Зоны Затопления и направляюсь в торговую зону. Мы проходим мимо бесчисленных ларьков, где в основном мастерят мебель и одежду – из отбросов, найденных либо на помойках, окружающих Купол, либо в необитаемых районах старого Нью-Йорка. Орион смотрит во все глаза. Такое впечатление, что он даже наслаждается этим бардаком и хаосом. Наконец мы попадаем на рыночную площадь. Это огромная плавучая платформа, освобождённая от самодельных лачуг. Сейчас здесь топчутся несколько продавцов со своим жалким товаром. Кто-то продаёт кур – это для богачей. Но в основном предлагают рыбу и сушёные водоросли.

– Кислотный дождь мне на голову! Как же здесь воняет!!! – Орион зажимает нос.

Я не могу удержаться от смеха. Он так комично гримасничает… к тому же сейчас я, по крайней мере, уверена в его искренности. Действительно, рыба на рынке не всегда свежая. И здесь нет ни холодильников, ни льда, а жара стоит не ниже тридцати пяти градусов… Так что можете представить себе этот запашок…

Увидев, что я смеюсь, Орион тоже разражается хохотом.

– Когда ты смеёшься, у тебя не такой холодный вид, Исис

Мукеба.

– Не такой серый?

– Сегодня я тоже сер, разве нет?

– Только снаружи.

Я поспешно перевожу тему и начинаю описывать Ориону местную экономику. Он задаёт кучу вопросов, я пытаюсь отвечать. Он выглядит реально заинтересованным. Мило общается с людьми, которых мы встречаем. Если честно, я испытываю некоторое облегчение. Я боялась, Паркер будет вести себя как великий государь… Ну ладно, ладно, можно даже признать, что сейчас всё вообще довольно неплохо. Когда мы уже собираемся уходить с рынка, я замечаю группу молодых людей, бросающих на нас взгляды исподлобья.

– Что за парни тусуются там, у моста? – спрашиваю я старого продавца водорослей, с которым немного знакома.

– Не знаю. Торчат тут с обеда. Я никогда раньше их не видел. Наверное, из другого квартала.

Я подмигиваю старику, и тот улыбается в ответ, показывая все свои зубы… Целых два зуба, которые ещё у него остались.

– Кажется, тут у вас туговато с дантистами? – пытается сострить Орион.

Но мне совсем не хочется смеяться. Во-первых, он действует мне на нервы своим занудством. Во-вторых, те мутные типы, которых я заметила, тащатся за нами по пятам. Чего им нужно? Они узнали Ориона?

– Давай быстрей, – говорю я, не реагируя на его тухлую шуточку.

Нахмурившись, Орион ускоряет шаг. Я иду кружным путём, чтобы сбить с толку преследователей. Бросаю взгляд на часы. Бог ты мой! Время летит с бешеной скоростью. Я должна как-нибудь избавиться от Ориона… иначе опоздаю.

Мы выходим на маленькую площадь, окружённую довольно высокими развалюхами. Самые богатые из нас (или наименее бедные – это зависит от точки зрения) могут себе позволить строить дома в несколько этажей, из настоящего деревянного бруса… Я собираюсь нырнуть на одну из плавучих улочек, но тут чернокожий громила преграждает мне путь. Один из той компании с рынка. Резко поворачиваюсь в надежде улизнуть. Но меня ждёт неприятный сюрприз: мы окружены.

– В чём дело, мальчики? Заблудились? – интересуюсь я.

К нам приближается второй тип. Невысокий, до тошноты безобразный и воняющий, словно куча тухлых рыбьих потрохов!

– У нас что, потерянный вид?

– Просто вы не отсюда. И мне не хочется, чтобы у вас были

неприятности.

Небольшой взрыв смеха.

– А мы напоролись на актрису, пацаны!

– Чего вам надо? – спрашиваю я, чувствуя, как в моих глазах вспыхивают молнии.

– Мы не выносим тех, кто якшается с Неприкосновенными… если ты понимаешь, о чём я.

Моё сердце начинает бешено колотиться. Как они догадались, что Орион – Неприкосновенный? Я тут же понимаю, какие неприятности обрушатся на меня, если с ним сейчас что-нибудь случится.

– У тебя крутые баретки, чувак, – говорит чернокожий парень Ориону.

Нет, они не поняли, кто он такой! Просто узнали нашу форму. И обвиняют нас в том, что мы ходим в смешанную школу.

– Отдай им ботинки, – приказываю я, увидев, что в руках главаря блеснуло лезвие ножа.

Орион мягко приближается ко мне.

– Я уже говорил однажды в твоём присутствии, что не люблю, когда меня принуждают к чему-либо…

– Умничаешь, да? – угрожающе шипит главарь.

– Послушайте, – снова вмешиваюсь я, – у вас ещё есть возможность по-тихому свалить. Иначе мои друзья найдут вас и на всю жизнь отучат совать нос на нашу территорию.

– Ой, я просто умираю от ужаса! Заткнись, женщина. Тобой я займусь потом. Ты смазливая.

Орион делает шаг вперёд. Чёрт, что он творит! Тут же нет его телохранителей!

– Я сейчас сосчитаю до трёх, – чётко произносит он. – Ты, кстати, умеешь считать до трёх? Хорошо, просто уточнил. Так вот, после этого я воспользуюсь всего двумя пальцами, – он показывает большой и указательный на правой руке, – и сделаю тебе так больно, что ты будешь реветь несколько часов подряд и сильно пожалеешь, что встал у нас на пути… Ну как? Всё ещё хочешь мои ботинки?

Главарь обнажает клыки, как пёс, готовый вцепиться в горло. Ещё немного, и он пустит слюни. Ума не приложу, как Орион планирует выпутываться из этой истории.

– Раз…

Напряжение нарастает.

– Два… Три…

Дикий вопль взрывает тишину. Главарь роняет нож и сгибается пополам от боли. Позади недоумённо топчется остальная шайка. Они не понимают, что именно произошло, но

явно не хотят разделить участь шефа.

– Идём! – Орион берёт меня за руку и тянет на одну из плавучих улочек.

Мы несёмся, как поезд под откос. Хулиганы нас не преследуют.

Я останавливаюсь возле очередного моста, чтобы немного отдышаться. Орион делает то же. Он сейчас так близко, что мы почти касаемся друг друга. От этого обоим становится неловко. Если бы со мной был Флинн, я бы дружески треснула его по спине или громко хлопнула по раскрытой ладони…

– Как ты это сделал? – спрашиваю я, пытаясь унять дрожь в коленях.

– Ты не знала, что я волшебник?

– Очень смешно…

– Капсула самозащиты. Отец запрещает выходить из дома без неё. Я всегда считал это излишним. Но, как послушный сын, не спорил.

Он показывает мне то, что я приняла за кулон, необычную серебряную безделушку на цепочке. Малюсенький цилиндр диаметром буквально несколько миллиметров.

– Сжимаешь большим и указательным пальцем – и она выбрасывает очень мощный нейротоксичный газ.

– Ладно, Орион Паркер, ты заслужил…

– Побывать у тебя в гостях?

– Даже не мечтай…

Мы возвращаемся в начало Зоны Затопления. По дороге я встречаю нескольких приятелей и рассказываю, в какую нехорошую историю мы попали. Они убегают, чтобы собрать остальных парней из квартала. Нашим недругам стоит испариться как можно скорее.

Я снова смотрю на часы.

– Неужели со мной так скучно? – спрашивает Орион.

– Э-э-э… нет… – смущённо бормочу я. – Просто по вторникам я… делаю кое-что… и мне нельзя опаздывать.

– Кое-что?

– Да, очень важное.

– И об этом нельзя будет написать в отчёте, так?

– Ты не сможешь написать об этом нигде, потому что я не намерена вводить тебя в курс дела!

– Я только что спас тебе жизнь! Ну или почти…

– Не думаю, что они хотели меня убить, – возражаю я.

– Да, они хотели другого, – парирует Орион. – Разве это лучше?

Он внимательно смотрит на меня. Наши глаза встречаются, и

на этот раз я выдерживаю его пристальный взгляд. А потом произношу то, что совершенно не собиралась говорить:

– Клянёшься никому не рассказывать?

– Даю слово.

9. Исис

Нищета – это яд замедленного действия, который не даёт цветам распускаться. Её чёрная тень губит надежды и лишает людей способности мечтать о лучшем будущем. Нищета – это предместье смерти.

Прежде чем спрыгнуть в лодку, я ещё раз удостоверяюсь, что нас никто не видит. Потом приглашаю Ориона следовать за мной.

– Знаешь, мне нравится эта таинственность, – говорит он. – Жизнь под Куполом совсем не такая волнующая.

– Всё зависит от точки зрения, – возражаю я, отталкиваясь от мостков.

– Тебе можно помочь?

– Да. Каждому по веслу – так быстрее доберёмся.

Поначалу наши движения не скоординированы, и лодка виляет в разные стороны. Это должно меня раздражать – я прихожу в бешенство, когда так делает Флинн. Но нет – не раздражает. Скорее забавляет. Поди-ка разберись почему. Какое-то время мы выписываем по воде зигзаги, улыбаясь, как два придурка.

Наконец Ориону удаётся подстроиться под мой ритм, и лодка начинает плавно скользить между зданиями. Я вижу, что он поражён высотой полузатопленных башен.

– Подумать только… когда-то все эти небоскрёбы были полны людей… – задумчиво произносит Орион.

– Да, с тех пор, видимо, изменились условия аренды.

В 2080 году в результате глобального потепления от Северного полюса откололся кусок ледника величиной с Европу. Течения отнесли его в южные широты, где он начал таять. Миллиарды литров воды. Синоптики прогнозировали, что уровень моря будет подниматься на несколько десятков сантиметров в год. Он вырос на двадцать метров за шесть месяцев. Миллионы людей оказались в Зоне Затопления. Начались мятежи, войны. Толпы беженцев пытались захватить хоть пядь твёрдой земли. Потом пришёл голод. Миллиард погибших. За ним – страшные эпидемии, каких ещё не знала история. Они унесли ещё миллиард. Как раз в этот момент все народы, объединившись, изобрели систему куполов – пространств, укрытых от неблагоприятных климатических условий, болезней и голода. Пространств, предназначенных лишь для немногих избранных. Всем остальным пришлось

адаптироваться.

Я взглянула на Ориона. Кажется, он погружён в свои мысли.

– Не забывай грести, – напоминаю я, – а то опоздаем…

Мы налегаем на вёсла с удвоенной силой. Я снова оглядываюсь по сторонам, проверяя, не следят ли за нами, потом направляю лодку к потайному причалу, спрятанному внутри затопленного небоскрёба. Когда-то это было большое офисное здание, и кое-где ещё угадываются остатки перегородок, которые отделяли служащих друг от друга. Комната, куда мы заплыли, невероятно огромна и темна.

– Кто идёт?

– Я, Исис.

– Кто с тобой?

– Друг. Всё нормально.

Из полумрака выныривает тощий силуэт. Головой он почти касается потолка – из-за уровня воды. В руках у него оружие. Мой спутник заметно напрягается.

– Расслабься, Орион, расслабься, – шепчу я.

– Что здесь такое?

– Увидишь…

Мы пробираемся (не без элементов акробатики) по самодельным мосткам из металлических балок и оказываемся на лестнице.

– Тебя ждут, – произносит часовой. – Твой дружок – он вообще кто?

– Не волнуйся… Я за него отвечаю.

Караульный кивает, но по-прежнему не спускает с Ориона глаз. Мы поднимаемся на два этажа и попадаем в просторный зал заседаний.

Как только мы входим, воцаряется тишина. Я замечаю, что Орион с беспокойством озирается вокруг. В комнате около сотни детей в возрасте от шести до пятнадцати лет. Они истощены, покрыты грязью и шрамами, а физиономии у них такие, что с непривычки можно и перепугаться. Есть низкорослые, есть верзилы, некоторые мускулисты, но не слишком – жизнь впроголодь не позволяет набрать мышечную массу. В этой пёстрой толпе можно увидеть любой цвет кожи. Единственное сходство – все они вооружены. Высоченный громила отделяется от остальных и приветствует меня, церемонно кланяясь и целуя руку.

– Не валяй дурака, Хазар, – фыркаю я. – Это Орион. Он будет присутствовать на встрече.

– Друзья моих друзей – мои друзья, – изрекает Хазар,

протягивая руку моему спутнику.

У меня перестаёт биться сердце. Я напрочь забыла, что Орион – Неприкосновенный! Мысленно я умоляю его ответить на этот дружеский жест. Страшно представить, как Хазар отреагирует в случае отказа. К моему огромному облегчению, Орион спокойно пожимает протянутую ладонь.

Хазар торжественно воздевает к потолку указательный палец. По этому знаку все дети в полнейшей тишине садятся на пол. Я киваю Ориону, чтобы он сделал то же. А сама выхожу в центр зала.

– Сегодня немного позанимаемся историей. Я расскажу вам о Второй мировой войне.

Боковым зрением замечаю, как у Ориона округляются глаза, но не даю себе отвлечься. У меня урок. В течение часа я излагаю исторические факты, потом дети задают вопросы, а я отвечаю. Слушают они очень дисциплинированно, а расспрашивают – с большим интересом. Орион так и сидит с раскрытым ртом.

Когда занятие заканчивается, ученики бесшумно растворяются в темноте, каждый в своём направлении. Некоторые подходят, чтобы поблагодарить меня. Наконец в зале остаёмся только мы втроём: Орион, Хазар и я.

– Впечатляет, – только и может произнести сын самого богатого человека на планете.

– Согласен! – откликается главарь вооружённых подростков.

– Кто все эти дети? – спрашивает Орион.

– Беспризорники, – отвечаю я. – Их родители либо умерли, либо больны, либо слишком бедны, чтобы о них заботиться.

– Или слишком увлекаются картофельным самогоном, – добавляет Хазар.

– Ты их шеф?

– Да, можно сказать и так. Хотя у нас тут демократия. Исис разъяснила нам пользу подобной системы. Так что каждый год мы голосуем, чтобы выбрать нового шефа.

– И сейчас выбрали тебя.

– Случай, – усмехается Хазар[5].

– Откуда у тебя такое имя?

– Хазар? Меня нашли в урне. Случайно. Мне было около месяца. У типа, который рылся там в поисках объедков, не хватило духу оставить меня гнить среди мусора. И он меня подобрал. А через два года помер от свиного гриппа. Мерзкая зараза. Так вот, в возрасте двух лет от роду я остался совершенно один. А соседи у нас, разумеется, были не из тех, кто может усыновить сиротку. Так бы и окочурился. Но один шестилетний пацан решил, что я должен жить. И стал делиться со мной

крохами ворованной еды. Он заботился обо мне до моих десяти лет.

– Он здесь, с вами, этот героический мальчик?

– Тоже умер, – отвечает Хазар без эмоций в голосе. – Его убил один псих, у которого он пытался украсть рыбу. В тот день я понял, что должен быть более быстрым или более злым. Чтобы выжить. И мне удалось. Мальчишка, ещё довольно мелкий, один на улице – это было трудно. Люди сейчас с трудом могут прокормить собственных детей. Что уж говорить о таких, как я. Все просто делали вид, что меня нет. Я худел с каждым днём…

– Но ведь эта история кончается хорошо… – не выдерживает Орион.

– Когда сил у меня уже не оставалось, я окончательно понял, что помощи ждать неоткуда. Я украл лодку и уплыл, чтобы затеряться в лабиринте затопленных небоскрёбов. Такая смерть казалась мне более привлекательной, чем загнуться где-нибудь в тёмной подворотне. На ночь я остановился в одном из зданий – бывшем отеле. Обшарил все закутки в поисках провизии. Но другие побывали там раньше меня. Тогда, на пределе отчаянья, я стал нырять – в надежде найти что-нибудь съедобное под водой. И тут мне опять улыбнулась удача. На глубине шести метров я наткнулся на продуктовый склад отеля. Сотни банок с консервами. Случай…

– Настоящее чудо! – говорит Орион, явно захваченный этой историей.

– Точно! И я решил, что мне так везёт неспроста. Для чего-то я нужен. И когда немного подрос, стал опекать других брошенных детей. Я помогаю им выжить. Как мне помогли два моих спасителя.

– А какова роль Исис во всём этом?

Хазар улыбается.

– Исис? Она – наш талисман. Однажды, рыская по окрестностям, девчонка наткнулась на нас. Мы с ней долго спорили, и она убедила меня в необходимости дать брошенным детям образование. Поначалу я сильно сомневался в этой затее, а теперь вижу, что она была права.

– Нам пора возвращаться, – говорю я Ориону.

Мы прощаемся с Хазаром и идём к лодке. Некоторое время мы гребём молча. Я гадаю, почему Орион ничего не говорит, но ни о чём не спрашиваю. Я люблю тишину… Она позволяет разуму бродить неизведанными путями.

– Это невероятно – то, что ты делаешь, – произносит он наконец. – Невероятно и прекрасно.

Я пожимаю плечами.

– Я всегда думала, что, если бы каждый вложил хоть что-нибудь в общее дело, столько проблем решилось бы. Жизнь здесь, Орион, научила меня одной вещи: нет ничего невозможного. Всё сложно. Но всё возможно. Взять, к примеру, историю Хазара.

– А чего, по-твоему, не хватает, чтобы дела пошли лучше?

Я размышляю несколько секунд.

– Что касается климата, то время уже упущено. Мы слишком долго тянули, и теперь планета больна. Но со всем остальным вполне можно справиться… Например, голод…

– NEP регулярно раздаёт продукты…

Я выдавливаю кислую улыбку.

– Ну да… Капля в море. Но хуже всего, что люди полагаются на эти раздачи и не пытаются выживать сами.

– Но как? Почва отравлена кислотными дождями. Заниматься земледелием можно только под куполами.

– Я выращиваю овощи. Достаточно защитить их от ядовитых осадков и регулярно удобрять.

– А где ты добываешь удобрения?

– Аквапоника.

– Аква что?

Я объясняю. Вижу, что Орион сомневается.

– Ну хорошо же, мистер Скептик! Я докажу вам, что это возможно! – говорю я, резко меняя направление.

Пока мы гребём, я думаю, как бы Флинн отнёсся к тому, что я сейчас делаю. Везу Неприкосновенного в наше укрытие, в наш тайный сад. Надо постараться, чтобы мой друг никогда не узнал об этом…

Когда Орион видит мои овощи, его глаза едва не выскакивают из орбит. Он долго стоит перед аквариумом, рассматривая систему очистительных шлангов с таким видом, будто в них скрыта какая-то магия. Трогает кабачки кончиками пальцев и качает головой. Потом подходит ко второму ящику, на который я возлагаю большие надежды.

– А здесь нет *аквапоники?* – спрашивает он, нагнувшись над чахлыми ростками.

– Нет, это другой метод. В начале третьего тысячелетия один тип по имени Паскаль Нут выдвинул теорию, согласно которой растения могут приспосабливаться естественным образом. Их оставляют расти практически без воды и без какой-либо заботы. Даже сорняки не выдёргивают.

– Но это противоречит всем принципам сельского хозяйства!

– Первый год растение едва выживает. И приносит совсем крошечные плоды. Но в них есть семена. На второй год помидоры уже не такие рахитичные. У меня здесь уже четвёртое поколение.

Плоды стали в два раза больше. Думаю, года через три-четыре они уже достигнут нормального размера и их можно будет есть. И всё это почти без поливки и совсем без ухода. Растение понемногу приспосабливается к окружающей среде. Надо всего лишь набраться терпения и доверять природе. Ну и не давать кислотным дождям отравлять побеги.

– Но почему метод твоего Паскаля не получил распространения?

– Крупные сельскохозяйственные корпорации не дали. Паскаля Нута затаскали по судам, он разорился и сломался. Земледелие без пестицидов и прочей дряни – это был бы конец их бизнеса! Так что они выиграли, а планета проиграла.

Орион не возражает. Достаточно взглянуть на вечно серое небо, чтобы убедиться в моей правоте. Когда мы плывём обратно, он сидит погружённый в свои мысли. Я пользуюсь этим, чтобы незаметно рассмотреть его. Чем больше времени я провожу с ним, тем менее противным он кажется. Серый цвет ему к лицу. Он из тех людей, у которых внутренний огонь затмевает несовершенство (или совершенство) внешности.

– А что ещё ты можешь предложить, чтобы избежать голода и связанных с ним бунтов? – наконец спрашивает Орион.

Я вздыхаю.

– Проблема номер один – это работа, – отвечаю я, вспомнив об отце. – Столько людей жаждет её найти. Но с каждым днём роботы всё больше вытесняют нас с производства. Конечно, они работают быстрее. Но отсутствие работы приводит в отчаянье. Если так пойдёт дальше, то революции не избежать, причём довольно скоро. Ну, по крайней мере, можно было бы отправлять в десять раз больше людей на Новую Землю…

Орион не отвечает. Кажется, он о чём-то думает.

Наше приключение близится к концу. Когда я говорю себе, что завтра мы встретимся в классе, он – с одной стороны, я – с другой, разделённые невидимой, но вполне реальной чертой, у меня почему-то сжимается сердце. Я гадаю, испытывает ли Орион нечто подобное. И ещё я думаю, что Ван Дуйк был очень жесток, дав нам шанс провести вместе полдня, чтобы потом неизбежно разделиться снова.

Мы причаливаем. Я провожаю Ориона до Купола. Мы не разговариваем. Молчание могло бы смущать, но рядом с ним мне легко. Наступает момент прощания. Вот теперь нам обоим делается неловко. Мы не можем пожать друг другу руки и уж тем более чмокнуть в щёку.

– Пока, – произношу я.

– Спасибо, – отвечает он. – Спасибо за всё. Я бы хотел

провести с тобой больше времени…

Наши взгляды снова встречаются. В конце концов я отворачиваюсь, но чувствую, что он продолжает смотреть на меня.

Дорога домой кажется мне невыносимо длинной. Такое ощущение, будто серость вокруг сгустилась ещё сильнее.

10. Орион

На следующий день

– Ну, хорошо погулял с мисс Зубрилой? – выпалила Миранда, едва усевшись в машину.

– А ты?

– Даже не представляешь, как я веселилась! Дико смешно! Сначала я довольно долго прикидывалась душечкой, чтобы Флинн стал мне доверять. Видел бы ты, как он таращился на всё вокруг! Разинув рот! А когда он увидел наш лес… Я думала, он упадёт в обморок! Потом я затащила его к себе и всучила ему плавки моего младшего брата! Размеров на десять меньше. И предложила искупаться. Я позвала Трана, Сэма и Алису. Когда он снял своё полотенце, мы ржали, как психи, минут, наверное, двадцать. Вот, смотри!

Миранда включила планшет и показала фото Флинна в дурацких маленьких плавках.

– Семьсот лайков за один вечер! Кажется, это мой рекорд. Круто, да?

– Ага, впечатляет, – сдержанно ответил Орион.

Ночью он очень плохо спал, взбудораженный незнакомым миром, который приоткрылся ему во время прогулки с Исис. Возвращение в привычную реальность давалось почему-то с большим трудом. Орион понимал, что этот удивительный опыт больше не повторится. Пережитое вчера было чем-то вынесенным за скобки его размеренного существования. Случайным сбоем в налаженном течении жизни, который, увы, ничего не изменит в его будущем, спланированном ещё до того, как он появился на свет. Управление предприятиями империи Паркера сродни царской власти. Дело, передающееся от отца к сыну. И горе тому наследнику, который не заставит плодоносить эту золотую жилу. С самого раннего детства Ориона воспитывали как будущего директора семейной корпорации. В дополнение к школе он каждую неделю получал более десяти часов индивидуальных занятий: производственное право, улаживание международных конфликтов, искусство вести дебаты… Конечно, это совсем не то, о чём мечтаешь в пятнадцать лет.

Мысли Ориона вновь вернулись к Исис. Надо признать, она просто великолепна. Манящие зелёные глаза. Идеальная фигура. И сводящее с ума сочетание экзотической внешности, унаследованной от предков, и европейской утончённости черт лица. Разумеется, Орион и раньше присматривался к Исис.

Сложно не обратить внимание на единственную одноклассницу, которая регулярно опережает тебя в учёбе. Но он никогда не видел в ней ничего, кроме Серой, озабоченной лишь выживанием парии, готовой биться за каждую пядь жизненного пространства. Однако Исис, с которой он столкнулся у входа в школу, растерянно сидящая перед ним на крыльце, – та Исис была совсем другой. Более хрупкой. А ещё – более человечной. И полдня, проведённые с ней вместе, только подтвердили это впечатление. Точнее – даже усилили. Причём её неординарная личность привлекала Ориона сильнее, чем удивительная внешность…

Полная противоположность Миранде, продолжавшей с упоением трепаться о злой шутке, которую она сыграла с Флинном. И о том, что он выглядел как побитый пёс. И о том, как она потом до вечера дезинфицировала всё, к чему он прикасался… Да уж, Миранда полностью оправдывала звание Неприкосновенной. Ничто не могло задеть эту куклу или тронуть её сердце. Да и было ли оно у неё? Сложно сказать. Сложно разглядеть хоть что-нибудь за стеной глупости и кокетства.

– Эй, ты вообще слушаешь? – Миранда надула губки.

– Да-да, – с некоторой заминкой ответил Орион. – Ты говорила, что твоя мама не оценила эту затею…

– Это мягко сказано! После того как Флинн ушёл, она тут же бросилась звонить в школу…

Внезапно удар камня о стекло машины прервал бесконечный поток болтовни.

– Что такое, Оскар? – вскрикнула девушка. – Нас принимают за мишень?

– Да, мисс Бергсон. Не волнуйтесь. Этот автомобиль способен выдержать атаку и более серьёзного оружия, чем простой булыжник.

– Но почему в нас швыряют камни?

– Не переживайте, мисс. Глупые подростки, ничего страшного.

– Надо сообщить в полицию! Пусть задержат этих хулиганов!

– Они уже далеко. Не стоит беспокоиться.

– Орион? – окликнула Миранда, рассчитывая на его поддержку.

Но он не смотрел на неё.

– Кому вообще пришло в голову разместить школу в низших кварталах? – продолжала возмущаться девушка. – Было бы гораздо лучше устроить её под Куполом!

– Это дело принципа, Миранда, – ответил Орион, по-прежнему скользя взглядом по улицам, которые они проезжали. –

Чтобы показать обитателям низших кварталов, что мы способны жить вместе, что их дети могут обрести своё место среди нас.

– Пф-ф-ф! Полнейшая чушь, если хочешь знать моё мнение!

– Ты понимаешь, что если бы Серые захотели, они легко на нас напали бы и разрушили наш маленький идеальный мирок?

– Что? Ты бредишь! Наши роботы быстро поставят на место этих грязных бунтовщиков!

– Первых – да. Но ведь их в сотни раз больше, чем нас, Миранда. Ты отдаёшь себе в этом отчёт? Единственная причина, почему наш Купол до сих пор стоит на месте, заключается в том, что Серые ещё не дошли до предела отчаянья. И знаешь благодаря чему?

Миранда пожала плечами. Ей совсем не нравилось, какой оборот принимает разговор.

– Потому что мы оставляем им крошечные крупицы надежды… Надежды получить немного еды на раздачах. Надежды поступить в смешанную школу. А главное – надежды перебраться на Новую Землю… Но я чувствую, как там, на улицах, нарастает гнев…

– Ты такой странный. Что с тобой творится? Ты как будто оправдываешь их…

Последнее замечание Миранды огрело Ориона как плеть. Да она его раскусила! Если отец узнает об этих словах, то последует тяжёлый разговор. Который, правда, продлится не более пятнадцати минут. И всё же. Надо срочно дать обратный ход…

– Поговорим о другом. Ты спрашивала, как я провёл вчерашний день…

– Да! Умираю от желания узнать!

– К сожалению, мне нечем тебя удивить, Миранда. Серые полностью оправдали мои ожидания. В основном они полностью безграмотны и не могут связать и двух слов. Но самое ужасное – запах. От них несёт гнилью. Когда идёшь по этим кварталам, такое чувство, будто тебя ткнули носом в задницу бродячего пса. Которых там, кстати, нет. Все съедены.

– Они едят собак?!

– Они едят всё, что могут поймать. Даже крыс.

– Какой ужас! А как тебе Мукеба?

– Исис?

Орион замолчал, подыскивая слова. Сказать что-то плохое об Исис было намного сложнее, чем повторить всем известные стереотипы о низших кварталах.

– Она… никакая, – соврал он наконец. – Грустная, безучастная, такая же серая, как небо, под которым живёт. Её единственная цель – хорошо закончить школу. Чтобы стать одной

из наших служанок.

– Как мило, – с явным облегчением усмехнулась Миранда. – Впрочем, я бы удивилась, если бы ты рассказал что-нибудь другое.

11. Исис

Когда я сажусь за парту, то не могу удержаться и бросаю взгляд на Ориона. Он улыбается в ответ. Простая улыбка, которая стоит недельного запаса продуктов… Флинн с силой заезжает мне локтем по рёбрам.

– Ай! Ты сдурел или как? – шиплю я.

– V нас больше нет чувства юмора?

Чувство юмора… У Флинна его хоть отбавляй. И сейчас я испытаю это на себе.

– У меня галлюцинации или ты действительно улыбнулась этому типу?

Я не успеваю ответить, потому что дверь открывается. Мы молча поднимаемся, чтобы поприветствовать учителя. К нашему удивлению, это не Ван Дуйк, а директор школы собственной персоной.

– Здравствуйте. Можете садиться. Сегодня урок проведу я. И так будет до возвращения мадам Глэйе. Господин Ван Дуйк уволен. Он больше не является сотрудником Министерства просвещения. Его педагогические идеи не подходят для нашей школы. Для любой другой школы, впрочем, тоже.

В классе поднимается одна робкая рука.

– А как же наши доклады по социальной практике?

– Эта история закончена. Можете удалить их с планшетов. От лица школы прошу прощения у всех, кого шокировал данный опыт. Ваши родители сегодня утром тоже получили официальные письма с извинениями. Думаю, теперь инцидент исчерпан…

Я ёрзаю на стуле. Ван Дуйк уволен? Наверное, директорский телефон разрывался весь день с тех пор, как Серые проникли под Купол… Любопытно, знал ли Ван Дуйк, на что идёт? Мне немного жаль его. Раз в жизни кто-то предложил нечто выходящее за рамки обычной школьной рутины…

Урок продолжается со скоростью растущего коралла. У директора такой скучный голос, что создаётся впечатление, будто он знает всего три слова, которые постоянно мусолит во рту. Мне никак не удаётся сосредоточиться. После двух бесконечных часов приходит время обеда.

Если бы я могла взять свой поднос и сесть рядом с Орионом! Но я, разумеется, не осмеливаюсь этого сделать. Я иду в туалет помыть руки. В школе сортиры гораздо чище, чем общественные уборные у нас в квартале. Я вам ещё не говорила, что в наших лачугах санузлы не предусмотрены? Ну вот, сообщаю.

Теперь вы понимаете, почему я не хотела приводить Ориона к

себе домой. Какой был бы стыд, если бы ему вдруг приспичило!

Я нажимаю на кнопку, чтобы спрыснуть руки антисептическим гелем. И вдруг слышу голос Миранды.

Она со смаком пересказывает кому-то свою проделку с Флинном. Секунду я борюсь с искушением рвануть на себя дверь кабинки, схватить эту гниду за её тупой шиньон и заставить дегустировать бактерии на дне унитаза. Я знаю, что это разрушит моё будущее. И всё же очень близка к тому, чтобы так поступить. Я делаю несколько глубоких вдохов, пытаясь успокоиться. Ладно, меняем стратегию. Макания в унитаз Миранда всё-таки избежит, но вот от моей ядовитой реплики ей точно не спастись… И тут я слышу, что она произносит имя Ориона.

– Сегодня по дороге в школу мы неплохо поболтали…

– Что он рассказал?

– Что от Серых дико воняет и что они едят собак!

– Да ладно. И ты в это веришь?

– Разумеется. Орион Паркер никогда не врёт.

– Да он милашка!

Раздаётся взрыв смеха, и я узнаю голос Ким – лучшей подруги Миранды. Они похожи, как сёстры, только Ким брюнетка. Одинаковые счета в банке, одинаково пренебрежительный тон. И макияжа больше, чем мозгов.

– Не смей! – отвечает Миранда. – Орион Паркер мой. Уж не думаешь ли ты, что я выпущу его из рук, каждое утро бывая с ним наедине?

– Не боишься, что его уведёт другая девушка? Не я. А такая вся из себя – со смуглой кожей и большими зелёными глазами…

– Исис Мукеба? Орион Паркер с Серой? Да ты сбрендила, бедняжка!

– Но она ведь красивая.

– Красивая? Вульгарная – это да. Орион сказал, что она такая же тусклая, как их серое небо. И что у неё в жизни единственная цель – хорошо закончить школу, чтобы стать одной из наших служанок. И, поверь, когда он говорил это, он вовсе не выглядел воодушевлённым её гигантскими буферами и заштопанной формой…

Каждое слово сыпется на меня, как удары на боксёра, загнанного в угол ринга. Прямой, хук, апперкот.

Девушки, выпорхнув из своих кабинок, уходят. А я пытаюсь переварить яд этих слов. Я плевать хотела на то, что Миранда и её подружки думают обо мне. Со временем привыкаешь выносить постоянное презрение. Это как комариный укус – сначала сильно чешется, потом проходит…

Но Орион – другое дело… Я ведь почти поверила, что он – не

такой, как все. Что же. Он хорошо посмеялся надо мной. Гораздо лучше, чем эта тупая кукла над беднягой Флинном. Унизил меня, просто намного тоньше. Подумать только – и я показала ему беспризорников и ферму…

12. Исис

Мои родители – мужественные люди. Они никогда не опускают руки. И готовы на всё ради меня и брата. Так бывает далеко не всегда, и тому есть множество примеров, Я отлично понимаю, как нам повезло…

Когда я возвращаюсь домой – да, я называю нашу лачугу домом, а что? – мне хочется только одного: чтобы мама обняла меня и покачала на ручках, как маленькую. Я вообще-то не особо ласковая дочь, но у моей матери какое-то чутьё на такие вещи. Когда мне плохо, она всегда подходит обнять и утешить.

Сегодня я, мягко говоря, сильно в этом нуждаюсь. Те, кто живёт в Зоне Затопления, со временем привыкают к неприятностям и как-то грубеют душой, чтобы легче переносить удары судьбы. А ещё – учатся их предвидеть заранее. По крайней мере, у меня всегда получалось. Но не в этот раз. Я позволила себе увлечься иллюзиями, поверить во что-то вроде детской сказочки про фей. И вот результат. Такое чувство, будто мой корабль на полном ходу напоролся на подводную скалу.

Я открываю дверь. Родители сидят за столом друг напротив друга. Отец пьёт отвратительный картофельный самогон. Если человек начинает употреблять подобные напитки в четыре часа пополудни, да ещё и в одиночку, – это значит, случилось нечто важное. Вопрос лишь в том – хорошее или плохое? Увидев покрасневшие глаза матери и следы слёз на её щеках, я склоняюсь ко второму варианту. Похоже, ещё один корабль потерпел крушение. Нынешний день займёт почётное место в моём хитпараде чёрных дат. И, конечно, никаких объятий мне сегодня не светит. Я сажусь рядом с матерью и смотрю на неё, не произнося ни слова.

– Я беременна, – говорит она, проглатывая рыдание.

– Сходи к врачу. Он даст тебе то, что нужно, – прагматично отвечаю я.

– Слишком поздно, – вздыхает мать. – Я пропустила срок. Ничего не заметила. Мы так мало едим, что я не прибавила в весе ни грамма. Уже четвёртый месяц…

Отец опрокидывает в рот очередную стопку.

Думаю, не разрешит ли он вдруг и мне пропустить рюмочку? Хотя разве это выход… Снова смотрю на мать. Только этого не хватало! Четвёртый месяц беременности! В низших кварталах женщина может иметь только двух детей. И никаких исключений. Она пропустила срок, когда проблему можно было решить с

помощью абортивной таблетки. Теперь – только операция. На которую у нас, разумеется, нет денег. Нет и не будет… Я слышала о подпольных абортах, но шарлатаны, занимающиеся этим, имеют такую ужасную репутацию, что переступить порог их «кабинета» – это как сыграть в русскую рулетку…

– Я записался на розыгрыш билетов на Новую Землю, – сообщает отец. – Может, хотя бы раз в жизни нам повезёт…

Новая Земля… Да, это был бы выход. Там число детей никто не ограничивает. Скорее наоборот. Я вздыхаю. Итак, что мы имеем? Один шанс из десяти тысяч, что нашей семье выпадет счастливый билет. Можно сказать, ничего. Отец тешит себя иллюзиями.

– Пойду пройдусь, – говорю я, хотя никто меня не слушает.

Я должна с кем-нибудь поговорить. Но не с Флинном. Только не с ним! Он не поймёт. Я направляюсь в самый дальний и уединённый уголок нашего района. Мать всегда приходит в ужас, когда я хожу сюда, но я только смеюсь над её страхами. Единственная вещь, которую никто не может отнять у обитателей Зоны Затопления, – это свобода. Я останавливаюсь у хижины Каримы. Она, можно сказать, староста квартала. А ещё – колдунья, как утверждают некоторые.

– Входи, Исис, входи.

Не знаю, как Карима это делает, но она частенько угадывает, кто стоит за дверью, ещё до того, как гость поднимает руку, чтобы постучать. Я вхожу и сажусь напротив неё. Каждый раз я застаю Кариму на одном и том же месте – она сидит прямо на полу, скрестив ноги. Такое впечатление, будто она вообще никогда не встаёт. Даже чтобы поесть или сходить в туалет. Я вдруг представляю Кариму восседающей на троне и впервые за долгое время улыбаюсь.

– Нельзя смеяться над старухами, – мягко ворчит она.

Как Карима угадала, что я думаю о ней?

– Особенно когда тебе грустно.

Хорошо, что я пришла. У Каримы настоящий дар. Не знаю, может, все старики им обладают? В Зоне Затопления люди редко доживают до шестидесяти. Постоянная сырость, плохое питание, болезни… Родители отца и матери умерли ещё до моего рождения. Карима для меня – нечто вроде приёмной бабушки. Я – одна из немногих, кто отваживается навещать её. Остальные боятся.

Карима выглядит лет на двести. Её кожа, покрытая бесчисленными морщинами, похожа на жёваную бумагу. Длинные белые волосы заплетены в аккуратную косу, которая покоится на плече. А тело – такое маленькое и съёжившееся, что кажется,

будто Карима уже начала развоплощаться… Но когда сталкиваешься с ней взглядом, понимаешь, что это обманчивое впечатление. Её чёрные как ночь глаза, не утратившие юношеского блеска, впиваются в собеседника с поразительной остротой и проницательностью.

– Ну что, красавица, плохой день?

– Вроде того, – отвечаю я.

И рассказываю всё. Даже про моё разочарование в Орионе и про ненависть, которую с новой силой испытываю к этому Неприкосновенному. Потом говорю о матери, надеясь, что Карима даст какой-нибудь совет. Но та молчит. Только мерно покачивает головой. Я даже начинаю опасаться, не началось ли у неё старческое слабоумие…

– Удивительно… – произносит она наконец.

– Что? Что моя мать снова беременна?

– Что ты обманулась…

Я хмурюсь. Разговор с Каримой часто напоминает хождение по канату. Надо быть очень сосредоточенной, чтобы не оступиться и не потерять опору…

– В Орионе?

Карима трясёт головой.

– Ты всегда правильно судила о людях…

– Но не в этот раз.

– А что говорит твоё сердце?

– Ты разве не слушала, о чём я рассказывала? Обо всех тех гадостях, которые он наговорил про меня этой гнусной Миранде?

– Это ты не слушаешь, Исис Мукеба. И упираешься, как упрямый ишак.

Карима умеет поставить на место. Но она знает, что я её люблю. И я знаю, что она любит меня. Поэтому, даже когда она говорит вещи, которые я не хочу слышать, между нами сохраняется горячая симпатия.

И всё-таки я не решаюсь признаться ей в том, что гложет меня изнутри. Из уважения к её возрасту, надо думать… Что говорит мне сердце? Моё сердце кровоточит, Карима! Потому что на несколько часов я позволила себе слабость. Позволила себе подумать, будто Орион увлечён мной. Мной – одной из миллионов Серых, полным ничтожеством… Да, он ранил меня! Унизил.

«Ты слышала, как он произносил эти слова?» — говорит чей-то голос внутри меня. Я смотрю на Кариму. Но старуха молчит, прикрыв глаза. Может, она владеет телепатией? Я мотаю головой, словно пытаясь вытряхнуть оттуда эту дурацкую мысль. Но вопрос уже задан. Действительно ли Орион произнёс эти слова? И

даже если да, то правда ли он так думает? А вдруг эта крашеная девка их просто выдумала? Хотя нет, она слишком глупа для этого.

– А ты тоже считаешь, что у меня «гигантские буфера»? – ляпаю я, не подумав.

Карима начинает смеяться. Очень странно наблюдать, как хохочет столь старый человек. Кажется, она сейчас рассыпется.

– У тебя прекрасная грудь, малышка Исис, – произносит она наконец. – А ты не думала, что маленькая гадюка, выпустившая в тебя свой яд, попросту ревнует?

Миранда ревнует? Неприкосновенная, богатая, красивая блондинка ревнует ко мне? С её идеально белой кожей и огромными голубыми глазами? Невозможно. Хотя как знать. Однако это не снимает моих вопросов к Ориону. И не решает проблему с беременностью матери.

– Решения сами приходят к тем, кто заслуживает, – сонно произносит Карима, а потом начинает бормотать нечто вроде молитвы на языке, который я никогда не слышала.

Я хорошо её знаю. Больше она ничего не скажет. Я целую пергаментную щёку и выскальзываю из хижины. В голове крутится ещё больше вопросов, чем когда я пришла. Орион, Миранда, мать… Мысли бегают по кругу, толкаются, перемешиваются…

Решения сами приходят к тем, кто заслуживает… Хорошо ей говорить, она, кажется, всегда знает, что делать…

А вот я вовсе не уверена, что заслуживаю чего бы то ни было…

13. Исис

Я редко бываю печальной. Я предпочитаю серому– разноцветное. Так же и с чувствами. От грусти всё вокруг тускнеет, становится безвкусным. Я не удивилась бы, узнав, что депрессия одной природы со смогом, скрывающим наше небо…

Я должна поговорить с Орионом.

Эта навязчивая мысль не покидает меня всю ночь. С самого утра я жду возможности осуществить своё намерение. И постепенно прихожу в бешенство. Да, вот он, парадокс нашей школы. Весь день мы учимся бок о бок, но моменты, когда есть шанс вступить в контакт, можно пересчитать по пальцам одной руки. Как если бы каждый клан жил обособленно, внутри невидимого мыльного пузыря. Не зря их называют Неприкосновенными!

День идёт своим чередом, а я так и не могу приблизиться к Ориону.

Вот и последний урок. «Пересечение водной поверхности в горизонтальном положении с продолжительным погружением головы под воду на стандартную глубину». Проще говоря – плаванье в бассейне. Никогда не понимала, почему наши уроки физкультуры так сложно называются. Кажется, это какая-то традиция прошлого века…

Я постаралась попасть на соседнюю с Орионом дорожку. Разумеется, не на ту же самую. Учитель ни за что не допустил бы такой близости. А что, если мы случайно прикоснёмся друг к другу… Когда Орион ныряет, я тоже бросаюсь в воду и пытаюсь его догнать. Это сложно. Он плавает быстрее, чем я. Но я не сдаюсь. Нас разделяет меньше метра, когда он, видимо, заметив меня, сбавляет темп. Наши глаза встречаются.

– Надо поговорить, – произношу я между двумя гребками.

– О чём?

– Кажется, я тусклая и неинтересная.

Я хватаю ртом воздух и продолжаю:

– Кажется, моя мечта – стать одной из ваших служанок.

Мы доплываем до конца дорожки. В тот момент, когда надо оттолкнуться от стены, чтобы плыть в обратную сторону, наши взгляды снова пересекаются.

И я вижу по его глазам, что он действительно говорил эти слова.

– Ты хорошо посмеялся надо мной, – бросаю я, прежде чем нырнуть.

Я плыву под водой долго-долго. Дольше, чем когда-либо в жизни. И не уверена, что хочу подниматься на поверхность. Но инстинкт выталкивает меня наверх, я глотаю воздух и начинаю яростно молотить по воде, представляя, что осыпаю ударами Ориона. Я позволяю телу выплеснуть гнев в бассейне. И даже роняю несколько слезинок. К счастью, никто их не видит. Три дорожки в таком темпе – и я уже изнурена до предела. Выхожу из воды.

– Урок не закончен, Исис, – замечает учитель.

– Я сегодня не в форме, извините.

Учитель хорошо меня знает. Я – Исис-воительница, которая никогда не отступает на полпути. Он верит мне.

– Можешь идти переодеваться. Надеюсь, ты скоро поправишься.

Когда я выхожу из бассейна, слышу шаги за спиной. Орион Паркер тоже вылез из воды.

– Подожди. Исис, подожди! – зовёт он и делает это так громко, что множество любопытных взглядов тут же устремляется к нам.

Я колеблюсь – не обернуться ли. Но продолжаю следовать своим курсом. Зачем я буду откликаться?

Чтобы дать ему удовольствие лицезреть меня в столь жалком виде – с покрасневшими глазами и расстроенным лицом?

– Это совсем не то, что ты думаешь… – слышу я, хлопая дверью женской раздевалки.

Сидящая на бортике бассейна Миранда не упускает ни единой детали из этой удивительной сцены.

В её глазах загораются предвестники приближающейся бури…

14. Миранда

Ирина Бергсон принадлежала к тому типу женщин, что возделывают свою красоту, как будто шлифуют драгоценный камень. Она отлично понимала, что внешность – её главный козырь, и использовала его на все сто, чтобы достичь высокого положения в обществе. Мельчайшие детали имели для неё огромное значение. Поэтому, когда служанка, красившая ей ногти, случайно капнула лаком на кожу, Ирина Бергсон мгновенно взорвалась:

– Ты можешь быть внимательнее, Летиция?! Не понимаю, почему я вообще тебе так много плачу! Ты ведь знаешь, с той стороны Купола тысячи тебе подобных спят и видят, как бы занять твоё место!

– Да, мадам. Простите. Этого больше не повторится.

Лицо Ирины Бергсон немного смягчилось – она увидела, что в комнату входит Миранда. Те же голубые глаза, та же горделивая осанка. Ирина гордилась дочерью.

«Грудь всё же маловата, – отметила она про себя. – Ну ничего. Небольшая операция – и девочка будет само совершенство».

– Как прошёл твой день, дорогая?

– Хорошо, мама. Я проплыла около двух километров.

Ирина быстро подсчитала в уме. Она мыслила не километрами, а калориями. Сохранить идеальную фигуру было для неё одной из важнейших задач, которой она посвящала большую часть своего времени. С помощью личного тренера и персонального диетолога, конечно.

– Превосходно, моя милая, превосходно.

– Скажи, пожалуйста, мама, папина работа связана с ежедневными розыгрышами путёвок на Новую Землю?

– Да, это одна из его бесчисленных обязанностей. А почему ты спрашиваешь?

– А могли бы мы… подарить кому-нибудь билет на Новую Землю?

– Что? Разумеется, нет, моя дорогая! Это вопиющее нарушение правил. У всех бедняков должны быть равные шансы на выигрыш.

Миранда скривила губы. Эта гримаска не ускользнула от глаз матери.

Ирина удовлетворённо оглядела свои ногти и отослала служанку. Удостоверившись, что дверь плотно закрыта, а в коридоре никого нет, она обернулась к Миранде и зашептала:

– Разумеется, правила едины, но не для всех. Во власть затем

и идут, чтобы иметь разные варианты… Кого ты хочешь отправить на Новую Землю?

– Исис Муке бу.

– Ту Серую, которая всегда получает самые высокие оценки?

Ирина вспомнила, что это имя часто попадалось ей в ежегодных рейтингах класса. И она даже задавалась вопросом, почему администрация допускает, чтобы Серая регулярно оказывалась впереди Неприкосновенных. Политика правительства в этом вопросе казалась Ирине просто отвратительной. Слишком много компромиссов по отношению к Серым, слишком много заботы о них. И всё ради того, чтобы они сидели спокойно! Если бы это было в её власти, она бы позволила самым нервным напасть на Купол, а потом подавила бы мятеж одним ударом лазера.

– А почему ты хочешь от неё избавиться?

– Я её просто не выношу. Она меня дико раздражает. Всё время похваляется своими оценками и крутит хвостом перед парнями.

– Надеюсь, она не пытается охмурить кого-то из Неприкосновенных?

– Да. Мукеба положила глаз на Ориона.

– Ориона Паркера?

– Да, мама.

– Но это же совершенно невозможно! Ноль шансов! Наследник Паркера с Серой! Ха-ха!

– Сегодня он говорил с ней.

Ирина встала из кресла и принялась расхаживать по комнате. Не может быть и речи, чтобы какое-то серое ничтожество встало между её дочерью и Орионом. Ей и так пришлось приложить слишком много усилий, чтобы свести их вместе. Примитивное очарование Серых иногда привлекает внимание даже самых достойных мужчин. Она знала много таких историй. Да, порой Неприкосновенные якшаются с этой шушерой, встречаясь в самых злачных и подозрительных местах.

– Я займусь этим, – произнесла Ирина. – Даю тебе слово, в ближайшем тираже маленькая бесстыдница выиграет билет на Новую Землю.

Миранда одарила мать своей самой очаровательной улыбкой. Эта девочка с её голубыми глазами и светлыми локонами сейчас походила на ангела.

– Спасибо, мама! От всего сердца! Что бы я без тебя делала…

15. Исис

Я люблю Зону Затопления. Это пёстрое нагромождение плавучих хижин, соединённых навесными мостками. Непрестанное покачивание утлых строений в такт дыханию океана. Люблю здешние неправильности, несовершенства и умение приспосабливаться. Зона – не просто городской квартал, каменные джунгли без души, Это живое существо, которое по доброте своей согласилось нас приютить.

– Мы выиграли! Мы выиграли!

Мать скачет как безумная вокруг моей кровати. Я с трудом разлепляю веки, чтобы взглянуть на часы.

– Шесть утра, мама!

Мой мозг постепенно включается. Я никогда не видела мать в таком возбуждении. Выиграли? Что выиграли? Наконец в голове словно что-то щёлкает. Билет на Новую Землю! Я выскакиваю из постели одним движением. Зак тоже просыпается. Мать выхватывает его из кроватки и кружит с бешеной скоростью.

Этот ненормальный визжит, а его пятки того и гляди разнесут наши этажерки.

– Ты… ты уверена? – спрашиваю я.

– Мы получили официальный имейл от NEP. Минуту назад. Жалко, что отца нет дома. Надо ему сообщить! Это нищенское существование, дни, когда ломаешь голову, чем накормить детей, – всё позади! Во время путешествия нас будет кормить NEP. А дальше… мы будем жить как твоя тётя Лили – своя ферма, свои животные. Мы сможем возделывать целые поля…

Я думаю о том, сколько усилий приложили мы с Флинном, чтобы вырастить несколько овощей. А там достаточно будет посадить и поливать, предоставив солнцу сделать всё остальное. Ещё вчера мой огород, возделываемый с таким трудом, был благословением, а сейчас в одну минуту потерял всякую ценность…

– О Исис, как чудесно! Я смогу сохранить ребёнка! – Мать опускает Зака и кладёт обе руки себе на живот.

– Да, это гениально, мама, – говорю я, силясь улыбнуться, и обнимаю её.

Знаю, знаю, что вы думаете. Что я тоже должна прыгать до потолка от счастья. Один шанс на десять тысяч. Совершенно неожиданная удача. И к тому же – в такой критический для нашей семьи момент. И вот, пожалуйста, – у меня нет ни малейшей охоты радоваться. Честно говоря, я никогда даже не

думала о возможности отправиться на Новую Землю. Это было чем-то из разряда вещей, которые, конечно, существуют, но ты никогда не будешь ими обладать. Вроде машины или бифштекса на обед. И теперь, когда эта дивная новость обрушилась мне на голову, я чувствую себя так, будто очутилась на краю пропасти. Странное дело. Я словно смотрю вниз и не вижу дна, только бесконечное космическое пространство с мириадами звёзд и бесчисленными галактиками готовое поглотить меня, затянуть в небытие. Я зажмуриваюсь.

– А как же мои друзья? – спрашиваю я, вновь открывая глаза.

Мать смотрит на меня так, будто я сумасшедшая.

– Друзья? Ты имеешь в виду Флинна?

Я вздыхаю. Хотя как ещё она должна реагировать? Кроме Флинна, у меня действительно нет друзей. Я никогда не ощущала себя сильной настолько, чтобы устанавливать связи с людьми. Предпочитала рассчитывать лишь на свои способности и ни от кого не зависеть. Сейчас я вдруг понимаю, что не готова вот так просто взять и навсегда распрощаться с Флинном… Однако уже через секунду мои мысли обращаются к Ориону. Я даже не замечаю, как это произошло. Чёрт, почему я думаю о нём? Об этом предателе…

– Мне очень жаль, Исис. Но я уверена, там ты заведёшь новых.

Моя мать. Отвечает мне. Ах да. Она говорит о Флинне…

– Знаешь, мне нравилась эта жизнь, – произношу я робко.

Мама садится на мою кровать и берёт меня за руку.

– Конечно, она была далека от совершенства, это правда, – продолжаю я. – Но я привыкла добывать всякие вещи в руинах старого Нью-Йорка, обменивать их на еду, придумывать новые способы для выращивания овощей, вкалывать, чтобы хорошо учиться…

– Знаю, знаю, Исис. Но на Новой Земле шанс есть у всех. Там нет необходимости столько учиться. У тебя могла бы быть твоя собственная ферма…

Моя ферма? Выращивать овощи, чтобы не умереть с голоду, – это круто. Но стать фермершей? Я смотрю на мать так, будто она – инопланетянка. А потом говорю себе, что вскоре мы все ими станем, инопланетянами… И это мне совсем не нравится. Но ещё больше не нравится перспектива стать фермершей.

Дальше я думаю о путешествии. Шесть лет. Шесть лет взаперти в космическом ковчеге, похожем на сигару. Бесконечность. Я подсчитываю в уме. Когда мы прилетим на Новую Землю, мне будет почти двадцать один год. Я потеряю лучшие годы юности, сидя в куске железа, несущемся в

межзвёздной пустоте со скоростью 200000 километров в секунду…

16. Орион

Орион пришёл в школу с твёрдым намерением поговорить с Исис. Ему было невыносимо думать, что она ставит его в один ряд с Мирандой и другими Неприкосновенными, которые воспользовались социальной практикой, чтобы унизить Серых. Орион не мог простить себе, что вчера ломал комедию перед этой дурой Мирандой. Сегодня утром, по дороге в школу, он едва ли обменялся с ней парой слов. Односложно отвечал на вопросы, не давая вовлечь себя в пустой трёп. Все его мысли были заняты предстоящим объяснением с Исис. Орион без конца прокручивал в голове свои реплики, подбирая слова, чтобы извиниться перед девушкой. Зная обидчивый характер Исис, он понимал, что вновь завоевать её доверие будет нелегко. А может – разумнее оставить всё как есть? Ведь в любом случае у этих отношений нет никакой перспективы. Всегда кто-то или что-то будет стоять между ними – униформа, косые взгляды окружающих или непроницаемая стена Купола. Просто они принадлежат к разным мирам… И тем не менее Орион ощущал непреодолимую потребность снова говорить с ней, снова видеть, как она улыбается…

В классе он тут же принялся высматривать Исис. Но её место пустовало. Орион направился к Флинну, перешагнув невидимую черту, отделявшую Серых от Неприкосновенных.

– Ты знаешь, где Исис?

Флинн смерил Ориона взглядом.

– Ты что, теперь со мной разговариваешь?

– Я не хочу ссориться, Флинн.

– Скажу откровенно, Паркер, я никогда не питал особой любви к Неприкосновенным, но в последние дни у меня развилась просто какая-то аллергия на вас. Так что вали на своё место, пока я не отправил тебя туда пинком под зад.

Орион, поколебавшись, отошёл обратно к своей парте и стал готовиться к уроку, то и дело поглядывая на дверь. Вдруг Исис просто опаздывает?

В класс вошла мадам Глэйе, вернувшаяся после нескольких дней болезни. Дождавшись тишины, она объявила:

– Прежде всего хочу сообщить вам радостную новость. Вашей однокласснице повезло выиграть билет на Новую Землю. Поэтому сегодня она уже не с нами. Отъезд очень скоро, а вы представляете, сколько всего нужно подготовить… Речь идёт об Исис Мукебе.

По классу пробежал гул. У Серых удивление смешивалось с некоторой завистью, Неприкосновенные отпускали обидные

шуточки.

Мадам Глэйе перешла к изложению учебного материала. Орион уже не слушал. Его глаза затуманились, и он вдруг осознал, что чувство, которое вызывает в нём Исис, не похоже на простую симпатию. Какой парадокс! Он мог получить абсолютно всё, что хотел, по одному щелчку пальцев, но единственное, чего он желал по-настоящему, отняли у него безвозвратно. Сейчас он бы дорого дал за то, чтобы больше не быть Орионом Паркером, наследником империи Паркера. Он бы с радостью довольствовался серой формой и скудной пищей. В течение следующего часа он попытался припомнить всё, что отец рассказывал ему о космических ковчегах и о планете, куда отправляли колонистов. Если учесть, что отец только об этом и говорил, то информации было предостаточно…

После уроков он снова подошёл к Флинну. И сказал напрямик:

– Я должен поговорить с Исис до её отъезда.

– Опять ты? – скривился Флинн. – Великий Орион Паркер не понимает английского языка? Я не имею дел с Неприкосновенными. И если кому-то здесь и нужно поговорить с Исис, то это мне. А ты, раз уж так приспичило, можешь попросить своего папашу, чтобы он отвёз тебя к Исис на бронированной машине. Правда, не уверен, что ваша тачка не уйдёт под воду. Или она умеет плавать?

Орион промолчал. У него не было ни малейшего желания цапаться с Флинном, у которого, надо признать, имелись весомые причины ненавидеть Неприкосновенных. Спасибо Миранде. Орион смотрел в спину тощему, как жердь, Флинну и завидовал, не сомневаясь, что тот направляется к Исис.

17. Исис

Прощай. Этот момент, когда мы вынуждены навсегда покинуть дорогого нам человека… его просто не должно существовать в природе! Он отравляет всё то замечательное, что ждёт нас впереди. Сказать «прощай» тому, кого любишь, – это маленькая смерть…

– Значит, уезжаешь?

Я оборачиваюсь. Высокая фигура Флинна возникает на крыше нашей «фермы».

– Когда твои родители сказали, что не знают, где ты, я сразу догадался, куда ты отправилась. Пришлось «позаимствовать» лодку у рыбака.

Флинн подходит ближе и опускается во второе кресло. Некоторое время мы молча наблюдаем океан, бушующий в трёх десятках метров внизу. Несмотря на волнорезы, волны с бешеной силой бьются о стены здания.

– Какой сильный ветер, – замечает Флинн. – Почти шторм.

Я не отвечаю. У меня свой шторм. В голове.

– У тебя такой вид, будто ты не особенно рада отъезду на Новую Землю. Столько людей мечтали бы оказаться на твоём месте…

– Охотно уступлю его им.

– Это шанс, Исис. Твоя мать мне рассказала. Шанс для малыша.

– Ну да, для малыша. Но лично мне это не нужно.

– Думаешь, мне нужно? Думаешь, я рад, что ты уезжаешь?!

Я поворачиваюсь к Флинну. У него на глазах слёзы. Впервые в жизни вижу своего друга таким. Я беру его за руку и шепчу:

– Я готова отдать всё, чтобы остаться…

Рёв волн становится ещё оглушительнее. Я не уверена, услышал ли Флинн меня.

– Ну так оставайся.

Услышал. Секунду я размышляю над этим предложением. Потом – отвергаю его.

– Нет. Мои родители этого не вынесут.

– Соберём вещи и рванём отсюда куда-нибудь далеко, прямо сейчас.

– Ты ангел, Флинн. Но это невозможно.

– Я не понимаю тебя, Исис. Ты не хочешь ехать. Ну так оставайся со мной. Я сделаю тебя счастливой.

Я выпускаю его руку и закусываю губу. Как сказать ему? Как

признаться, что он никогда не сможет сделать меня счастливой? Что, несмотря на все его усилия, на всё желание, ему всегда будет недоставать чего-то главного…

– Это невозможно, Флинн.

– И причина не в твоих родителях. Не только в них. Я ошибаюсь?

Я ничего не говорю. Но это молчание так красноречиво, что вполне заменяет утвердительный ответ.

Флинн вскакивает и со всего размаха пинает пустое ведро. Сделав кувырок в воздухе, оно улетает в пасть разъярённого океана.

– Так в чём проблема? Я недостаточно хорош для тебя?

– Не говори так, Флинн! Я сто лет тебя знаю. Ты – мой самый лучший друг, почти как брат.

– Брат? Но я не хочу быть твоим братом, Исис! Я люблю тебя, понимаешь! Всегда любил!

– Хватит, Флинн!

– Значит, это он? Белая форма, папочкина машина и миллионы в банке? Ха! Приди в себя и не забивай голову бессмысленными мечтами!

– Ты несёшь полную чушь! Это разные вещи, Флинн! Орион тут совершенно ни при чём!

– Чем вы занимались в день социальной практики?

– Я ему показывала наш квартал, ничего больше…

– Надеюсь, ты, по крайней мере, не притащила его сюда? – продолжает Флинн, не слушая.

– А что бы от этого изменилось?

– Чёрт возьми! Слава цунами! Ты пустила этого подлого воришку сюда! Ты ведь знаешь, почему они такие богатые, Исис? Потому что крадут у нас всё! Работу, продукты, питьевую воду… У них есть всё, у нас – ничего! Неприкосновенные – это раковая опухоль, пожирающая планету! А ты открыла перед ним дверь в наш тайный сад…

– Не все Неприкосновенные такие, Флинн! Прогнила сама система, само общественное устройство. Орион не похож, к примеру, на Миранду. Он хороший человек, я это чувствую. Он не виноват, что родился под Куполом. Так же, как мы не виноваты, что родились тут.

– Ты слышишь, что говоришь, Исис? Я не узнаю тебя! Ты знаешь, что он рассказывает о нас, твой Орион? Что от нас воняет, что мы жрём собак, что ничем не отличаемся друг от друга… И к тебе это тоже относится! Или ты мечтаешь, что он прилетит на своём белом шаттле и заберёт тебя под Купол? Ты для него – просто игрушка. Тогда как я… я…

– Я уезжаю завтра, Флинн.

– Счастливого пути! – кричит он, бросаясь прочь.

– Подожди! Ты не можешь так уйти! Ведь это наш последний разговор!

Но Флинн уже на лестнице. Он не оглядывается. Грохот волн заглушает звук шагов. Мы больше никогда не увидимся.

Я падаю на колени и заливаюсь слезами. Это не должно было пройти вот так. Не должно.

18. Орион

Всю ночь Орион задавался вопросом, как правильно обсудить это дело с отцом. Артур Си Паркер был не из тех, кем можно управлять, и Орион понимал, что у него только один шанс. Если он не сумеет найти нужных слов, второй попытки не будет. Прямо перед отъездом отца на работу сын небрежно бросил:

– Папа, я бы хотел побывать на площадке запуска космических ковчегов NEP.

Артур Паркер и его жена обменялись удивлёнными взглядами.

– Какая муха тебя укусила, Орион? – спросила мать. – Ты многие годы находил жестокое удовольствие в том, чтобы никак не интересоваться работой отца.

– Я взрослею, мама. И хочу лучше узнать наше общество. Только и всего.

Она открыла рот, чтобы возразить, но Артур перебил её:

– Подожди, Пенелопа. Я очень рад, что Орион проявил интерес к NEP. Мы отправимся смотреть ковчеги в эти выходные.

– Почему не прямо сейчас?

– А как же школа?! – возмутилась мать.

– Думаю, рядом с отцом я узнаю больше, чем на уроках, – возразил Орион, твёрдо решивший добиться своего.

Гордая улыбка заиграла на губах отца. И сын понял, что у него получилось.

Несмотря на бурные протесты Пенелопы Паркер, отец и сын вышли из дома вместе, впервые за долгое время. Артур Паркер даже отменил все назначенные на этот день встречи, счастливый, что наконец может продемонстрировать наследнику плод своих многолетних трудов.

Паркеры сели в частный шаттл, который примерно за час доставил их в Мексику. Перед посадкой в пустыне они облачились в комбинезоны-рефрижераторы, помогавшие переносить пятидесятипятиградусную жару. В результате глобального потепления вся Центральная Америка оказалась выжжена безжалостным зноем. На обезвоженной земле не оставалось ничего, кроме песка и камней да редких, уже агонизирующих кактусов, со всех сторон объеденных иссохшими маленькими ящерицами, размеры которых не превышали теперь нескольких сантиметров.

Именно здесь, в этом вечном пекле, Артур Паркер решил построить свои заводы по производству космических ковчегов. Это был гигантский индустриальный комплекс, простиравшийся

до самого горизонта. «Несколько десятков квадратных километров», – с гордостью пояснил отец, выходя из шаттла.

Производство было полностью автоматизировано. Никто из людей не трудился здесь, за исключением тех редких случаев, когда в налаженном процессе происходили какие-то сбои, требовавшие вмешательства специалистов. Артур Паркер открыл перед сыном ворота одного из заводов, чтобы Орион мог полюбоваться слаженными движениями механизмов, напоминавшими танец, который не прекращался ни днём, ни ночью. Это напоминало огромный муравейник. Сотни роботов, стоявших вокруг бесконечного конвейера, собирали детали космических ковчегов.

– Эта лента соединяет все заводы, так что детали просто едут из одного здания в другое. Очень удобно, правда? – похвастался Паркер-старший.

– Впечатляет, – признал Орион.

Ещё больше впечатлял балет небольших летательных аппаратов, непрерывно сновавших между заводами и орбитальными стройплощадками, где из доставленных с Земли составных модулей собирались космические ковчеги. Каждые двадцать секунд из специального отсека, как пчёлы из улья, вылетали шаттлы, гружённые деталями. Пустые таким же непрерывным потоком возвращались на базу, готовые к новым рейсам.

Сын с отцом поднялись на борт одного из летательных аппаратов, которые равномерной цепочкой тянулись к большому лифту.

– Ты должен посмотреть, Орион, этот лифт – настоящее чудо!

Молодой человек выглянул в иллюминатор. Огромная голубоватая колонна идеальной цилиндрической формы пронзала затемнявший небо ядовитый смог. Орион вспомнил рассказы отца об этом «лифте». Высотой более ста километров, он позволял шаттлам летать в космос и возвращаться на Землю, не испытывая разрушительных перегрузок при входе и выходе из атмосферы.

– Это самое невероятное достижение технического прогресса за последние сто лет, – восторгался отец. – Гравитация всегда была неразрешимой проблемой. Раньше на то, чтобы преодолеть силу земного притяжения, требовалось очень много энергии, что делало проекты вроде строительства космических ковчегов слишком дорогими. Тысячи инженеров бились, выдумывая невероятные конструкции, которые позволили бы облегчить этот переход… Сто километров в высоту – поистине головокружительная идея! Но как сделать, чтобы лифт не

обрушился под собственной тяжестью? Ведь гравитационное поле не имеет веса. И вот наконец гениальное решение найдено! Конечно, лифт тоже требует много энергии. Однако для строительства ковчегов он просто незаменим.

Орион бросил взгляд на три АЭС, обеспечивавшие бесперебойную работу лифта.

Когда их шаттл влетел в узкий цилиндрический коридор, молодой человек был удивлён неожиданной игрой цвета. Все оттенки синего и зелёного переливались вокруг, как в волшебном калейдоскопе, а внешний мир совсем исчез из вида.

– Необычное ощущение, правда? – спросил отец.

Орион кивнул. Первый час экскурсии оказался намного более увлекательным, чем он мог себе представить. Конечно, единственной его целью было увидеть место, где Исис проведёт ближайшие шесть лет, однако и завод в пустыне, и гравитационный лифт тоже заслуживали внимания.

После тридцатиминутного подъёма маленький шаттл вышел в космос. Орион почувствовал, что отрывается от сиденья.

– Обязательно пристегнись, – сказал отец.

Орион зафиксировал ремень безопасности и отдался созерцанию синей ночи космоса, освещённой мириадами звёзд. Юный Неприкосновенный не мог отвести взгляд от этого волшебного зрелища. Через несколько долгих минут отец вернул его в реальность, похлопав по плечу. Они прибыли на строительную площадку, откуда собранные ковчеги стартовали на Новую Землю.

– КК-523. – Артур Паркер указал на парящую в пустоте гигантскую сигару. – Отправляется ближайшим рейсом. Как видишь, подготовка идёт полным ходом.

Непрерывная череда маленьких шаттлов сновала туда-сюда вокруг посадочного входа, расположенного в кормовой части ковчега.

– Когда он летит?

– Завтра вечером. А следующий – через неделю. Вон он, позади этого.

Орион кивнул и стал внимательно рассматривать КК-523. Будущий дом Исис. У него сжалось сердце. Бросалась в глаза гигантская стеклянная теплица, чья зелень контрастировала с темнотой космоса.

– Можно ли зайти внутрь? – спросил Орион.

Артур Паркер взглянул на часы.

– Нет, это сложно. Если мы хотим вернуться домой не поздно…

Орион проглотил разочарование. Он понимал, что спорить

бесполезно, отец сегодня и так проявил чудеса сговорчивости.

– Ну, поворачиваем?

– Да. Спасибо, отец.

Орион последний раз посмотрел на огромный ковчег.

И вдруг его взгляд за что-то зацепился. Молодой человек нахмурился. Неужели… Нет, невозможно. Его внимание привлекло пятно более светлой краски на обшивке КК-523. Пятно имело форму буквы «О». «О», как в Орионе…

– Отец, сколько точно длится путешествие до Новой Земли?

– Шесть лет и два месяца, если не ошибаюсь.

– И обратно тоже?

– Да, конечно. Ведь расстояние и время неизменны, – усмехнулся Паркер-старший.

Орион быстро подсчитал в уме. Шесть лет и два месяца туда и столько же обратно. Проще простого. Получалось двенадцать лет и четыре месяца. Как же вышло, что первый ковчег, отправившийся на Новую Землю около десяти лет назад, уже вернулся?

Орион был полностью уверен, что круглое пятно на корпусе КК-523 совершенно идентично тому, что оставил шаттл-камикадзе на обшивке КК-001 – во время его первого и единственного визита на стартовую площадку ковчегов.

«Я, наверное, ошибаюсь», – попытался убедить себя Орион.

Но страшное сомнение уже поселилось внутри. А что, если он *не* ошибается?

19. Орион

Когда они вернулись домой, Орион заперся в своей комнате, сославшись на усталость. Он включил компьютер и набрал первый поисковый запрос: NEP. Нашлось более сотни сайтов. Ничего удивительного. Первой ссылкой выпадала страничка правительства, где с большим воодушевлением описывалось, какие преимущества получат обитатели низших кварталов, покинув Землю. Далее всех призывали записаться для участия в еженедельном розыгрыше билетов. Орион не стал долго здесь задерживаться. Рекламные тексты NEP он и так знал наизусть.

Затем его заинтересовали экономические сайты, где расписывались финансовые выгоды NEP. Колонисты, разумеется, сразу повышали свой уровень жизни, но и те, кому не повезло улететь, тоже получали определённую выгоду за счёт улучшения социальной помощи. Все страны, участвовавшие в NEP, демонстрировали значительный экономический рост.

Экономисты не скупились на похвалы проекту. Орион быстро потерял интерес. Он искал совсем другое.

Третьим этапом, причём довольно скучным, стал просмотр видеороликов, отправленных поселенцами. Родные часто выкладывали их в соцсетях. Большая часть состояла из описаний условий жизни на Новой Земле, а также восторгов по поводу того, что теперь они – «хозяева своей жизни».

«Хорошо сказано», – отметил Орион чуточку иронично.

Во всех видео присутствовали кадры с флорой и фауной новой планеты. К концу десятого у Ориона возникло чувство, что он смотрит один и тот же ролик, настолько они были похожи. Все одинаково неинтересные, гладкие, истекавшие довольством…

Орион пролистал сайтов пятьдесят и с удивлением понял, что ни один голос не выделялся из этого благостного хора. Все восхваляли NEP – от крошечной газетёнки до центральных телеканалов. Этот блаженный энтузиазм вызывал сомнения. Орион научился пользоваться интернетом раньше, чем ходить, и умел фильтровать информацию. Он давно усвоил два главных правила поведения в Сети: ничего не покупать на сайтах, где много негативных отзывов, и ничего не покупать там, где отзывы только положительные. Орион не был наивным подростком, для которого мир делится на чёрное и белое.

Наличие только хвалебных комментариев по поводу NEP не оставляло сомнений: критику вычищают по мере поступления.

Чтобы проверить свою догадку, Орион набил в поисковике: «NEP проблемы». И не нашёл ничего. Да, видимо, кто-то

тщательно и регулярно проводит уборку интернета.

Тогда Орион сменил тактику и обратился к сайтам нескольких газет, которые иногда позволяли себе ставить под сомнение решения правительства. Он обнаружил многочисленные дискуссии о раздаче питьевой воды и провизии, о недостаточных инвестициях в программу очистки окружающей среды от загрязнений… Но по-прежнему ничего о NEP. Кроме бесцветных заметок об отправке очередного ковчега, КК-523. Из них Орион почерпнул только одно ценное сведение: близкие будущих колонистов могли проводить их. Правда, не до самого ковчега, а до одной из баз NEP, откуда улетали орбитальные шаттлы. База, обслуживавшая поток переселенцев из Нью-Йорка, находилась всего в нескольких километрах от Купола. Может, это шанс попрощаться с Исис? Орион записал адрес, а затем взялся за мобильник.

– Секретарь газеты «Мнения», чем могу вам помочь?

– Здравствуйте, мадам. Я учусь в смешанной школе и пишу доклад о NEP. Нас учили, что, прежде чем составить собственное мнение, надо проанализировать разные точки зрения на предмет. Но я нигде не нахожу критики проекта «Новая Земля». И я подумал, что ваша газета, такая свободная и независимая, могла бы мне помочь…

– Я вас переключу на журналистов…

Дважды Ориону пришлось повторить свой запрос. Дважды его вежливо перенаправляли к другому специалисту. Третий собеседник отреагировал более резко:

– Здрасьте. Я Кайл Де Бур. Шеф-редактор газеты. Итак, мы ищем критику NEP?

– Да, именно.

– Так знайте, что газета «Мнения» не имеет ни малейшего желания ставить под сомнение решения правительства или распускать слухи о NEP. Наша официальная позиция ясна: это великолепный проект, который помогает спасти Землю.

– Но…

– И можете передать тем, кто вам платит, что незачем использовать детей для осуществления вашей грязной цензуры.

– Подождите! Я не имею ничего общего с правительством. Я – Орион Паркер.

На том конце линии повисла мёртвая тишина.

– Сын Артура Си Паркера?

– Да. Вы можете проверить, откуда я звоню. Думаю, у вас есть возможность делать подобные вещи.

– Подождите секунду.

Орион согласился. Через пару минут его собеседник

вернулся.

– Хорошо. Я проверил. Вы действительно звоните из дома, находящегося в собственности семьи Паркеров. Купол № 1, Нью-Йорк. Что это за история со школьным докладом?

– Это дурацкая ложь, я понимаю. Но я не нашёл другого способа обосновать мой запрос.

– Ваш запрос и не может быть обоснован. Вам лучше, чем кому бы то ни было, должна быть доступна любая информация по NEP.

– Дело в том, что я не хочу привлекать внимание отца.

– Я тем более. И это мягко сказано. Ничем не могу помочь, молодой человек. Я вам уже сказал: NEP – это великолепный проект, который…

– Который помогает спасти планету. Я знаю этот слоган. Хорошего вечера. Извините за беспокойство.

Орион положил телефон на тумбочку и со вздохом упал на кровать. Какое разочарование! Кажется, этот тип до обморока боится его отца… Он ничего не найдёт. Вся информация заблокирована.

Время шло, и Орион уже начинал сомневаться в том, что и в самом деле видел пятно краски на обшивке КК-523. Может, это был просто отблеск света от иллюминаторов? Или след от столкновения с метеоритом? Полный сомнений и смутной тревоги, он задремал…

Звонок телефона заставил его подскочить на кровати.

– Господин Де Бур? – с надеждой спросил он.

– Нет. Это профессор Ван Дуйк.

– Профессор?! Но…

– У меня мало времени, – прервал Ван Дуйк. – Через полминуты после соединения они могут засечь звонок. Но сейчас нас пока никто не слышит. Де Бур – мой друг. Он знал, что какое-то время я был твоим учителем. И он позвонил мне, чтобы спросить, заслуживаешь ли ты доверия.

– И что вы ответили?

– Если тебе нужна информация о NEP, выходящая за рамки официальной, свяжись с Нейлом Харрисом. Повторяю: Нейл Харрис. Бар «Последний шанс», у входа в Зону Затопления. Скажи, что ты от его старого друга Эйнштейна. Он поговорит с тобой.

Орион потрясённо молчал.

– Ты всё понял?

– Э… да. Нейл Харрис. «Последний шанс». От Эйнштейна.

– Точно.

– Спасибо…

Слишком поздно. Ван Дуйк уже отключился.

Орион посмотрел на часы. Девять вечера. Что хорошо, когда живёшь в таком огромном доме, так это то, что всегда есть возможность улизнуть незаметно. Даже если родители вдруг тебя хватятся, они ещё долго будут думать, что ты, должно быть, где-то в другом конце поместья.

Возле гаража он столкнулся с Оскаром, который садился в служебную машину, чтобы ехать домой.

– Не подбросишь? – попросил Орион.

Оскар укоризненно покачал головой.

– Думаю, ваши родители не обрадуются, что я помог вам покинуть дом в столь поздний час…

– Они ничего не узнают, Оскар, клянусь. Пожалуйста, это очень важно.

– Дело касается девушки? – Шофёр посмотрел на него уже с большим пониманием.

– Нет. Ну, то есть да, но косвенно…

Оскар позволил себе слегка улыбнуться, но тут же снова принял непроницаемый вид.

– Ты ведь не к Миранде собираешься?

– К Миранде?! – рассмеялся Орион. – К этой кукле? Конечно, нет!

– Тогда садись…

Они проехали несколько сотен метров, и молодой человек обратился к шофёру с новой просьбой.

– Я знаю, что это уже совсем наглость, но нет ли у тебя какой-нибудь одежды? Хочу переодеться во что-то более… незаметное.

Оскар на полсекунды оторвал взгляд от дороги, а потом со смехом ответил:

– Наверное, будет чуть великовато. Возьми там, на заднем сиденье.

20. Исис

Мой младший брат – это ужасное, лживое, неутомимое существо, неспособное убирать за собой и посвятившее свою жизнь тому, чтобы портить мою. Но… это мой брат. И когда я думаю о нём больше пяти секунд, то невольно начинаю улыбаться. Я его люблю, чего уж там…

Странное чувство. Будто упаковываешь в чемодан свою жизнь. Да, нам пришлось приобрести несколько. Как вы понимаете, раньше мы никогда не путешествовали, поэтому и не нуждались в них. Пока не выиграли билеты на Новую Землю.

На барахолке отец обменял наш телевизор на четыре потрёпанных чемодана. Это вызвало у меня противоречивые эмоции. С одной стороны, телевизор – единственная ценная вещь, которой мы обладали. С другой – рекламный буклет, который нам прислали, обещал, что в каюте космического ковчега у нас будет новый, в два раза больше прежнего.

Как ещё живая рыба мечется в зобу проглотившей её чайки, так и я судорожно пытаюсь выбрать то, что возьму с собой. Нам сказали не везти много одежды. На борту всем выдадут новые комбинезоны. С раннего детства я привыкла беречь те немногие вещи, которые у меня были, как зеницу ока. Смириться с мыслью, что я должна оставить часть из них, очень трудно, практически невозможно. Пока я медленно делю своё скудное имущество на две неравные части, в голове чередой проносятся воспоминания о счастливых эпизодах с Флинном, в которые периодически, как молнии, врываются картинки дня, проведённого с Орионом в Зоне Затопления. Десять лет безмятежной дружбы против нескольких часов напряжённого общения. Но образ Ориона кажется гораздо отчётливее, живее… Усилием воли пытаюсь не дать захлестнуть себя этому ностальгическому цунами. Но оно сильнее. Как волны неуклонно вырастают в час прилива, так и всё, что мне предстоит потерять, с каждой секундой видится ярче. Чувство невосполнимой утраты грозит затопить меня с головой.

Вдруг из другого угла комнаты раздаются рыдания. Это Зак. Мама попросила его, чтобы он сам упаковал свой багаж. Теперь он плачет. Я подхожу поближе.

– Что случилось, Зак?

– Моя шина, – всхлипывает он. – Мама сказала, что я не смогу взять её с собой…

Я поворачиваюсь к источнику его горя. Старая шина, подобранная на помойке. Зак целыми днями гоняет её палкой по улицам. Потрескавшийся кусок резины, должно быть, уже раз

двести совершил турне по всей Зоне Затопления. Моя первая реакция – сказать, что глупо так убиваться из-за какой-то грязной шины. Но потом я ставлю себя на его место. Как трудно занять себя, когда у тебя нет ничего и когда ты не ходишь в школу… Для Зака этот мусор – нечто вроде любимой игрушки. И он так же вправе оплакивать её, как я – разлуку с друзьями. Я нежно обнимаю его и глажу по голове. И если вы посмеётесь над этим, то я заставлю вас съесть тухлые водоросли! Да, Зак – страшный зануда, чьё излюбленное занятие (после шины) – доводить меня. И всё-таки он мой брат… И ему сейчас плохо. Как и мне.

И вот я пою ему колыбельную, которую мать пела мне, когда я была маленькой. Я чувствую, что он постепенно расслабляется. Его дыхание становится более спокойным, рыдания стихают.

– Скажи, Исис, мы будем там счастливы?

Я смотрю на него и силюсь улыбнуться.

У Зака глаза такого же цвета, как у меня, – ярко-зелёного. Он красивый мальчик, мой младший братишка…

– Да, – отвечаю я. – Ты видел, какой довольный вид у тёти Лили на её видео? Мы будем долго путешествовать на борту великолепного корабля, а потом у нас будет собственная ферма, куча еды и всякие новые игры…

– Какие игры?

– Ты сможешь бегать по лесу, лазить по деревьям, плавать в речке…

– Но речки – это опасно! Они все загрязнены!

– На Новой Земле – нет, Зак. Там природа ещё не отравлена.

– А деревья большие? – спрашивает он, и его глаза подёргиваются мечтательной дымкой.

Я понимаю, что сейчас он рисует в воображении наше будущее место обитания.

– Огромные. Такие высокие, что даже верхушек не видно.

– Вау! Это будет невероятно круто!

В дверях появляется мать. Она благодарно улыбается мне. Интересно, давно ли она слушает, о чём мы говорим? И догадывается ли, что я не верю ни единому своему слову?

Для меня путешествие на Новую Землю – это, скорее, маленькая смерть. Конец пятнадцати годам тяжёлой работы, которая позволила сделать мою жизнь если не прекрасной, то хотя бы выносимой. Нужно будет всё начинать с начала, с нуля. Я много думала о случившемся и, как ни крути, всё равно воспринимаю эту «удачу» как самую большую несправедливость в своей жизни.

Слеза скатывается у меня по щеке. Но слова остаются внутри. Не хватало ещё напугать Зака…

21. Орион

Прежде чем толкнуть дверь бара «Последний шанс», Орион сделал глубокий вдох. Он никогда не бывал в подобных заведениях и представлял себе тысячу сценариев.

Как в кино: он входит, и тут же воцаряется мёртвая тишина и десятки недружелюбных лиц поворачиваются к нему, сверля злобными взглядами…

Сердце Ориона бешено колотилось, когда он открыл дверь. Первым впечатлением стали мощные децибелы, обрушившиеся на его барабанные перепонки. Тишина в баре «Последний шанс» ему точно не грозила. Он начал робко пробираться внутрь, постепенно понимая, что никто не обращает на него ни малейшего внимания, несмотря на явное замешательство, выдававшее в нём чужака, и одежду на два размера больше. Брюки Оскара то и дело сползали вниз, и Ориону пришлось подпоясаться шнурком – тот ещё видок, если честно! Особенно когда вокруг – банда сумасшедших гуляк! В баре «Последний шанс» танцевали более-менее везде, даже на столах. Картофельный самогон лился рекой. Ничего общего с коньяком сорокалетней выдержки, который пил Паркер-старший… В помещении стояла удушающая жара, в ноздри бил запах пота, смешанный с ещё какими-то малоприятными испарениями.

Чтобы не вызывать подозрений, Орион сделал вид, будто его захватило бурлящее веселье, и тоже принялся танцевать среди распаренных тел. Дёргаясь в такт музыке, он вспоминал наставления Ван Дуйка. *Нейл Харрис, «Последний шанс», от Эйнштейна…*

Орион несколько раз крутанулся вокруг своей оси, пытаясь сориентироваться. Слева несколько подростков нюхали какую-то вязкую зеленоватую субстанцию, колыхавшуюся в пластиковых бутылках. Не нужно было обладать даром предвидения, чтобы догадаться: эти парни ему не помогут. Коктейль из зелёных водорослей – верный способ сжечь побольше клеток мозга. Подростки втягивали адскую смесь в себя практически без передышки, но никого это, похоже, не волновало. Вдоль стен тянулись заплёванные дощатые прилавки, где каждый желающий мог попросить себе стаканчик какой-нибудь подозрительной дряни. Ориона всё это не интересовало. Помогая себе локтями, он стал протискиваться в глубину бара, где сидели клиенты, одетые несколько приличнее. По самодовольной манере держаться он тут же опознал Неприкосновенных. Орион слышал, что некоторые предпочитают щекочущую нервы атмосферу Зоны Затопления

чопорным ресторанам Купола. Вокруг богатых клиентов, пытаясь привлечь их внимание, вертелось множество девчонок, причём довольно красивых. Рискнуть заговорить со своими? А если его узнают?

– Эй, пацан, заблудился? – крикнул кто-то ему в ухо.

Орион резко обернулся. Слишком резко. Видимо, всё-таки плохо усвоил бесценные поучения Паркера-старшего. *«Чтобы достичь успеха, надо уметь скрывать эмоции…» «Это мир хищников…» «Переходи в атаку как только уверился, что можешь убить…»* От отцовского цинизма у Ориона всегда мороз пробегал по коже. А тот проводил с сыном настоящие уроки, уча мальчика прятать чувства, лгать с безмятежным видом, обводить противника вокруг пальца… Орион всегда воспринимал эти бесконечные лекции как наказание. И так ненавидел их, что не мог применить даже в нужный момент. Например, сейчас.

– В первый раз? – продолжал таинственный незнакомец, лениво пританцовывая на месте.

Орион кивнул. Его раскусили, к чему юлить?

– Ты из-под Купола?

Небольшое колебание. Снова кивок.

– У тебя есть бабло?

– Да.

– Чего ты хочешь? Девчонок? Немного зелёных водорослей?

– Нет.

Ориону приходилось орать в полный голос, чтобы перекрыть уханье колонок.

– Я ищу одного человека.

– Кого? Может, я знаю.

– Нейла Харриса.

Взгляд собеседника мгновенно потяжелел. В зрачках вспыхнул непонятный огонёк. Удивление? Страх? Сложно сказать… Тип продолжал танцевать, не произнося ни слова. Наконец до Ориона дошло. Он вытащил купюру в пятьдесят долларов и сунул ему в руку.

– Идём…

Орион проследовал за ним до туалетов. К вездесущему запаху картофельного самогона тут примешивалась ещё более противная вонь. Санитарные нормы бара «Последний шанс» были где-то на уровне Средних веков. Прежде чем Орион понял, что происходит, дверь за ним захлопнулась, и два мускулистых громилы в кожаных куртках присоединились к его проводнику.

– Нам сегодня везёт, парни! Этот отличник сейчас всучил мне пятьдесят баксов, чтобы я свёл его с Нейлом. А в кармане у него ещё целая пачка…

«Вторая ошибка, – понял Орион. – Я дал слишком много денег. И позволил увидеть, сколько у меня с собой».

Жизнь в искусственно созданном безопасном коконе очень расслабляла, заставляя забыть, что мир вокруг больше похож на джунгли, чем на парк аттракционов.

– Ну что? Сам отдашь или тебя потрясти?

– Погоди, Нильс, – вмешался один из громил. – Ты чего хотел от Нейла?

Орион неожиданно растерялся и нахмурился.

– Ты плохо слышишь? Повторить? Чего тебе надо от Нейла?

– Просто поговорить. Я от Эйнштейна.

– Эйнштейна? Блин, парень, чего ты раньше-то не сказал?! Мы же тебя чуть не грохнули…

Орион пожал плечами.

– Нильс, верни ему бабло. Шевелись!

Нильс заворчал, но отдал деньги.

– Иди за мной, – сказал тип в чёрной куртке. – На этот раз обойдётся без западни. Даю слово.

22. Орион

– Вот, значит, как. Ты хочешь со мной поговорить?

Орион помедлил, разглядывая странного человека, к которому его привели. Около сорока лет, высокий, одет с большим вкусом. Модная куртка, стильная причёска, шейный платок. Нейл Харрис принадлежал к тому типу мужчин, что следят за своей внешностью.

– Здравствуйте. Я от Эйнштейна.

– Да, мне сказали. Давно ничего о нём не слышал. И задаюсь вопросом, зачем он прислал тебя сюда.

– Он сказал, что я смогу получить от вас необходимую информацию.

– Какую именно?

– О NEP.

– Ясно. Ты знаешь, кто я?

Орион снова бросил взгляд на Харриса. Никаких идей.

– Нет, – признался он.

– Значит, я в более выигрышном положении, чем ты, Орион Паркер.

Орион с трудом скрыл удивление.

– Ну да, я тебя знаю. Ничего удивительного, если учесть, что я провёл три года, выясняя всё про NEP и предприятия твоего отца.

– То есть вы журналист?

– Небольшая грамматическая ошибка, Орион. Я не журналист. Я *был* журналистом. И даже хорошим, скажу без ложной скромности. Но я перестал им быть. Поскольку заинтересовался тем, чем не должен был интересоваться.

– То есть проектом «Новая Земля»?

– Около двух лет назад я попытался обнародовать результаты моего расследования, касавшегося NEP. И столкнулся с некоторыми трудностями…

– Какими?

– Ужасное невезение стало обрушиваться на моих ближайших коллег. Оба издателя, с которыми я договорился о публикации книги, стали жертвами несчастных случаев. Один разбился на машине, и в его крови обнаружили сильную дозу алкоголя, хотя он не пил никогда в жизни. Второй поскользнулся в ванной и разбил голову о кафель. После этих прискорбных эпизодов, случившихся один за другим, остальные издатели уже не рвались со мной сотрудничать…

– И что вы предприняли потом?

– Попытал удачи в газетах и на телевидении. С тем же успехом. А потом я получил прекрасное приглашение, написанное тёплым отеческим тоном. До сих пор помню каждое слово: *«Дорогой господин Харрис, я слышал о Вашем интересе к NEP. Предлагаю Вам стать первым журналистом, который совершит путешествие на Новую Землю. Так вы сможете получить ответы на все Ваши вопросы. С сердечным приветом, Артур С. Паркер».*

– И вы не решились на подобную авантюру?

Харрис тихо рассмеялся.

– Мне хватило десяти минут, чтобы собрать чемоданы. И исчезнуть. Издатели, с которыми я сотрудничал, поклялись никому не называть моего имени. Но, видимо, перед «несчастным случаем» нарушили клятву…

– Что же такое вы узнали? Из-за чего вам пришлось столь стремительно сменить привычную среду обитания на это место? – Орион обвёл взглядом убогую комнату.

Только слепой мог не заметить, что Харрис тут совсем не в своей стихии.

– Прежде я задам тебе один вопрос. Ты не мог бы раздеться?

Орион застыл. Он не ослышался?

– Это значит – снять с себя одежду, – уточнил Харрис, явно забавляясь.

Орион по-прежнему стоял неподвижно.

– Просто хочу проверить, нет ли под одеждой какого-нибудь звукозаписывающего устройства. Должен же я убедиться, что тебя не подослал, к примеру, твой дорогой папочка.

Орион покраснел. Он поспешно стянул слишком большой костюм Оскара и остался в одном белье.

Харрис кивнул. Орион мог снова одеваться.

– Итак, что именно ты хочешь знать? – произнёс бывший журналист.

– Всё.

– Я покажу тебе результаты своего расследования. Но для начала мне всё-таки нужно понять, что тобой движет…

Орион рассказал ему об Исис, с трудом скрывая обуревавшие его эмоции. Потом – о своём визите на космические верфи и о пятне на корпусе КК-523.

Харрис внимательно выслушал, затем достал маленький ноутбук и поставил на стол, повернув экран к юному Паркеру.

– Последний шанс отступить, Орион. После того, что ты сейчас узнаешь, твоя жизнь уже никогда не будет прежней.

Орион судорожно сглотнул.

– Я готов…

23. Орион

Харрис начал свой рассказ. Каждое утверждение он иллюстрировал, показывая соответствующие документы.

– Я стал интересоваться проектом твоего отца, Орион, когда один из моих лучших друзей, которому не посчастливилось жить под Куполом, вытянул счастливый билет на Новую Землю. Похоже на вашу историю с Исис… Увидев, сколько народа осаждает стартовую площадку шаттлов, я слегка растерялся. Ты, наверное, не представляешь себе, каково это – каждую неделю отправлять в космос двести тысяч американцев, не говоря о людях других национальностей. На каждом ковчеге улетает миллион человек!

Орион действительно с трудом мог вообразить такое. Видео на экране ноутбука дало ему некоторое представление о масштабах происходящего.

– База, расположенная рядом с Нью-Йорком, принимает примерно четверть американских колонистов, то есть около пятидесяти тысяч. Но и это впечатляет. Я попытался мысленно заглянуть внутрь космического ковчега. Как разместить такое количество пассажиров? Да просто поднять их на борт – уже подвиг! Однако роботы, созданные на предприятиях твоего отца, работали с потрясающей точностью. Шаттлы улетали один за другим с регулярностью метронома. Роботы регулировали потоки людей, направляя их в зоны ожидания. Всё это происходило в атмосфере детского летнего лагеря.

Все колонисты выглядели совершенно счастливыми оттого, что покидали земную серость и отправлялись в полное обещаний путешествие. Но я смотрел на всё несколько иначе. Взглядом журналиста. В моей голове начали роиться разнообразные вопросы. Например, сколько тонн провизии необходимо загрузить на борт, чтобы кормить миллион человек в течение столь длительного перелёта? А сколько тонн металла ушло на создание двигателя, способного перемещать такой груз? А ведь ещё запас топлива на шесть лет!.. Много возникало вопросов. Я записал их в блокнот и пообещал себе найти ответы.

Дальше были встречи со специалистами, я мотался по всему миру… Результаты оказались пугающими. Если, к примеру, предположить, что каждому пассажиру выдают по три энергетических батончика в день – это ведь самый лёгкий способ обеспечить необходимое количество калорий, – получается триста тридцать тысяч тонн одних только энергетических батончиков. Ковчеги отправляются каждую неделю. Посчитаем,

сколько выходит в год: 52 × 330 000 = 17 160 000.

– Семнадцать миллионов тонн провизии в год?! Просто голова идёт кругом!

– Ещё нет. Головокружение начинается, когда узнаёшь, что общий объём производства энергетических батончиков у всех заводов, сотрудничающих с NEP, всего-то четыре миллиона тонн в год.

– Четыре? Но откуда берётся недостающее?

– Подожди, я ещё не закончил. Другой пример. Металл. Тут подсчитать сложнее, но всё-таки вполне возможно. Как ты знаешь, ковчеги покидают Землю каждую неделю вот уже десять лет. По оценкам геологов, количество металла, которое должно было быть потрачено на строительство 523 космических ковчегов, в пять раз превышает общий объём руды, которую ещё добывают на Земле…

– Подождите, я не успеваю следить за вашей мыслью…

– Мысль совершенно проста, Орион. Невозможно каждую неделю строить новый космический ковчег. Математически невозможно. С какой бы стороны мы ни посмотрели на эту проблему. Количество горючего, продуктов или сырья. Невозможно с теми ресурсами, что мы имеем, реализовать такой титанический проект.

Орион молчал. Горы цифр привели его в полную растерянность.

– Понимаю твой скептицизм, – продолжал Харрис. – Все эти данные ставят в тупик. Воображение просто отказывается работать в таких нечеловеческих масштабах…

– То есть вы считаете, что NEP – это гигантский обман? Так? – У Ориона на глаза навернулись слёзы.

– Думаю, Новая Земля никогда не существовала.

– Но все эти люди, которые посылают видео своим близким, куда они делись?

– Эту загадку я пока не разгадал. Но я категорически утверждаю, что пятьсот двадцать три миллиона человек *не* попали на Новую Землю. Ты рассказал о пятне на борту КК-523, которое как две капли воды похоже на то, что осталось после атаки шаттла-камикадзе десять лет назад?

Орион кивнул.

– Уверен, тебе не померещилось. КК-523 – это не только что сошедший с конвейера новенький ковчег, а всё тот же, самый первый, которому просто присвоили новый номер… По-моему, он вообще единственный…

– У вас есть доказательства тому, что вы только что сказали? Фото других ковчегов с тем же пятном на борту?

– В этом гениальность руководителей NEP. После атаки террориста на первый ковчег все их базы находятся на военном положении и вход туда строго воспрещён. Я бы очень хотел подкупить какого-нибудь охранника или служащего, но не нашёл ни одного.

– Как это?

– Всё, что связано с логистикой NEP, обслуживают исключительно роботы. Никаких свидетелей того, что творится там.

Орион пытался переварить услышанное. Один-единственный ковчег… После визита на заводы Паркера-старшего эта мысль приходила в голову и ему, но он ожесточённо гнал её.

«Невозможно, – говорил он себе. – Невозможно, чтобы отец участвовал в таком обмане!»

Но здесь, в этой убогой комнате, перед лицом всей обрушившейся на него информации Орион вынужден был признать: невозможное становилось вероятным.

– И что же тогда они делают с четырьмя миллионами тонн энергетических батончиков? – спросил он в отчаянье. – Может, вы неточно рассчитали нужды пассажиров ковчега?

– Четыре миллиона тонн – примерно столько они раздают в неблагополучных кварталах…

– Не могу поверить, – прошептал Орион. – Что же они делают с этими миллионами колонистов?

Харрис посуровел.

– Я пытаюсь донести до тебя это с самого начала. Полёт на Новую Землю – вовсе не путешествие на двойник нашей планеты, а дорога к верной смерти…

24. Исис

Я люблю Нью-Йорк. Только я поздно это поняла. Всегда мечтала сбежать куда-нибудь. И вот теперь, когда я должна его покинуть навеки, моё сердце сжимается. В конце концов, я привыкла и к зданиям-призракам, и к беспорядочным кварталам бедняков, и даже к Куполу, который словно припечатывает город сверху…

До последней минуты я надеюсь увидеть в окне нашей лачуги лицо Флинна. Или Ориона. Но время бежит. И неотвратимо наступает роковой момент: на пороге появляется робот из NER Он берёт наш багаж, и мы выходим. Все соседи высыпают нас проводить. Какая честь! В чьих-то глазах читается грусть, но у большинства – зависть. Каждый мечтает оказаться на нашем месте. Люди настолько не скрывают своих чувств, что меня начинает тошнить. Ищу Флинна в толпе. Но его нет. К счастью, тут Карима.

Она смотрит на меня своими огромными глазами, полными света. Не помню, чтобы видела Кариму хоть раз так далеко от её хижины. Это безумно трогает меня. Я делаю шаг к ней и сжимаю старуху в объятиях. Несильно. Боюсь сломать.

– Счастливого пути… – шепчет она, и неожиданная озорная улыбка озаряет её пергаментное лицо.

– Присылайте нам весточки… – говорит сосед.

Я вежливо киваю всем этим людям. Но без особого чувства. Потом мы поднимаемся в автобус. Там уже сидит около двадцати счастливчиков, другие входят вслед за нами. Путь до аэробазы NEP кажется бесконечным. Я пытаюсь успокоиться. Говорю себе, что надо запастись терпением. Отправить миллион человек в космический полёт – это не так-то просто. Я пользуюсь каждой остановкой, чтобы запечатлеть в памяти образ моего города, моего Нью-Йорка. Никак не могу поверить, что вижу всё это в последний раз. Знакомые места предстают передо мной словно под другим углом. Кажется, под покровом вечной серости я никогда не замечала вон ту старинную церковь или вон тот каменный дом с высокими арками. Мои глаза вбирают мельчайшие детали, пока наконец не упираются в Купол, нависающий над городом. Рядом с ним десятки заводов выбрасывают в воздух клубы ядовитого дыма. Переработка отходов, фильтрация воды, производство энергии. Все эти уродливые индустриальные наросты подчёркивают идеальную симметричность Купола.

По словам Флинна, внутри там – примерно то, что представляла собой Земля лет сто назад. Фальшивое солнце светит с фальшивого неба сквозь фальшивые облака. Тройная фальшь. И всё-таки я бы хотела увидеть это своими глазами…

Утешаю себя тем, что через шесть лет смогу досыта насмотреться на солнце. Настоящее солнце. А не эти цифровые иллюзии, транслируемые на гигантский экран на внутреннем своде Купола. Тем временем мы продолжаем ехать, и свободных мест в автобусе становится всё меньше. Скоро уже и Купол скроется из вида. Поворачиваю голову, чтобы бросить на него последний взгляд. Интересно, что сейчас делает Орион? Наверняка смеётся с Мирандой и другими Неприкосновенными, вспоминая тот весёлый день, когда благодаря дурацкой социальной практике они смогли вдоволь поиздеваться над Серыми.

Я вздыхаю, пытаясь поставить крест на своей прежней жизни и перестать думать, как она могла бы развиваться дальше. Флинн и Орион теперь принадлежат прошлому. Но я не могу себе представить, что когда-нибудь смогу их забыть. *«Ты заведёшь новых друзей»,* – сказала мать, чтобы меня утешить. В тот момент, когда я вспоминаю эту её фразу, в автобус входит парень примерно моего возраста. Нет, только не он! Я тут же узнаю его мерзкий череп, глубоко посаженные глазки, тщедушное тело. Тот самый тип, что пытался наехать на нас с Орионом несколько дней назад. Протискиваясь в узком проходе, он встречается со мной взглядом и тоже узнаёт меня. Узнаёт и ухмыляется. Как настоящий садист.

– Привет, красотка, – мурлычет он, проходя мимо. – Счастлив, что проведу шесть лет рядом с тобой! Пусть и в консервной банке.

Я содрогаюсь. Да уж, мать права. У меня просто талант заводить друзей. Остаётся лишь надеяться, что мы не будем с ним часто пересекаться. Всё-таки миллион человек – порядочная толпа… Тем не менее я не могу отделаться от гадкого предчувствия. Я почти уверена, что мне ещё придётся иметь дело с этим гнусным типом. Списываю своё внезапное волнение на общий стресс. И стараюсь не думать о нём, даже чувствуя затылком его хищный взгляд. Повезло, что рядом уже не было свободных мест, а то бы обязательно прицепился.

Наконец автобус наполняется под завязку. Дальше мы едем без остановок и уже на более высокой скорости. Через полчаса вдалеке показывается аэробаза.

Я вижу сотни шаттлов, готовых к отлёту. Зона ожидания поделена ограждением на две части: справа – для отъезжающих,

слева – для провожающих. Мы поворачиваем направо.

Я изо всех сил смакую свои последние минуты на Земле.

25. Орион

Орион вышел из комнаты Нейла Харриса в состоянии транса. Три слова, как закольцованные, вертелись у него в мозгу.

Мой отец – убийца.

Орион судорожно пытался найти доказательства его невиновности, но доводы, представленные бывшим журналистом, были неоспоримы… И чем меньше становилась надежда оправдать Паркера-старшего, тем сильнее нарастал в Орионе глухой гнев. Зачем? Зачем творить такие жуткие вещи? Вдруг, в самый разгар этой душевной бури, ещё одна правда пронзила его насквозь…

Исис умрёт.

Юный Неприкосновенный бросился бежать. Он никогда в жизни не бегал так быстро. Лёгкие его горели, ноги не слушались. За рекордное время он достиг жилых кварталов Зоны Затопления.

Мысль о том, что она улетает на другой конец галактики, разрывала сердце. Но думать, что его собственный отец посылает её на смерть, было совсем невыносимо. Он должен помешать. Предупредить.

Орион бросился к первому же прохожему – старичку, опиравшемуся на палку.

– Простите, мистер, я ищу дом Исис Мукебы.

– Вы немного опоздали, молодой человек. Исис и её родители выиграли билет на Новую Землю. Часа два назад они уехали на аэробазу NEP.

Сердце Ориона чуть не выскочило из груди. Нет! Судьба не может сыграть с ним такую шутку!

Он поблагодарил старика и помчался в сторону Купола. По мере приближения к месту обитания Неприкосновенных районы становились богаче. Появились первые автомобили. Вдалеке он заметил то, что искал, – стоянку такси. Собрав последние силы, Орион бросился вперёд и ввалился в ближайшую машину.

– Эй, полегче, парень! Чего тебе? – весьма нелюбезно произнёс шофёр.

Орион вдруг понял, как выглядит со стороны. Весь потный, запыхавшийся, да ещё и в одежде с чужого плеча, делавшей его похожим на беспризорников, которых опекала Исис. Однако купюра, вынутая им из кармана, кардинально изменила отношение водителя.

– Куда изволите поехать, сэр?

– На аэробазу. Заплачу вдвое, если вы забудете об

ограничениях скорости.

Машина, взвизгнув шинами, рванула с места, и вскоре её водородный двигатель покраснел от предельного напряжения. Через двадцать минут такси подъехало к аэробазе.

«Сделайте так, чтобы она ещё была здесь, – молился Орион, сам не зная кому. – Сделайте так, чтобы она ещё была здесь. Пожалуйста!»

Они приблизились к ограде, отделявшей улетающих от провожающих.

– Поезжайте вслед за колонистами, – велел Орион.

– Невозможно, – ответил шофёр.

Орион вытащил целую пачку купюр.

– Это не вопрос денег. Роботов, охраняющих базу, нельзя подкупить. На взлётную полосу разрешён въезд только автобусам NEP. Если хотите, закину вас на парковку. Она чуть ближе к зоне вылета. Но большего сделать не смогу.

– Хорошо, – кивнул Орион.

Он был уверен, что найдёт выход.

Машина затормозила, оставляя на асфальте следы шин. Орион кинул водителю несколько купюр и вырвался из такси, как вихрь.

Вскоре путь ему преградила довольно плотная толпа. Молодой человек стал работать локтями, не обращая внимания на возмущённые возгласы, и в конце концов оказался возле проволочной сетки, ограждавшей зону вылета.

– Потише, малый! Мы тоже хотим посмотреть! – произнёс грубый голос у него за спиной.

Орион резко обернулся, сверкнув глазами. Грубиян отступил, испугавшись его решительного вида.

Орион стал методично, квадрат за квадратом, прочёсывать взглядом толпу колонистов, надеясь увидеть Исис.

«Всё равно что искать звезду в галактике!» – мрачно подумалось ему.

Но он не отчаивался. На кону стояла жизнь Исис. Минуты шли в чётком ритме улетавших прочь шаттлов.

– Ищешь Исис?

Орион крутанулся на пятках и нос к носу столкнулся с Флинном. Они обменялись взглядами, казалось, трещавшими от электричества. Хотя ни тот, ни другой сейчас не имели желания ссориться. У Флинна были покрасневшие глаза, как у человека, который не спал всю ночь.

– Я должен её увидеть!

– Немного поздно, если хочешь знать моё мнение…

– Она в опасности, Флинн! – выдохнул Орион. – Она не

должна садиться в шаттл.

– Аллея 12, ряд 7.

– Что это?

– Она уже на борту. Её шаттл ждёт очереди на отправку.

– Нет! – вскричал Орион. – Надо что-то сделать!

В это мгновение какой-то человек перелез через ограду и устремился к будущим колонистам. Он пробежал всего метров десять. Вдруг его подбросило вверх…

– Проход заминирован, – пожал плечами Флинн. – Ещё один бедняга, так и не научившийся читать, – добавил он, указывая на таблички, развешанные с равными промежутками по всей ограде.

Орион сжал челюсти. Его постепенно охватывало чувство беспомощности. А цепочка шаттлов неуклонно продвигалась к взлётной полосе. Скоро придёт черёд того, где находится Исис.

– Ты знаешь точное время отправления ковчега? – спросил он Флинна.

– Я же не потомок великого Паркера. Откуда мне знать такие вещи.

Орион оторвался от ограды и врезался в толпу в противоположном направлении.

– Даже не дождёшься, пока она улетит? – изумился Флинн.

Орион не ответил. Флинн бросил последний взгляд на шаттлы и неохотно последовал за соперником.

«Тут что-то не так, – думал он, прокладывая себе путь сквозь людскую массу. – Что-то не так».

Наконец толпа стала более разреженной, и Флинн смог догнать Ориона.

– Эй, подожди!

Орион снова не обратил внимания.

Флинн схватил его за руку.

Орион обернулся и пристально посмотрел на пальцы Серого на своём запястье.

Но Флинн не ослабил хватку.

– Мы не в школе! – крикнул он. – И вообще, плевать я хотел на эти дурацкие правила! С какой стати мы не должны к вам прикасаться?

Орион выдернул руку и пронзил наглеца взглядом.

– Если ты знаешь что-то про Исис, – задыхаясь от волнения, выкрикнул Флинн, – скажи мне немедленно, а не то…

– Не то? Ударишь меня и кончишь свои дни в тюрьме?

– Если это поможет Исис, я на всё готов…

Орион вздохнул. В конце концов, Флинн знал низшие кварталы гораздо лучше, чем он сам. И вдвоём, возможно, у них было больше шансов… В голове Ориона начало вырисовываться

нечто вроде плана. Он отвёл Флинна в сторону и рассказал ему всё, что знал.

26. Исис

Роботы воплощают тёмную сторону прогресса. Бесчувственное движение вперёд без оглядки на прошлое, как будто всё, что было раньше, заведомо плохо. Роботы смотрят на нас отовсюду своими пустыми глазами, в которых отражается лишь наша собственная деградация. Они следят за нами, арестовывают, отнимают рабочие места… Так что не требуйте, чтобы я испытывала к ним хоть малейшую симпатию.

– ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДАМЫ И ГОСПОДА. Я ВАША КИБЕРСТЮАРДЕССА. ОТ ИМЕНИ NEP МЫ РАДЫ ПРИВЕТСТВОВАТЬ ВАС НА БОРТУ НАШЕГО КОРАБЛЯ. СЕЙЧАС МЫ НАПРАВЛЯЕМСЯ К ГРАВИТАЦИОННОМУ ЛИФТУ В МЕКСИКЕ. ПОЛЁТ ПРОДЛИТСЯ ДВА ЧАСА. СЛЕДУЮЩАЯ ТОЧКА МАРШРУТА – КОСМИЧЕСКИЙ КОВЧЕГ

Буря оваций последовала за этой тирадой киборга. Киборги – гнуснейшие из роботов. Они выглядят совсем как люди. Я бросаю взгляд на родителей. У них улыбки до ушей, как у всех вокруг. Зак, держа маму за руку, испуганно озирается по сторонам. Здесь так много нового для него!

Я решаю держаться в стороне. Нет никакой охоты участвовать в этих коллективных восторгах. Нахожу свободное место и начинаю смотреть на пейзажи, мелькающие за иллюминатором. Шаттл несётся по взлётной полосе. Всё быстрей и быстрей. Странное ощущение. Впервые в жизни я поднимаюсь в воздух на летательном аппарате.

«Что же, привыкай, Исис», – говорю я себе, думая о предстоящих шести годах космического путешествия.

– ДОБРЫЙ ДЕНЬ, МИСС. ХОТИТЕ ПЕРЕКУСИТЬ?

Надо мной возвышается киберстюардесса. С застывшей улыбкой она ждёт моего ответа.

– Я не разговариваю с консервными банками, – говорю я.

– ПРИ ВСЁМ МОЁМ УВАЖЕНИИ К ВАМ, Я НЕ ЯВЛЯЮСЬ КОНСЕРВНОЙ БАНКОЙ. Я АНДРОИД ПОСЛЕДНЕГО ПОКОЛЕНИЯ, ОСНАЩЁННЫЙ ВСЕМИ ВОЗМОЖНЫМИ ОПЦИЯМИ. СКАЗАВ ЭТО, ОСТАЮСЬ ПОЛНОСТЬЮ В ВАШЕМ РАСПОРЯЖЕНИИ И ЖЕЛАЮ ВАМ ПРИЯТНОГО ПУТИ. ЕСЛИ ВПОСЛЕДСТВИИ ВЫ ПОЖЕЛАЕТЕ ПОЕСТЬ, ТО НЕ КОЛЕБЛЯСЬ СФОРМУЛИРУЙТЕ ЗАПРОС.

«Не *колеблясь сформулируйте запрос…*» Кто вообще так выражается? Думаю, чтобы сопровождать обитателей низших кварталов, стоило выпустить что-нибудь попроще, менее напыщенное. Снова ищу глазами родителей. Они набрали кучу

продуктов. Мама, поймав мой взгляд, подходит ко мне.

– Ты ничего не выбрала, дорогая? Смотри, настоящий апельсиновый сок! Хочешь попробовать?

– Нет, спасибо. Я не голодна.

Мать не настаивает. Она знает, что, когда я в таком настроении, от меня ничего не добьёшься. И, должно быть, утешается мыслью, что продлится оно недолго. Как и всегда… Но на этот раз, думаю, она ошибается. Я снова отворачиваюсь к иллюминатору.

Не проходит и минуты, как кто-то плюхается на свободное место рядом со мной. Если это опять чёртов робот…

Но нет. Это не робот. А гораздо хуже. Тот тип с хищным взглядом.

– Что? Не желаешь почавкать? – спрашивает он.

– Не желаю с тобой болтать. И видеть тебя. Но выбора, похоже, нет. Впрочем, в последнее время у меня, кажется, нет выбора ни в чём.

– Это твои предки там с мелким пацаном? – продолжает он, не обращая внимания на мои слова.

– А тебе какое дело?

– Никакого. Пытаюсь вести беседу. Больше ничего.

– Не имею привычки вести беседы с людьми, которые на меня нападали.

– Я извиняюсь.

Этого я, признаться, не ожидала. Я смотрю ему в глаза. Хуже всего, что он совершенно искренен.

– А мои предки – там, осаждают буфет. Вон те двое, кожа да кости, видишь? Мы не часто ели у себя дома. Так что их можно понять. Да и меня тоже. Я просто не смог удержаться, когда увидел пару таких шикарных ботинок – ну, на твоём дружке, блондине. Если бы я их сбыл на барахолке, я мог бы кормить всю семью как минимум неделю.

– Ну а после нейропаралитического газа это неудержимое желание прошло? – насмешливо интересуюсь я.

– Да уж, нехило меня колбасило. Два дня безостановочно кашлял. И не мог открыть глаза. Видишь, до сих пор красные. Но это часть игры. Когда нападаешь на прохожих, всегда есть вероятность, что они станут защищаться.

Я не отвечаю. Мне бы хотелось по-прежнему презирать этого типа. Но его история один в один похожа на судьбы беспризорников, которых опекает Хазар. И я отлично знаю, что они в большинстве своём вовсе не такие монстры, какими их представляют. Когда умираешь с голоду, разве это преступление – украсть, чтобы поесть?

– Меня зовут Изек. – Парень протягивает руку.

– Исис. А свою клешню можешь убрать в карман. Будь доволен тем, что я с тобой разговариваю.

Он издаёт короткий смешок.

– А ты и правда совсем не милая. Мне это нравится. Уверен, мы поладим. И не забудь, что у меня перед тобой небольшой должок. А Изек всегда платит по счетам.

– ИММАКУЛЕ-СИССИ МУКЕБА?

Кто меня называет так? Несомненно, это гнусный робот. Супер, теперь Изек знает моё настоящее имя. Я пронзаю его взглядом, пытаясь понять, не смеётся ли он. Изек поднимает обе руки вверх – в знак мира. Но я вижу в его глазах весёлый огонёк.

– Это я.

– РАЗРЕШИТЕ ВАС НА СЕКУНДОЧКУ.

Я хмурюсь.

– Я не хочу есть. Не хочу пить. Спасибо.

– РЕЧЬ ИДЁТ НЕ ОБ ЭТОМ. КОСМИЧЕСКИЙ КОВЧЕГ ОСНАЩЁН СИСТЕМОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, РАСПОЗНАЮЩЕЙ ЛИЦА И ГОЛОСА. МЫ ДОЛЖНЫ СДЕЛАТЬ ВАШИ ЦИФРОВЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ, ЧТОБЫ ВО ВРЕМЯ ПОЛЁТА ВЫ МОГЛИ ИМЕТЬ ДОСТУП КО ВСЕМУ НЕОБХОДИМОМУ. ЭТО ЗАЙМЁТ НЕСКОЛЬКО МИНУТ.

Озадаченная, я поднимаюсь и иду за железным ведром к маленькой кабинке в глубине шаттла.

– ВСЕ ПАССАЖИРЫ ПРОХОДЯТ ЭТУ ПРОЦЕДУРУ НЕ ВОЛНУЙТЕСЬ, ОНА СОВЕРШЕННО БЕЗБОЛЕЗНЕННА.

Я захожу в кабину, и дверь за мной закрывается с мягким шипением. Лучше забыть о клаустрофобии… Голубоватый луч спускается с потолка и очерчивает контуры моего тела. Нечто вроде сканера, видимо. Я подскакиваю, когда машина начинает со мной говорить.

Да уж, роботы, выпущенные на заводах Паркера, ужасно болтливы. Меня просят прочитать небольшой текст из тридцати строк. Я делаю это, и дверь открывается. Снаружи уже ждёт следующий пассажир.

Прежде чем вернуться на своё место, я всё-таки иду к буфету. Настоящий апельсиновый сок. Кажется, я пила его только однажды – на мой пятый или шестой день рожденья. Украдкой наливаю себе стакан и подношу к губам. Это так вкусно, что я даже зажмуриваюсь.

И первый раз думаю, что в этом путешествии будут, возможно, не одни только неприятности.

27. Орион, Флинн

Нейл Харрис взглянул на двух мрачных подростков.

– Отвязаться от вас будет непросто, я прав?

Их решительные лица были красноречивее любых слов.

– Но вы же понимаете, что теперь, когда она уже на борту шаттла, шансы вновь увидеть вашу подружку живой так же мизерны, как шансы увидеть солнце?

– Почему вы не распространили информацию, которой владеете? – атаковал Орион.

– Я тебе объяснил. Редакторы, с которыми я работал, погибли, а остальные не захотели связываться с NEP.

– Но есть другие способы. Интернет, например…

Харрис тихо рассмеялся.

– Забавные вы люди, подростки. Вам кажется, что всё так просто. Идеализм – это, конечно, прекрасно. Но мир, в котором мы живём, совсем не похож на то, каким вы его воображаете. Разумеется, я мог бы опубликовать результаты расследования в Сети. Но вы не учитываете, что у NEP есть своя сеть – отслеживания обновлений.

– Что это? – перебил Флинн.

– Огромная армия компьютерщиков, которые целыми днями фильтруют всю информацию о NEP, отсеивая малейший негатив. Они используют ультра-скоростное программное обеспечение. Уже через пять секунд после публикации её блокируют и удаляют. Потом сигнал поступает в особое подразделение полиции, которое за полчаса находит и обезвреживает тех, кто эту информацию распространил. Вот это и есть *сеть отслеживания обновлений.* И я бы предпочёл не иметь с ней дела.

Орион вздохнул. Когда он искал в Интернете информацию о NEP, он и сам заподозрил нечто подобное. Харрис лишь подтвердил его догадку. Кусочки пазла понемногу вставали на свои места, сводя на нет тайную надежду, которую Орион всё ещё питал, – что отец просто ничего не знает…

– Можно ли как-то обезвредить эту сеть отслеживания?

– Шутишь?

– Наша подруга вот-вот погибнет! Какие шутки?!

Журналист вдруг почувствовал себя совсем маленьким рядом с этим пятнадцатилетним ребёнком. Тот обладал харизмой отца. Уже сейчас чувствовалось, каким он станет, когда вырастет.

– Вы хотите атаковать *сеть отслеживания?* Это безумие!

– Почему?

– Она находится на верхнем этаже башни NEP…

– В Нью-Йорке?

– Да.

– Хорошо. И как её нейтрализовать?

– Я не программист. Но подозреваю, что единственный способ – это отрубить питание. Тогда на какое-то время *сеть* не сможет блокировать информацию. Проблема в том, что на случай аварии у них есть автономные генераторы электроэнергии. Надо будет помешать запустить их. А для этого – проникнуть внутрь башни. Тут потребуется как минимум рота бойцов…

– Значит, это возможно, – кивнул Орион.

– Но…

– Вы разрешите мне воспользоваться теми доказательствами, которые вы собрали?

– С удовольствием предоставлю их в твоё полное распоряжение. Но боюсь, что просто отрубить ток будет недостаточно.

– В смысле?

– NEP может позволить себе лучших адвокатов. Они станут кричать на всех углах, что моё расследование – лишь нагромождение лжи. И будут использовать все средства, чтобы похоронить правду.

– Тогда что нужно, чтобы убедить людей?

– Признание. Признание одного из руководителей NEP. Поэтому я и говорю, что донести правду невозможно. Иначе я бы давно сам это сделал…

– Не согласен, – перебил Орион. – Думаю, вам просто не хватило мужества идти до конца. А ещё я думаю, что если бы вам его хватило, то это спасло бы миллионы жизней…

Нейл Харрис онемел. Этот юнец поставил его на место. Да так, как никому и никогда не удавалось. Журналист опустил глаза. Внезапно он показался себе ужасно глупым – в своём элегантном костюме и дорогом шейном платке, взаперти в грязной комнатушке сомнительного отеля. Орион Паркер прав. Ему просто не хватило мужества…

Он протянул свой ноутбук юному Неприкосновенному, надеясь, что этому мальчишке удастся сделать то, в чём сам он потерпел поражение.

– Удачи… – пробормотал он, глядя вслед двум подросткам, которые собрались атаковать самую могущественную организацию в мире по одной-единственной причине: оба влюблены в одну девушку…

28. Исис

«Терпение – это дерево, чьи корни горьки, а плоды сладки…» Мудрая пословица, которую мне никогда не удавалось применить на практике. Потому что я совсем не умею ждать…

Наш шаттл поднялся в гравитационном лифте и направляется к космическому ковчегу. Только когда мы движемся вдоль гигантской кабины, я начинаю понемногу осознавать невероятные размеры этого корабля. Шаттлы, идущие впереди нас, влетают в люк величиной с дом, расположенный на боку ковчега. Вскоре мы ныряем туда же. Шлюз закрывается за нами, и шаттл мягко приземляется. Механический голос тут же начинает изливать приветственную речь:

– ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В КОСМИЧЕСКИЙ КОВЧЕГ. ВЫ НАХОДИТЕСЬ В БОЛЬШОМ ПОСАДОЧНОМ АНГАРЕ. ВАМ УЖЕ СООБЩИЛИ НОМЕРА ВАШИХ КАЮТ. НО МЫ ПРОСИМ ЕЩЁ НЕМНОГО ТЕРПЕНИЯ. СКОРО ВАС РАЗДЕЛЯТ НА НЕБОЛЬШИЕ ГРУППЫ И ПРОВОДЯТ В КАЮТЫ. НО ВЫ ПОНИМАЕТЕ, ЧТО НА ЭТО НУЖНО ВРЕМЯ. СЛЕДУЙТЕ ЗА ОБЩИМ ПОТОКОМ, ВСЕГДА ОСТАВАЯСЬ МЕЖДУ ДВУМЯ ЖЁЛТЫМИ ЛИНИЯМИ. СПАСИБО ЗА ПОНИМАНИЕ И ПРИЯТНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ К НОВОЙ ЗЕМЛЕ.

Я ещё не до конца понимаю, что мы уже на орбите. Мы спускаемся по трапу и оказываемся в посадочном ангаре. Он тоже невообразимо огромный. Я озираюсь по сторонам.

Сотни шаттлов стоят рядами, которым не видно конца. Будущие колонисты выходят из них и присоединяются к толпе, медленно движущейся между жёлтыми линиями. Словно тысячи ручьёв, вливающихся в реку. С каждой минутой река становится всё более полноводной.

– Сардины в консервной банке.

– Что?

Я оборачиваюсь. Это Изек.

– Говорю, мы похожи на сардин в консервной банке, – повторяет он. – Или на скот, который гонят на бойню, если предпочитаешь. Я тут задыхаюсь.

Я чувствую примерно то же. Но ничего не говорю. Зак держит меня за руку и зачарованными глазами смотрит на металлический свод, нависающий над нами. В его возрасте всё это, должно быть, кажется настоящим чудом. Мы движемся еле-еле, стиснутые со всех сторон другими колонистами. За два часа мы прошли вперёд какие-нибудь сто метров.

Вдруг раздаётся громкий гул. Я чуть не подпрыгиваю от

неожиданности. Люди вокруг тоже напуганы.

– КОСМИЧЕСКИЙ КОВЧЕГ ПОКИНУЛ СТАРТОВУЮ ПЛОЩАДКУ. РЕАКТИВНЫЙ ДВИГАТЕЛЬ ТОЛЬКО ЧТО ОТСОЕДИНИЛСЯ. СЕЙЧАС МЫ НАПРАВЛЯЕМСЯ К ЛУНЕ, ПОСЛЕ ЧЕГО НАЧНЁМ НАБИРАТЬ СКОРОСТЬ.

Раздаётся взрыв аплодисментов. Однако энтузиазм быстро гаснет в этом невыносимо долгом ожидании. Мы уже почти не двигаемся.

– Похоже, расселение займёт несколько дней, – замечает Изек.

Он и его родители стоят рядом с нами в очереди.

– Интересно, почему всё застопорилось? – говорю я.

– Что нам мешает пойти посмотреть? – В глазах Изека вспыхивают озорные огоньки.

– Любишь нарушать правила, да? – шепчу я.

– Может быть. Для чего вообще нужны правила, если их никто не нарушает?

Забавная философия. Однако бесконечное топтание на месте начинает меня угнетать, и предложение Изека кажется всё более и более заманчивым.

– Ты знаешь номер вашей каюты? – спрашивает он.

Я смотрю на своё запястье. Как и всем, мне выдали идентификационный браслет с номером комнаты. Галерея 56, уровень 15, каюта 808.

– Разумеется, знаю.

– Тогда чем мы рискуем? Посмотрим, что там стряслось впереди, а потом вернёмся. В крайнем случае, если не сможем найти своих, явимся прямо «домой».

Изек прав. Путешествие уже началось. Теперь нас не могут вышвырнуть из ковчега. И потом, если мы заблудимся, у нас есть шесть лет, чтобы найти нашу комнату. Более чем достаточно… Я поворачиваюсь к родителям.

– Мы проберёмся немного вперёд, чтобы выяснить, почему там пробка. Потом вернёмся.

– Нет, Исис! – возражает мать. – Останемся вместе. Ты потеряешься в этой толпе.

Я показываю ей браслет.

Отец пожимает плечами. Уверена, ему тоже хочется узнать, почему мы торчим тут уже целую вечность. Ведь нетерпеливый характер я унаследовала именно от него. Отец не произносит ни слова. Но я расцениваю его молчание как разрешение. Чмокаю мать в щёку, ерошу волосы Заку и устремляюсь вслед за Изеком. Представляю, какое бы лицо было у Ориона, если бы он нас увидел.

– Чего смешного?

– Ничего. Давай, иди.

Разумеется, мы с Изеком можем продвигаться вперёд лишь потому, что выходим за пресловутые жёлтые линии. Ловлю на себе раздражённые взгляды законопослушных колонистов.

– Эй! Стойте в очереди, как все! – кричит высокий тип.

– Мы просто посмотрим, почему затор, – отвечаю я. – А потом вернёмся к нашим семьям.

Кажется, мои слова его успокоили. Он не пытается нас остановить. И мы продолжаем двигаться вдоль толпы. Краем глаза слежу за роботами, стоящими через каждые тридцать метров. Я знаю, что они нас видят. И видят, что мы вышли из разрешённой зоны. Я не понимаю, почему они не вмешиваются. Вскоре мы натыкаемся на небольшой скандал. Мама, держа за руку сына, примерно ровесника Зака, громко спорит с одним из роботов:

– Он хочет в туалет. Проводите нас. Мне тоже нужно…

– СКОРО ВЫ БУДЕТЕ В СВОЕЙ КАЮТЕ. ТАМ В ВАШЕМ РАСПОРЯЖЕНИИ ПЕРСОНАЛЬНЫЙ САНУЗЕЛ И ВАННАЯ КОМНАТА. ПОКА НАДО ПОТЕРПЕТЬ. ВЕРНИТЕСЬ В ОЧЕРЕДЬ.

– Эй! Ты вообще понимаешь, что тебе говорят? – вмешивается отец мальчика. – Нам нужен туалет! Сейчас! А не в ближайшие шесть лет!

– МОИ ДАТЧИКИ УЛАВЛИВАЮТ АГРЕССИВНОСТЬ В ВАШЕМ ГОЛОСЕ. Я НЕ ХОЧУ ПРИМЕНЯТЬ СИЛУ, НО Я ВПРАВЕ ЭТО СДЕЛАТЬ, ЕСЛИ ВЫ НЕ ВЕРНЁТЕСЬ НА СВОЁ МЕСТО.

Ничего себе – откровенная угроза. Этот робот кажется более грубым, чем киберстюардесса на шаттле. Модель для внутреннего использования, видимо… Мальчик заливается слезами.

– Мама, мама… Я уже не могу терпеть, – всхлипывает он.

Глаза матери вспыхивают гневом. Тем не менее она делает шаг назад, утешая малыша.

– Ничего, ничего, Исаак. Всё будет хорошо…

Эта сцена рождает во мне чувство протеста. Мы с Изеком продвигаемся дальше. Теперь люди в основном сидят. Сколько они уже ждут? Нам приходится перешагивать через нечистоты. Представляю, какой стыд испытывали бедняги, которых нужда застала на глазах у всех. Позор! Мой гнев разгорается всё сильней.

Немного погодя мы снова становимся свидетелями конфликта. Небольшая группа мужчин возмущённо требует объяснений. Несколько роботов, объединившись, плечом к плечу стоят напротив недовольных. Один человек толкает робота. И происходит неизбежное. Машины начинают раздавать направо и

налево удары электрических дубинок. Раздаются крики.

Потом всё затихает. Раненые люди с проклятиями отступают назад, в бешенстве от собственного бессилия. Невозможно бороться с железными солдатами.

– Видела? – спрашивает Изек. – Когда приходит подкрепление, дверь пару секунд остаётся открытой.

– И что?

– Во время следующего инцидента попытаемся пробраться туда, откуда они появляются.

– Совсем сдурел?

Вместо ответа Изек широко улыбается. Мы продолжаем путь.

– Ты разве не хочешь выяснить, куда нас ведут? – поддразнивает он меня.

Я корчу ему рожу. В реальности наше прибытие на ковчег мало походит на идиллические обещания рекламных буклетов. И нехорошее предчувствие уже давно шевелится во мне. Возможно, Изек прав. Надо узнать, что там, в конце этого бесконечного коридора…

Ждать следующего случая долго не приходится. На этот раз две женщины громко требуют, чтобы им дали воды. Железные конвоиры вновь окружают недовольных. Но возмущение нарастает. Ближайшая дверь отъезжает в сторону, и появляются два других робота. Они присоединяются к своим коллегам, пытаясь утихомирить колонистов.

Словно тени, мы с Изеком проскальзываем в открывшийся проход. Вскоре дверь закрывается. Удалось!

Мы находимся в узком, довольно тёмном коридоре. Сигнальные лампы горят через каждые десять метров. Мы идём от одного островка света к другому. Много раз коридор разветвляется, и нам приходится выбирать направление. Из-за низкого потолка я чувствую себя кротом в норе. Пусть небо в Нью-Йорке всегда серое, зато оно даёт ощущение свободы. Я не привыкла быть взаперти.

– Ты в порядке? – спрашивает Изек, заметив, что мне не по себе.

– Нормально. Идём дальше…

29. Флинн

Флинн налёг на вёсла, и лодка заскользила немного быстрей.

«План Б, – крутилось у него в голове. – Разумеется, господин Неприкосновенный застолбил себе план А. Логично…»

Флинн петлял по лабиринту затопленных небоскрёбов Манхэттена, стараясь придерживаться траектории, описанной Орионом. Его ужасно бесило, что Исис показала тайное укрытие беспризорников полузнакомому мажору! А он, её лучший друг, и слыхом не слыхивал ни о каком Хазаре. Однако гнев Флинна утих так же быстро, как вспыхнул. Нелепо упрекать Исис в чём бы то ни было, когда ей угрожает гибель. Продолжая грести изо всех сил, Флинн стал думать о том, что открыл тот журналист, Нейл Харрис. Всё это было совершенно невероятно. Флинн, конечно, всю жизнь питал нутряную ненависть к Неприкосновенным, но вообразить, что они способны на такую дьявольскую жестокость, просто не мог. Какой же извращённый ум надо иметь, чтобы изобрести лотерею, которая приводит выигравших счастливчиков прямиком в ад массовых убийств!

«А как именно они их убивают?» – вдруг подумал Флинн и немедленно отогнал от себя эту мысль: лучше не знать…

– Стой, кто идёт?!

Флинн подскочил и уронил весло в воду.

– Я от Исис.

– Исис уехала, – ответил часовой, высунув голову из окна здания, которое охранял.

– Знаю. Именно об этом я и хочу поговорить. Мне нужно видеть Хазара.

Стражник сделал Флинну знак причалить и затем отвёл его к шефу.

– Привет, Флинн.

– Э-э-э… привет, – промямлил тот. – Откуда ты знаешь моё имя?

– Высоченный тип с нечёсаной шевелюрой и нежными глазами. Ты один в один соответствуешь тому, как тебя описывала Исис.

– Она рассказывала обо мне?!

– Исис была моим другом. Ты – её. Вполне естественно, что мы о тебе говорили, разве нет?

Буря противоречивых эмоций поднялась в груди Флинна. Почему-то именно сейчас он окончательно понял, что Исис никогда не испытывала к нему таких же чувств, как к Ориону. Юношу накрыло внутреннее опустошение. Но он, Флинн, видимо,

всё-таки занимал какое-то место в жизни Исис, раз она рассказывала о нём Хазару. Это немного утешало.

– Ты пришёл её заменить? – спросил Хазар.

До Флинна не сразу дошло, о чём тот говорит. Потом он вспомнил рассказ Ориона. Исис. Беспризорники. Её импровизированная школа…

– Э… нет. Я пришёл не для этого. Я хочу поговорить с тобой о NEP…

– Эта фигня нас тут не особо интересует, знаешь ли. Большая часть моих подопечных не имеет даже документов и живёт на нелегальном положении. Так что у них нет возможности участвовать в розыгрыше билетов на ковчег. Наше будущее – здесь, в этом небоскрёбе, который каждый день выдерживает натиск океана.

– Тем лучше для вас… – пробормотал Флинн, оглядывая чумазых детей, толпившихся вокруг.

Истощённые лица, покрытые множеством шрамов, взгляды маленьких зверьков. Грязные отщепенцы, которых обходишь стороной, встретив в тёмном переулке. Как Исис пришла к тому, чтобы их учить? Он никогда не узнает ответа, если не помешает NEP её убить. Вздохнув поглубже, он начал объяснять:

– Проект «Новая Земля» – гигантская махинация. Ни один колонист никогда не прилетал на эту планету. NEP просто избавляется от миллиона бедняков каждую неделю. И точка. Никакого путешествия, никакой собственности по прибытии. Только смерть.

По толпе беспризорников пробежал ропот.

– Тише! – прикрикнул Хазар. – Что касается тебя… – Он угрожающе посмотрел на Флинна. – Если ты мне вешаешь лапшу на уши, то тебе не поздоровится, обещаю…

– Это правда! Они убили уже миллионы людей! И скоро убьют и Исис! Посмотри, вот доказательства!

Флинн открыл маленький ноутбук Нейла Харриса и показал собранные журналистом факты. Хазар долго с мрачным видом изучал документы и наконец решительно поднялся.

– Он не врёт! – гаркнул главарь так, чтобы всем было слышно. – Общий сбор!

За пару минут зал наполнился детьми разных возрастов. Хазар ходил туда-сюда по располагавшимся в центре полузатопленного помещения мосткам, время от времени изрыгая ругательства. Когда он счёл, что большинство его подопечных уже собралось, он обратился к Флинну:

– Думаю, ты явился сюда не для увеселительной прогулки по акватории Нью-Йорка. Мы ещё можем её спасти?

– Да. Есть шанс. Мизерный.

Хазар повернулся к беспризорникам. Зал был набит битком.

– Друзья, этот парень – Флинн. Он – друг Исис. Он принёс очень плохие вести. Лотерея NEP – это надувательство. NEP отправляет миллионы людей на смерть. И Исис станет частью следующей волны жертв… Готовы ли вы помочь нам помешать этому?

В толпе детей поднялся гул, быстро переросший в рёв, от которого задрожали стены и на руках Флинна встали дыбом волоски…

Орион хотел армию. Она у него была…

30. Орион

Орион остановился на пороге. Никогда ещё он так не боялся возвращаться домой. Через несколько минут всё окончательно выяснится. Знает ли отец о массовых убийствах, скрывающихся за мечтой, которой торгует NEP? Орион всем сердцем желал, чтобы это было не так. Тогда он легко убедит отца остановить дьявольскую машину, готовую перемолоть очередной миллион невинных жертв, и Исис будет спасена… В противном случае оставался план Б…

Орион снова припомнил советы отца по ведению деловых войн. Может статься, сейчас придётся обратить это оружие против него самого. Последний раз прокрутив в голове разработанную стратегию, Орион повернул ручку двери.

– Боже мой, наконец-то! Ты заставил нас волноваться! – вскричала мать, едва он вошёл. – Где ты пропадал? Столько времени уже прошло…

– У меня были важные дела.

– Рад снова видеть тебя, сынок, – произнёс Артур Паркер.

– Нам надо поговорить, отец.

Тот указал сыну на невысокий диван в гостиной.

«Правило номер один. Никогда не находитесь ниже, чем противник».

Орион отклонил предложение и уселся на стул. Отец сделал то же самое.

– О чём хочешь поговорить?

«Правило номер два. Не раскрывайте карты слишком быстро».

– О том, что ты забыл мне рассказать.

Артур Паркер издевательски ухмыльнулся.

– О чём же, мой мальчик? Как делаются дети? Сколько мне было лет, когда я впервые напился?

«Правило номер три. Не выходите из себя».

– Речь идёт о нашем визите на заводы NEP.

– А. Мне казалось, я ответил на все твои вопросы.

«Правило номер четыре. Не позволяйте противнику догадаться о вашей подлинной мотивации. Пусть для этого даже придётся применить ложь».

– Однажды я сменю тебя на посту главы этой империи. Думаю, я уже достаточно взрослый, чтобы узнать кое-какие секреты.

– Не понимаю, к чему ты клонишь, Орион. И твой тон перестаёт мне нравиться. Не забывай, с кем разговариваешь…

«Правило номер пять. Противник попытается вывести вас из равновесия. Отбивайте его атаки и контратаки, используя любое оружие: давите на чувства, льстите, обманывайте…»

– Я говорю с моим отцом. Человеком, который унаследовал заводы моего деда. И однажды, я надеюсь, передаст их мне. Чтобы достойно продолжить семейное дело, я должен обладать некоторыми качествами. И глупость не входит в их число. Я умный. И желаю, чтобы со мной обходились соответствующим образом.

– И что же заставило умного молодого человека прийти в столь сильное волнение?

– Пятно на обшивке КК-523. В форме буквы «О».

– Чёрт возьми, Пенелопа, ты слышишь?! Мальчик мой поднял весь этот шум из-за какого-то банального пятна…

– Нет, отец. Это вовсе не банально. Точно такое же пятно я видел десять лет назад на обшивке самого первого космического ковчега. На том же месте, той же формы… Хотя мы оба знаем, что первый ковчег вернётся на Землю только через два года…

Артур Паркер снова взглянул на жену. Но уже без былого апломба. В глазах его читалась растерянность.

– Ты проницателен, Орион. Меня это радует. Как ты правильно выразился, человек, который примет бразды правления нашими предприятиями, должен обладать разнообразными качествами. И мало-помалу я начинаю различать в тебе некоторые из них. Ты действительно умный мальчик. Но в то же время – совершенно равнодушный, прагматичный и безжалостный. Мать Миранды рассказала мне, как ты описывал свой визит к Серым…

Орион на секунду потерял самообладание, но тут же взял себя в руки. Он надеялся, что это лёгкое нарушение правила номер три не было замечено.

– Ты, может, думал, я не в курсе? Так знай, от меня ничего не скроешь. Итак, ты узнал пятно на обшивке. Ну и? Каковы твои выводы?

– Пятьсот двадцать три ковчега, якобы сооружённые на заводах NEP, никогда не существовали.

– Только и всего? Предположим. Что дальше?

– Никаких ковчегов. Значит, никаких путешествий на Новую Землю. Сомневаюсь даже, что эта планета существует.

– Она существует, Орион. Но слишком далеко, чтобы проводить массовую колонизацию.

– Тогда что происходите колонистами?

– А ты как считаешь?

Мозг Ориона был готов взорваться. Отец подтверждал самые

жуткие догадки с бесстрастностью, от которой кровь стыла в жилах. Множество чувств раздирало юношу изнутри: недоверие, разочарование, гнев… и даже страх перед этим человеком, которого он, как выяснилось, совсем не знал. Орион попытался успокоиться…

«Правило номер шесть. Никогда не показывайте свои эмоции. За исключением тех случаев, когда это вам на руку».

Он произнёс, тщательно подбирая слова:

– А колонисты – это сопутствующий ущерб-Артур Паркер рассмеялся.

– Сопутствующий ущерб! Мне нравится это выражение!

Он опять взглянул на жену, как бы говоря: видишь, я был прав.

– Проект «Новая Земля» не зря так называется, Орион. Наша планета на грани гибели. Она несёт на себе бесчисленные язвы – результат многовекового бездействия элит. Загрязнение, голод, эпидемии… Но это всё следствия главного зла: перенаселения. Почему мы должны делить богатства Земли с этими посредственностями? Вот вопрос, которым должны были задаться сильные мира сего. Причём уже давно. Если так пойдёт дальше, то скоро мы все сможем жить только под куполами. Но я утверждаю, что регуляция численности населения способна обратить вспять процессы, лишившие нас благотворных солнечных лучей. Моё имя войдёт в историю, Орион. Я стану героем, который вернёт людям солнце.

И подарит избранным Новую Землю, очищенную от паразитов, что мешают ей восстановиться.

Ориона уже выворачивало наизнанку. Но он собрался и продолжил игру. Надо выяснить всё до конца. Сейчас или никогда.

– Ты считаешь, миллион человек в неделю – этого достаточно для достижения твоей цели?

– Это только начало, Орион. Через два года якобы вернётся первый ковчег. И, опираясь на доказанные успехи колонизации, я предложу удвоить, а потом и утроить число отправляющихся… В конечном итоге мы придём к пяти миллионам в неделю. Это потребует времени, я понимаю, но и пирамиды строились не за один день. Это дело всей жизни, Орион. Возможно, даже двух…

– Обещаю, отец, что имя Ориона Паркера тоже будет вписано в историю возникновения Новой Земли.

– Я знал, что могу рассчитывать на тебя, сынок. Не думал, правда, что ты созреешь так рано. Хотя чему тут удивляться, ведь в твоих жилах течёт моя кровь! Мы изменим этот мир…

– Как вы избавляетесь от колонистов?

Артур Паркер расплылся в плотоядной улыбке.

– Как глава предприятия я всегда думаю о том, чтобы минимизировать эксплуатационные расходы. Когда все колонисты находятся на борту ковчега, достаточно просто открыть посадочный люк. Так мы даём им то, к чему они стремились, – возможность совершить космическое путешествие.

– Они замерзают?

– Нет. Это расхожее представление, порождённое многочисленными фильмами, довольно далеко от реальности. Холод – наименьшее зло в космосе. Он царит только в тени и убивает достаточно медленно. Секунд через пятнадцать они теряют сознание от нехватки кислорода и через несколько минут умирают… Так что в любом случае смерть предшествует замерзанию…

Орион нечеловеческим усилием подавил накатившую на него тошноту и спросил:

– Что вы делаете с телами? Оставляете болтаться в космосе?

– Боже мой, разумеется, нет! Если кто-то их обнаружит, это будет катастрофа! Операция происходит возле Луны. Ковчег зависает над гигантским кратером на тёмной стороне. Туда всё и сгружают.

– То есть останки людей всё-таки возможно найти?

– Девиз империи Паркера – оптимизация и рационализация. В этом же кратере находятся наши мусоросжигательные заводы. Пепел высыпают прямо на нагромождение тел. Очень эффективно. Даже тот, кто знает, что ищет, не увидит там ничего, кроме дыма и огня… Так что все отбросы нашей цивилизации находят конец в одном месте…

– Отец?

– Да, сынок?

«Ты – чудовище, я должен остановить тебя», – хотелось выкрикнуть Ориону. Но игра ещё не была закончена.

«Правило номер семь. Дождитесь, чтобы противник расслабился, и тогда нанесите решающий удар».

Поэтому Орион почтительно улыбнулся и предложил:

– Может, отметим? Этот день навсегда останется в моей памяти…

– Отличная идея! Дорогая?

Хлопнула пробка от шампанского, звякнул кувшин с апельсиновым соком. Пенелопа наполнила три бокала.

– За NEP! – провозгласил Артур Паркер.

– За Новую Землю! – поднял свой сок Орион.

31. Исис

Если ты живёшь в Зоне Затопления, то неожиданности редко бывают приятными. К этому я тоже давно приспособилась. Плохое легче вынести, когда к нему готов.

– Изек, тебе не кажется, что пора возвращаться? Мы уже довольно долго тут идём.

– Неужели храбрая малышка Исис трусит?

– Нет. Хотя да, немного. Кто знает, что там впереди? Может, тут на борту есть опасные места…

– Ладно, смотри сама. Можем повернуть обратно. Но метрах в двадцати отсюда – какой-то свет. И я бы, конечно, проверил, что там такое.

– Хорошо, давай посмотрим.

Мы приближаемся к цели. Свет становится ярче. И вот мы оказываемся на галерее, расположенной в нескольких десятках метров от пола. Перед нами многоэтажная металлическая структура, состоящая из таких же палуб, как та, на которую мы вышли. Всё вместе напоминает изображения старинных кораблей, которые в прошлом веке, когда в мире ещё было на что посмотреть, бороздили океаны. На каждой палубе через одинаковые промежутки расположены двери с номерами и круглыми иллюминаторами.

– Каюты! – восклицает Изек. – Мы нашли эти чёртовы каюты раньше всех!

Я не могу сдержать улыбки. Изек отплясывает на палубе победный танец. Совершенно идиотский, но забавный…

– Попробуем пробраться внутрь, – предлагает он.

Мне кажется, Изек уже перегибает палку, но он явно не открывал словарь на странице, где объясняется слово «рационально». Я вообще сильно сомневаюсь, что он умеет читать. Тем не менее мы обходим палубу, дёргая каждую дверь. Но все они заперты. Я испытываю даже некоторое облегчение. Мне бы, например, не хотелось, чтобы кто-то посторонний совал нос в то, что на ближайшие шесть лет станет моим домом. Изек, разочарованный, прижимается лбом к иллюминатору, пытаясь разглядеть интерьер каюты. Я делаю то же самое.

– Гнилые водоросли! Она пуста! – восклицает он.

– И эта тоже, – отзываюсь я.

Мы продолжаем наше исследование, но все каюты одинаковы: ничего, кроме голых стен. Ни мебели, ни каких-либо вещей. Я принимаюсь оплакивать гигантский телевизор, который обещала

реклама NEP. Но вскоре эти бессмысленные сожаления уступают место смутному страху. Пустые комнаты, грубые роботы, отсутствие туалетов вдоль бесконечной очереди… Всё это совсем не походит на то, что я ожидала найти на борту ковчега.

– Пойдём, – говорю я. – Посмотрим на теплицу…

Изек оборачивается туда, куда я указываю, и кивает.

Я видела эту теплицу в рекламных роликах NEP. Чудесное место, полное зелени, прекрасных деревьев и цветов. В общем, такое предчувствие Новой Земли… Мы с Изеком спускаемся по винтовой лестнице. И чем ближе подходим, тем сильнее мне становится не по себе. Издалека теплица ещё могла поддерживать рекламную иллюзию, но вблизи она больше похожа на пустыню, чем на зеленеющий островок рая. Вместо обещанной оранжереи нашим глазам предстаёт лишь выцветший синтетический газон. Я прикасаюсь к пластмассовой траве и тут же отдёргиваю руку. Ощущение просто отвратительное. Между полосками газона виднеется сухая потрескавшаяся земля. Я поднимаю голову. Деревья, которые я так мечтала увидеть, – это всего лишь иссохшие скелеты, которые безнадёжно тянут свои ветви к пустому космосу.

– Какое жуткое место, – шепчу я.

– Не знаю, что тут стряслось, но отпуску садовников явно затянулся, – добавляет Изек.

На сей раз я не улыбаюсь. Как-то не тянет.

– Мне всё это не нравится! – Я вдруг замечаю, что почти кричу.

Даже Изек, обычно такой флегматичный (сказываются годы, проведённые в Зоне Затопления), заметно нервничает. В его глазах растерянность.

– Если здесь выращивают овощи для нашего шестилетнего путешествия, то, держу пари, мы не каждый день будем пить апельсиновый сок.

– Кажется, это место давно заброшено. – Я провожу пальцем по металлическим перилам, и он тут же покрывается густым слоем пыли.

– Слушай, этот ковчег якобы совсем новый. Но выглядит он как чертовски старый. Железные опоры – ну, у этой типа теплицы – даже успели проржаветь, заметила?

– У тебя есть какое-то объяснение?

– Или процесс окисления железа ускоряется в космосе в сотни раз. Или этой посудине уже много лет…

Моё сердце начинает бешено колотиться. Много лет… Но ведь это невозможно! Ковчеги непрерывно сходят с конвейера, чтобы каждую неделю отправляться к Новой Земле. Конечно,

космический корабль не построить за один день, я понимаю, но – ржавчина?

Но – эти грядки, которые не поливали, наверное, со времён рождения моего брата? Как всё это понимать?

Погружённые в свои мысли, мы молча поворачиваем назад. Исполинские галереи нависают над нами со всех сторон. Словно мы на дне огромного безжизненного кратера. Везде в глаза бросаются следы запустения. Уродливо завалившаяся на один бок картина, что еле держится на расшатавшемся гвозде. Отслаивающаяся краска. Проеденные ржавчиной стены, словно пережившие ветряную оспу… Изек хлопает меня по плечу. Я оборачиваюсь. Он показывает на наши следы, явственно заметные на пыльном полу, и вполголоса произносит:

– Прямо город-призрак какой-то.

Я содрогаюсь. Изек прав. Это место кажется мёртвым. Впечатление усиливается царящей здесь ледяной тишиной. Пугающее отсутствие звуков – будто бы ты полностью оглох. В Зоне Затопления никогда не бывало такого беззвучия. Несмотря на серую монотонность смога, лёгкий ветерок постоянно шевелил кровли хижин и маленькие волны плескались о стены… Мне хочется заорать – просто ради того, чтобы заставить вибрировать барабанные перепонки. Но я не успеваю этого сделать. Несколько диких криков врезаются в мой заскучавший в бездействии слух.

– Слышала? – ошарашенно выдыхает Изек.

Кровь застывает у меня в жилах. Я слышала, но что? По крайней мере, это точно не крики гнева.

– Жутковато, да? – продолжает он. – Кажется, там что-то стряслось. Это в носу корабля, где начало очереди. Ну и шуточки у здешнего комитета гостеприимства!

– Зря мы сюда сунулись.

– Наоборот! Теперь мы знаем, что путешествие не имеет ничего общего с теми удовольствиями, которые нам обещали…

– Нас разместят в гигантских общих спальнях?

– Откуда мне знать! Я не могу выносить эту толпу даже в течение часа. А уж спать вповалку целых шесть лет…

– Лучше вернуться к родителям…

– Да уж! Будет что им рассказать!

32. Исис

Терпеть не могу роботов. Что? Уже говорила? Ну и ладно, повторюсь. Я их ненавижу. Была б моя воля, я бы отправила все эти дьявольские машины на свалку.

Мы возвращаемся с тяжёлым сердцем и головой, полной вопросов. Красивая картинка путешествия к Новой Земле, которую нам отовсюду транслировали много лет, разбилась вдребезги. Вообще-то я умею приспосабливаться практически ко всему, однако мой желудок скручивается в узел, когда я представляю, в каких условиях нам предстоит жить. А если ещё и вспомнить о том, что я покинула, то и вовсе трудно удержаться от слёз. Потом мои мысли обращаются к матери и к малышу, которого она вынашивает. Разумно ли рожать ребёнка на борту этого корабля?

– Исис?

– Да, Изек? – Я встряхиваю головой, возвращаясь в реальность.

– Похоже, у нас проблемы.

Проследив за его взглядом, я вижу робота. Точно такого же, как те, что конвоируют толпу в большом посадочном ангаре.

– Что будем делать? – спрашиваю я.

– А что ты предлагаешь? Пойдём ему навстречу и скажем: простите, мистер Робот, мы случайно ошиблись коридором… Чем мы рискуем? Что он отведёт нас к родителям?

Я улыбаюсь. Изек просто мастер разрядить напряжение.

Мы идём, не сбавляя шага, по направлению к железному церберу. Он заметил нас, это очевидно. Я вижу, как встроенная камера, заменяющая ему глаза, тихонько поворачивается, следя за нашим движением.

– Я сама с ним поговорю.

– Ага. Ведь в школе наверняка изучают этикетный кодекс консервных банок.

– Тише ты! Услышит!

Я опять не могу сдержать улыбку. Изек отвешивает роботу галантный поклон, словно шут, приветствующий публику.

– НЕ ДВИГАТЬСЯ! – приказывает машина. – ВЫ НАХОДИТЕСЬ В ЗАПРЕТНОЙ ЗОНЕ.

– Нам очень жаль, – говорю я. – Мы заблудились. Не могли бы вы отвести нас к остальным?

– ПРАВИЛО НОМЕР СОРОК ДВА, ПУНКТ ЧЕТВЁРТЫЙ: ЛЮДИ НЕ ДОЛЖНЫ НАХОДИТЬСЯ НА ГАЛЕРЕЯХ И У ТЕПЛИЦЫ.

– Мы понимаем. Но я же сказала, мы потерялись. Вы слышите?

– В СЛУЧАЕ НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛА НОМЕР СОРОК ДВА, ПУНКТ ЧЕТВЁРТЫЙ, НЕ РЕКОМЕНДУЕТСЯ ОТПРАВЛЯТЬ ЛЮДЕЙ ОБРАТНО В АНГАР. ЗАПРАШИВАЮ РАЗРЕШЕНИЕ НА ЛИКВИДАЦИЮ…

– Эй, железка, тебя что, заело? – Изек начинает психовать. – Мы – выигравшие! Ты должен отвести нас к родителям!

– РАЗРЕШЕНИЕ ПОЛУЧЕНО…

Робот выдвигает правую руку, под немыслимым углом прикреплённую к плечу, и нацеливает на нас металлический кулак, откуда выдвигается узкая металлическая трубка.

– Проклятье! Это оружие! Бежим, Исис! – Изек дёргает меня за рукав.

Я не заставляю долго себя уговаривать и бросаюсь наутёк по коридорам, непрерывно меняя направление, как Изек. Меня обжигает жаром близких выстрелов. Куски дымящегося железа падают вокруг. Если лазер коснётся нас – это конец. Метров через двадцать мы ныряем в коридор, ненадолго скрывающий нас от выстрелов. Мы не тратим время, чтобы оглядываться. Раздающийся сзади шум не оставляет сомнений: робот движется следом. Очередной поворот позволяет нам опять спрятаться от лазера. Изек дёргает одну дверь, другую… Безрезультатно.

– Не могу поверить! Всё закрыто…

Я начинаю задыхаться, но не сбавляю скорость. А вот наш преследователь не устанет никогда. Ужас ситуации стучится в мой мозг, но я изо всех сил отталкиваю его. Не время паниковать. Я ускоряю бег и сосредотачиваюсь на дыхании, чтобы продержаться подольше.

– Быстрей, быстрей! – кричит Изек.

Мы снова выбегаем в основной коридор. Изек вдруг останавливается. Я тоже.

– Сможешь сама найти дорогу к остальным?

– Э… Ну, думаю, да. Отсюда по лестнице наверх и… Почему ты спрашиваешь?

– Ты спрячешься здесь, – властно говорит он, указывая на крошечное пространство между двумя столбами.

Я смотрю на это укрытие, не понимая.

– А я побегу дальше, – продолжает Изек, и его глаза горят решимостью.

– Но…

– Вопрос закрыт. Не время спорить. Я бегаю быстрее, чем ты. У этого неповоротливого комбайна нет никаких шансов меня догнать. Дождёшься, чтобы он пошлёпал за мной, – и лети к

лестнице.

Тяжёлые шаги робота раздаются совсем близко. Я втискиваюсь, куда показал Изек, и вижу, как он убегает. Через полсекунды наш преследователь уже здесь. Он останавливается прямо передо мной. Протянув руку, я могла бы прикоснуться к нему. Задерживаю дыхание. Робот засекает Изека и дважды в него стреляет. Но тот делает превосходный зигзаг. И лазерные лучи обрушивают кусок стены. До меня вдруг доходит, что всё здесь сделано из ужасно хрупкого материала. Это не бетон и не металл, а нечто вроде пластмассы. Вроде декораций для кино. Ясно одно: ковчег никогда не предназначался для перевозки пассажиров…

Пока я пытаюсь осознать масштаб своего нового открытия, Изек каким-то чудом уворачивается от двух следующих выстрелов. Робот снова пускается в погоню.

Пора! Я выскальзываю из укрытия и, бросив последний взгляд на Изека, устремляюсь к винтовой лестнице. Поднимаюсь, перепрыгивая через три ступеньки. За каждым поворотом передо мной открывается картина разворачивающейся внизу погони. Я уже почти наверху, когда выстрел настигает Изека. Он падает. Я замираю на месте.

– Изек всегда отдаёт долги! – кричит он роботу, не глядя на меня.

Но я понимаю, что его слова обращены ко мне. Просто он не хочет выдать, где я. Слёзы наворачиваются на глаза.

Безжалостный робот приближается к распростёртому на полу Изеку и прицеливается. Я зажмуриваюсь.

– Боже, – шепчу я, – он его убил.

Стараясь не шуметь, я преодолеваю последние ступеньки и вбегаю в коридор, по которому мы пришли сюда каких-нибудь четверть часа назад. Кажется, с тех пор минуло уже лет сто.

Изек…

Не могу поверить, что больше никогда его не увижу.

Я пытаюсь сохранить спокойствие, чтобы не заплутать в коридорах. Я должна непременно предупредить остальных, что ковчег – всего лишь гигантская пустая скорлупа…

У меня возникает тревожное предчувствие: впереди будут ещё сюрпризы. Возможно, гораздо более жуткие.

33. Исис

Мой отец любит повторять: чтобы понимать, куда мы идём, надо помнить, откуда мы пришли. Тот, кто знает историю, словно держит в руках стеклянный шар, позволяющий заглянуть в будущее. Было бы лучше, если бы наши правители почаще задумывались об этом.

Преодолевая последние сотни метров, отделяющие меня от остальных колонистов, я пытаюсь понять, что же всё-таки происходит на борту ковчега. Неясно, зачем NEP тратит столько денег, чтобы доставить нас сюда, если они не собираются лететь на Новую Землю. В реальность этого путешествия я уже не верю. И тут внезапно мне вспоминается Джеймс, мой двоюродный брат. Интересно, почему? Последний раз мы виделись, когда я была совсем маленькой, и, если не считать ежегодных видео от тёти Лили, наше с ним общение сводится к нулю. В памяти всплывает кадр из последнего ролика, где Джеймс с обнажённым торсом валит лес. Что же, красивый парень с блестящими от пота напряжёнными мускулами – это могло бы привлечь некоторых девчонок из нашего класса. Но не меня. К тому же он мой брат. Так почему же сейчас я думаю о нём, а не об Изеке или, например, Орионе и Флинне?

Ответ начинает свой путь в лабиринтах моего мозга и вдруг врезается в меня на полном ходу, как комета.

– Чёрт! Как я могла не заметить?!

В детстве Джеймс сорвался с высокой железной вышки и сильно поранился. На спину ему наложили штук сорок швов. От которых остались шрамы! А на видео тёти Лили у него абсолютно гладкая спина! Невозможно!

Значит, тот парень, что машет топором, не мой кузен. Тогда кто же? Сердце у меня стучит так, что едва не выпрыгивает из груди. Я вижу единственное объяснение: ролик – тоже фальшивка!.. Теперь понятно, зачем в шаттле нас фотографировали и просили начитать текст. Им нужны были наши аудио– и визуальные характеристики, чтобы потом фабриковать эти подделки…

Постепенно факты складываются в зловещий пазл. То, как они унижают людей, заставляя, словно животных, справлять нужду на глазах у всех. Эти декорации из папье-маше, рассыпающиеся от малейшего прикосновения, которые должны были стать нашим домом на шесть лет. Но главное – жуткий робот, который убил Изека без всякой причины…

И вдруг я понимаю, что люди, толпящиеся в ангаре, – вовсе не путешественники и не будущие колонисты. Это приговорённые к смерти. А вся бесконечная очередь – не больше чем стадо, ведомое на бойню.

– Они нас убьют! – восклицаю я вслух.

Теперь всё разъяснилось. В том числе те жуткие крики, которые слышали мы с Изеком… Надо предупредить родителей, пока не поздно!

Я иду тем же маршрутом, каким совсем недавно мы пробирались вглубь корабля. Мне очень страшно. Если я встречу кого-нибудь из этих ужасных роботов, мне ни за что не убежать… Я ускоряю шаг. Вдалеке появляется широкая дверь, ведущая в ангар, где вместе с другими обречёнными стоят мои родные. Откроется ли она? Я тихонько приближаюсь и бесшумно поворачиваю дверную ручку. Вздох облегчения. Если бы тут стоял электронный замок, мне бы не удалось вернуться. Я ныряю в людское море. И дверь захлопывается у меня за спиной. Очередь по-прежнему движется очень медленно. Замечаю родителей. Они продвинулись всего на какую-нибудь сотню метров. Атмосфера очень наэлектризована, и у роботов, сдерживающих толпу, много забот. Я с трудом продираюсь сквозь плотную толпу. Отовсюду раздаются жалобы. Работая локтями, я наконец добираюсь до своих. По моему лицу мать сразу понимает: что-то не так.

– Милая, ты плакала? У тебя совсем красные глаза!

– Я… я…

Как рассказать им?

– А где мой сын? – спрашивает отец Изека, увидев, что я вернулась одна.

Слова застревают у меня в горле. Я молча мотаю головой.

– Что это значит? Он не захотел возвращаться с тобой? Очень на него похоже – всегда надо нарушать правила!

– Он не вернётся, – выдавливаю я из себя, и к глазам подступают слёзы.

– Что? Не понимаю…

– Он мёртв, – бормочу я еле слышно, стараясь, чтобы никто, кроме наших двух семей, ничего не услышал.

– Повтори, пожалуйста, – просит отец Изека, чей гнев постепенно стихает. – Он – что? Упал? Вы залезли в какое-то опасное место?

– Они убили его! – кричу я, показывая на одного из киборгов, охраняющих толпу.

– Кто? Роботы?

– Да! Убили как собаку! Мы увидели то, чего нельзя было видеть…

Когда до матери Изека доходит смысл моих слов, она начинает медленно оседать на пол. Муж подхватывает её под руку. В их глазах читается полнейшая беспомощность.

– Что же вы увидели? – спрашивает наконец мой отец.

– Послушайте! И NEP, и Новая Земля, и космический ковчег – всё это огромный обман!

Я ловлю на себе обеспокоенные взгляды соседей. Несмотря на тяготы долгого ожидания, многие по-прежнему пребывают в приподнятом настроении. Не каждому выпадает удача выиграть билет в новую жизнь – читается на их лицах. Так что моя истерика слегка портит им праздник. Но, думаю, когда они увидят нечистоты, оставленные их предшественниками, картинка станет чуть менее радужной.

Отец отводит меня в сторону.

– Что ты такое говоришь, Исис? Нагнала на всех страху. Что именно стряслось?

Я описываю нашу вылазку, поначалу даже весёлую, и те открытия, которые мы неожиданно сделали. Пустые каюты, теплицу, иссохшую как пустыня. Следы ржавчины. Крики ужаса. И, наконец, встречу с роботом. Гибель Изека. А потом объясняю про отсутствующий шрам Джеймса на видео тёти Лили.

Я очень боюсь, что отец не примет мои слова всерьёз. Скажет что-нибудь вроде: «Ну, деточка, успокойся, ничего страшного, всё будет хорошо…» Но он тоже вспоминает про шрам Джеймса. И верит всему остальному. Верит – вижу по глазам. А ещё вижу в его глазах бесконечную тоску.

И чувствую, что в это мгновение в нём разверзается бездонная пропасть. Что бы ни случилось потом, он уже никогда не оправится от ужаса, обрушившегося на него сейчас. Всю жизнь отец бился, чтобы у нас каждый день была еда на столе. Никогда не опускал руки. Несмотря на условия работы, становившиеся всё тяжелее, постоянные унижения и безнадёжно снижающиеся зарплаты. Он не прятался в алкоголь, не тратил время на критику власти… Держался, уверяя себя, что завтра будет лучше, что люди из NEP и правительства работают над тем, чтобы облегчить жизнь бедняков… И в тот момент, когда для нашей семьи ситуация стала совсем критической, удача наконец улыбнулась нам. Мы выиграли билет на Новую Землю. Отец воспринял это как награду за своё мужество и годы непосильного труда. Выигрыш в лотерею NEP словно бы подтверждал правильность его жизненной позиции: верить в будущее и никогда не жаловаться.

И вот в один миг всё разбилось вдребезги. Я опасаюсь, что это его раздавит. Кажется, отец балансирует на краю пропасти и уже накренился над ней, готовый упасть. Но нет. Он выпрямляется и

берёт себя в руки. Мой отец не из тех, кто сдаётся.

– Идём, – говорит он. – Надо попытаться выбраться отсюда.

Я киваю, испытывая громадное облегчение от того, что отец теперь на моей стороне. Мы возвращаемся ко всем, и он шепчет что-то на ухо матери. Её глаза распахиваются от испуга. Я чувствую в ней некоторое сомнение, но оно исчезает, когда наши взгляды встречаются. Остаётся только яростная решимость.

– Мама, ты делаешь мне больно, – жалуется Зак.

Она так сильно сжимает его руку, что та уже онемела. Мать ослабляет хватку. После недолгого обсуждения родители Изека тоже принимают новую версию происходящего. Они совершенно раздавлены свалившимся на них горем. Однако присоединяются к нам и начинают пробираться в обратную сторону. Все взирают на наши действия с изумлением.

– Что вы делаете? – окликает нас двухметровый детина с квадратными плечами, похожий на холодильник. – Хотите прождать несколько лишних часов, прежде чем попасть в свою каюту? Не, я, конечно, не против – без вас до меня немного быстрее очередь дойдёт…

Я чувствую, что отец колеблется. Он смотрит на меня. Не обменявшись ни словом, мы приходим к согласию. Мы не можем допустить, чтобы все эти люди спокойно шли на смерть. Необходимо предупредить их.

– Нет никаких кают. Моей дочери удалось исследовать ковчег. В конце этой длинной очереди нас ждёт только одно – смерть.

Гигант пялится на нас как на помешанных.

– И что же вы намерены делать? – всё-таки интересуется он.

– Попытаемся вернуться обратно на шаттле. Если это ещё возможно…

Детина, посторонившись, пропускает нас. Мы продолжаем прорываться против течения. А нам вслед летят его громогласные и весьма нелестные комментарии:

– Не, ну сколько же психов повсюду! Вот ведь банда придурков!

В противоположную сторону двигаться гораздо легче. Вскоре мы уже видим шаттлы. Однако путь перекрывает железная ограда, охраняемая пятью роботами.

– Мы передумали, – громко произносит отец. – Мы не хотим лететь на Новую Землю. Отвезите нас домой, в Нью-Йорк.

– ПОЖАЛУЙСТА, ВЕРНИТЕСЬ В ОЧЕРЕДЬ.

– Вы понимаете, что я говорю? Мы хотим обратно!

– ЭТА ПРОЦЕДУРА НЕ ПРЕДУСМОТРЕНА. ОТОЙДИТЕ.

Неожиданно сзади раздаётся ещё один голос. Квадратный

детина нас догнал.

– Эй ты, робот! У тебя провода перегорели или как? Согласен, что этот тип – придурок, если хочет вернуться на Землю. Но это его право, разве нет?

Вокруг нас поднимается одобрительный гул.

– В чём вообще проблема? Почему бы не отпустить обратно несколько колонистов, если они передумали? – спрашивает кто-то ещё.

Вокруг собирается всё больше народу.

– ПРОЦЕДУРА НЕ ПРЕДУСМОТРЕНА. НИКТО НЕ ДОЛЖЕН ПРИБЛИЖАТЬСЯ К БАРЬЕРУ БЕЗОПАСНОСТИ.

– ОК, робот, мы отойдём, – миролюбиво соглашается великан. – Но скажи, почему они не могут сесть в один из шаттлов, улетающих на Землю? В атом нет ничего сложного. У тебя компьютер вместо мозгов – вот и объясни, что здесь невозможного…

– ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ…

У меня холодеет сердце. Я уже знаю, на что способны эти машины…

– Эй, ты будешь отвечать или нет? – выходит из себя детина и перекидывает ногу через забор. – Я хочу знать, что нам мешает вернуться домой, если мы захотим? Может, то, что говорил этот тип, не такая уж и фигня?..

– А что он говорил? – выкрикивает кто-то из толпы.

– Что путешествие к Новой Земле – это надувательство. И что нас всех гонят на убой!

– Чушь какая! – возмущается одна женщина.

– Полный бред! – поддерживает вторая.

– Уверены? – вмешивается детина. – Тогда почему им не дают уйти?!

Волны страха начинают расходиться по этой части толпы.

Я замечаю, что робот поднимает руку, и изо всех сил тяну родителей в сторону, на безопасное расстояние.

Они видят мои обезумевшие от страха глаза и без возражений позволяют увести себя. В тот момент, когда механический убийца открывает огонь, мы уже вне зоны досягаемости.

Гигант первым попадает под луч лазера и падает. Десятки других людей ранены. Повсюду раздаются крики ужаса. Волны паники сотрясают очередь.

– Роботы кого-то убили! Какой кошмар! Они зарезали человека!

Но мятеж не успевает начаться. Из боковых коридоров появляется ещё с полсотни машин. Разве могут безоружные люди

сопротивляться такому количеству роботов? Толпа отступает, и больше никто не смеет приближаться к ограждению.

Однако страшная новость передаётся из уст в уста:

– Новой Земли не существует. Не надо двигаться вперёд. Они убьют нас…

Я смотрю на отца. Нам не удалось. Мы никогда не сможем преодолеть этот кордон и вернуться домой…

Отец крепко обнимает меня. Он не делал этого уже много лет.

– Но мы хотя бы попытались, Исис, – говорит он, гладя меня по голове, как маленькую. – Хотя бы попытались…

34. Орион, Флинн

Орион и Флинн ждали звонка. Мобильник Неприкосновенного лежал перед ними на выдвижной полке. Ребята сидели в небольшом шаттле, подаренном Ориону на тринадцатилетие. Этот транспорт, управляемый киборгом последнего поколения, мог доставить его куда угодно. Разве что за несколькими исключениями. Одно из многочисленных преимуществ, которыми обладал сын Артура Си Паркера.

– ВЫ УЖЕ ВЫБРАЛИ НАПРАВЛЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ, МИСТЕР ПАРКЕР?

– Нет, мы ещё думаем.

– ЖЕЛАЕТЕ ГДЕ-НИБУДЬ ПОУЖИНАТЬ?

– Нет, оставьте нас, пожалуйста.

Киберпилот изобразил почти человеческую улыбку и отодвинулся в зону, предназначенную для персонала.

В этот момент на полке завибрировал телефон (тоже последней модели, разумеется). Орион и Флинн переглянулись.

– Думаешь, это он? – спросил Флинн.

– Кто же ещё? – ответил Орион, хватая трубку. – Алло…

– Мы готовы, – проговорил хриплый голос Хазара. – Всё в силе?

– Абсолютно, – подтвердил Орион. – Когда оба источника энергии будут перекрыты – тут же сообщи.

– Надеюсь, у тебя точная информация, парень.

– Уверен.

– Что же. Тогда праздник начинается…

Орион отложил телефон и вызвал пилота.

– Мы летим в Мексику. Хочу показать моему другу гравитационный лифт.

– ХОРОШО, МИСТЕР ПАРКЕР. ПЕРЕДАЮ ВАШ ЗАПРОС В БОРТОВОЙ КОМПЬЮТЕР.

С едва заметным толчком шаттл оторвался от земли и стал набирать высоту.

– Надеюсь, во время полёта не будет проблем с интернетом?

– НЕ БЕСПОКОЙТЕСЬ, МИСТЕР ПАРКЕР. НАШ КОРАБЛЬ СНАБЖЁН УСИЛИТЕЛЯМИ, КОТОРЫЕ ОБЕСПЕЧИВАЮТ БЕСПЕРЕБОЙНУЮ СВЯЗЬ В ЛЮБОЙ ТОЧКЕ МИРА.

Орион и так это знал, но хотел лишний раз уточнить, чтобы быть уверенным, что никакая мелочь не помешает спасти Исис. Кусая губы, молодой Неприкосновенный посмотрел на часы. Время летело со страшной скоростью. Слишком быстро, как ему казалось. Орион знал, что ждёт Исис, но не мог даже

предположить, сколько времени займёт у отцовских роботов убийство миллиона человек.

– Думаешь, успеем? – спросил Флинн, словно прочитав его мысли.

– У нас нет выбора, – произнёс Орион тем же ледяным тоном, каким общался с бывшим журналистом.

Флинн невольно восхитился его уверенностью. Он почувствовал, что сейчас ему ответил не подросток, а мужчина, твёрдо решивший добиться своей цели.

35. Хазар

Хазар смотрел на свои войска, разместившиеся в одном из полуразрушенных зданий невдалеке от башни NEP. В течение нескольких часов беспризорники пробирались сюда, разбившись на небольшие группы, чтобы не привлекать внимания. Теперь пришла пора действовать. Хазар свистнул. То там, то здесь раздались ответные свистки, и группа детей тихонько окружила небоскрёб. Здание, разумеется, охранялось, но не так сильно, как Купол или другие стратегические объекты. Для миллионов бедняков NEP был воплощением надежды, и никому бы и в голову не пришло покуситься на этот символ… Нападать на NEP – это примерно то же самое, что атаковать Красный Крест или больницу.

Поэтому начальник охраны Харольд Кёнинг сильно удивился, увидев сотню детей, собравшихся возле башни. За десять лет службы он никогда не сталкивался ни с какими проблемами. Работа была спокойной и хорошо оплачиваемой – как раз то, что нужно.

В любом случае роботы, охранявшие вход, представляли собой такие устрашающие боевые машины, что до сих пор никто не осмеливался соваться к ним. U-12 – киберсолдаты последнего поколения, в четыре раза более мощные, чем мотополицейские. Настоящие дьяволы, способные остановить танк.

– Мистер Кёнинг, роботы спрашивают, что им делать… – обратился к начальнику охраны один из его заместителей.

– Переведите их в режим обороны. Не будем же мы убивать ребятишек…

– Так точно, сэр. Приказ передан. Они будут использовать оружие только в случае прямого нападения.

– Вы можете дать мне увеличенное изображение этих хулиганов? Что они делают? Они вооружены?

– На первый взгляд – нет. По-моему, это беспризорники. Странно, почему они в длинных пальто. На улице ведь жарко, разве нет?

Кёнинг кивнул. Всё это ему совершенно не нравилось.

– На всякий случай активируйте запасных U-12 и поставьте в холле. Мало ли что. Может, кто-то из этих чёртовых детей пролезет внутрь.

Кёнинг был горд собой. С какой скоростью он принял решение! Помощник наверняка оценит…

– Они приближаются к роботам, сэр…

Кёнинг нахмурился.

– Вы хотите сказать, они атакуют?

– Нет, сэр. Взгляните сами. Они фотографируются с роботами. Строят рожи, кривляются.

– Какое-нибудь глупое пари, – задумчиво произнёс начальник охраны.

Он колебался, не зная, как поступить. Если кто-то из детей случайно коснётся U-12, тот без предупреждения откроет огонь. Так уж они запрограммированы. Кёнинг уже видел перед собой огромные заголовки в теленовостях: «Роботы NEP убили детей, хотевших сфотографироваться».

– Отключите LM 2.

– Вы… вы уверены?

– Оглохли? Выключите их!

– Приказ передан. Шеф?

– Да.

– С каких это пор у беспризорников есть мобильники, чтобы фотографироваться?

Вопрос застал Кёнинга врасплох. Замечание заместителя было вполне резонным. Но прежде чем он успел разгадать эту загадку, ситуация вышла из-под контроля. У входа в башню раздался взрыв.

– U-12 номер один выведен из строя, мсьё.

– Чёрт побери!

Кёнинг подбежал к камерам наблюдения. Как раз вовремя, чтобы увидеть серию следующих взрывов.

– Да у них под пальто гранаты! – изумился помощник.

– Включите роботов!

– Слишком поздно, мсьё. Второй, третий, четвёртый выведены из строя…

К ужасу Кёнинга, вся первая линия обороны башни была уничтожена прямо у него на глазах. По лбу шефа безопасности покатились крупные капли пота.

– Они отступают, – сообщил помощник. – Убегают по улицам.

– Слава богу! – выдохнул Кёнинг, падая в кожаное кресло.

– Ох… шеф!

– Ну, что ещё?

– Кажется, у нас Проблема.

Начальник охраны снова вскочил и уставился в экраны. Теперь к зданию направлялись уже не дети, а подростки и молодые люди. Словно оборванцы, разрушившие первую линию обороны U-12, завернув за угол, молниеносно повзрослели лет на пять – десять. В руках у них было настоящее оружие. Кёнинг различил даже портативные пулемёты и гранатомёты.

– Оставшимся U-12 перейти в боевую готовность…

Он не успел договорить. В здании вырубился ток. Все приборы, все лампы разом погасли. Кёнинг и его помощники перестали что-либо видеть.

Находившийся у подножия башни Хазар удовлетворённо кивнул. Группа, которую он отправил, чтобы вывести из строя электростанцию, снабжавшую Нью-Йорк энергией, справилась с заданием. Город погрузился во тьму.

Несколькими этажами выше Кёнинг с облегчением услышал, как в подвале заработали огромные дизельные генераторы. Вскоре во всём здании постепенно зажёгся свет. Пока было темно, молодые люди заметно приблизились. Кёнинг с некоторым даже удовлетворением отметил, что нападавшие не бросились сломя голову в холл. Разделившись на небольшие группы, они заняли стратегические позиции вокруг здания, надёжно укрытые за стенами. А потом, с согласованностью, которую Кёнинг не мог назвать иначе как военной, начали штурм. U-12 отвечали, и шквал огня залил первый этаж здания, сотрясавшегося от взрывов.

– Мы потеряли ещё одного робота…

– Немедленно сообщите начальнику полиции Купола, – выкрикнул Кёнинг, отлично сознавая, что его приказ несколько запоздал. – Скажите, что нас атакуют и нам срочно нужно подкрепление!

Внизу Хазар вскинул на плечо старый гранатомёт, позаимствованный несколько лет назад на заброшенной военной базе. Он дал себе время, чтобы хорошенько прицелиться, понимая, что второго шанса не будет – из-за катастрофической нехватки боеприпасов. Его товарищи с разных точек обстреливали U-12, который уже совершенно потерял ориентацию и палил вслепую. Хазар глубоко вдохнул и нажал на курок. Граната вылетела из ствола и, оставив в воздухе дымный след, попала точно в цель – в машину смерти, сконструированную на заводах Паркера. U-12 совершил несколько беспорядочных движений и вдруг направил свою лазерную пушку прямо на Хазара. Главарь беспризорников затаил дыхание. И снова начал дышать, только когда понял, что железный убийца больше уже никогда не выстрелит. Со скрежетом и искрами робот осел на пол.

– Путь свободен! – крикнул Хазар. – Вы знаете, что делать!

Первая группа перекрыла пути наверх. В течение нескольких минут лестницы и лифты оказались под контролем беспризорников. Теперь можно было не опасаться, что неожиданная подмога помешает их планам. Вторая группа, под предводительством Хазара, устремилась к подвалу. Ориентируясь

на шум, они быстро обнаружили четыре электрогенератора, снабжавшие здание энергией. Это были настоящие монстры, способные двигать даже космический корабль. Хазар отдал несколько коротких приказов, и беспризорники обложили взрывчаткой каждый генератор.

– Уходим! – скомандовал он.

Хазар не сомневался, что Купол отреагирует на такую масштабную атаку. И если беспризорники ещё будут в башне, когда прибудут военные, то им отсюда не выбраться. Поэтому надо торопиться. Он удостоверился, что все его подопечные в безопасности, и нажал на кнопку, запускавшую взрывной механизм. Потом зажмурился и стал ждать, молясь, чтобы всё сработало. Глухой рокот, похожий на гул землетрясения, развеял его сомнения.

Армия беспризорников покидала башню в кажущемся беспорядке. На самом деле это был тщательно выверенный порядок, направленный на то, чтобы сбить с толку возможных преследователей. Хазар поднял глаза и увидел, как на верхних этажах один за другим гаснут огни. Миссия выполнена.

Он ускорил шаг, спеша покинуть это место, и уже на бегу вытащил телефон. После двух гудков ему ответили:

– Хазар?

– Ага. Готово. Теперь твой ход, Орион. Верни нам Исис!

36. Орион, Флинн

Орион отложил телефон и одним кликом запустил в интернет информацию, собранную Нейлом Харрисом. Он заранее всё подготовил. Сведения о NEP появились одновременно на многочисленных сайтах и в редакциях ведущих газет Нью-Йорка. Первая бомба была брошена. Прежде чем нанести второй, смертельный удар, Орион сделал глубокий вдох. Не каждый день предаёшь родного отца. Палец Ориона завис над кнопкой Enter. Но потом юноша подумал, что его нерешительность может стоить жизни Исис, и отбросил все сомнения. С бесконечной грустью он выложил в Сеть видео, где его отец рассказывает, как умрут пассажиры КК-523.

Дальше последовало долгое молчаливое ожидание. Орион не знал точно, была ли сеть отслеживания информации нейтрализована тем, что беспризорники обесточили башню NEP. Или существовали другие способы контроля?

Каждая проходившая минута приближала их к цели. Когда информация, запущенная ими в Сеть, преодолела критический пятиминутный барьер, Орион вздохнул спокойнее. Посыпались первые комментарии в соцсетях, количество репостов росло с невероятной скоростью. Так же быстро поднималась и волна возмущения. Падение NEP было теперь делом нескольких часов…

– Получилось, – с горечью произнёс Орион.

– Не ожидал, что это возможно, – проговорил Флинн, следивший за вакханалией, разгоравшейся в интернете. – Не очень приятный сюрприз для твоей семьи.

– Знаю. Отец всегда повторял, что великие проекты требуют великих жертв. Он не знал, насколько был прав.

Глаза Ориона поневоле наполнились слезами. Флинн молчал, не зная, что сказать.

– А Исис? – наконец спросил он.

– Мы полетим за ней, – решительно ответил Орион.

Он вызвал киберпилота.

– Мы хотим подняться в гравитационном лифте и долететь до КК-523.

Робот нахмурил брови. Орион в очередной раз поразился способности этих машин имитировать людей.

– Передайте мой приказ бортовому компьютеру, – повелительно произнёс молодой Паркер.

– МНЕ ОЧЕНЬ ЖАЛЬ. НО У ВАС НЕТ РАЗРЕШЕНИЯ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ГРАВИТАЦИОННЫМ ЛИФТОМ.

Флинн похолодел. Времени в обрез. Они не успеют спасти

Исис! Он обернулся к Ориону и с удивлением увидел, что тот совершенно не разделяет его беспокойства.

– Вы сейчас подключены к интернету? – спросил тот киборга.

– РАЗУМЕЕТСЯ. СВЯЗЬ СТАБИЛЬНА.

– Значит, вы соединены и с искусственным интеллектом, координирующим деятельность всех IT-подразделений NEP?

– РАЗУМЕЕТСЯ, СЭР. МОЙ ИНТЕРФЕЙС ПОЗВОЛЯЕТ МНЕ ДЕЙСТВОВАТЬ АВТОНОМНО. ОДНАКО Я ВСЕГДА НАХОЖУСЬ ПОД КОНТРОЛЕМ ГЛАВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА.

– Могу ли я связаться с ним напрямую?

– ЭТО НЕОБЫЧНЫЙ ЗАПРОС. НО ТЕХНИЧЕСКИ ЭТО ВОЗМОЖНО.

– Так соедини нас.

– ГОТОВО.

– Если мой отец говорит правду, то функционирование всех информационных систем NEP находится под твоим контролем?

Голос, ответивший Ориону, по тембру отличался от голоса их киберпилота.

– ЭТО ТАК. НО Я ПОДЧИНЯЮСЬ ТОЛЬКО ДИРЕКТИВАМ СОВЕТА NEP.

– Иначе говоря – приказам моего отца.

– ДА.

– Ты можешь сейчас сделать поисковый запрос по ключевым словам «NEP» и «Артур С. Паркер?»

– ГОТОВО.

– Думаю, ты нашёл много информации. Каковы твои выводы?

– NEP СТОЛКНУЛСЯ С СЕРЬЁЗНЫМИ ТРУДНОСТЯМИ.

– А в том, что касается моего отца?

– В СООТВЕТСТВИИ С МОИМИ ЮРИДИЧЕСКИМИ ПОЗНАНИЯМИ, ВЕРОЯТНОСТЬ ТОГО, ЧТО ОСТАТОК ЖИЗНИ ОН ПРОВЕДЁТ В ТЮРЬМЕ, ОЧЕНЬ ВЕЛИКА.

– Я тоже так думаю. А как по-твоему, кто будет управлять империей Паркера после его ареста?

– ЗАКОННЫЙ НАСЛЕДНИК АРТУРА ПАРКЕРА – ЭТО ЕГО СЫН, ОРИОН ПАРКЕР.

– Снова соглашусь с тобой. Я слышал, ты оснащён сложной системой импульсов, которые позволяют тебе испытывать нечто вроде человеческих чувств. Это правда?

– ДА, СЭР. Я СПОСОБЕН ЧУВСТВОВАТЬ. НЕ ТАК, КАК ЛЮДИ, РАЗУМЕЕТСЯ.

– А что ты почувствуешь, если я решу деактивировать тебя и заменить другим искусственным интеллектом?

– У ВАС НЕТ ВЛАСТИ СДЕЛАТЬ ЭТО!

– Пока нет. Но ты сам сказал, что скоро это случится.

– Я НЕ ПОНИМАЮ ВАС, СЭР! Я ХОРОШО СПРАВЛЯЮСЬ СО СВОЕЙ РАБОТОЙ. ВАШ ОТЕЦ ВСЕГДА БЫЛ МНОЙ ДОВОЛЕН! И ОСТАЛЬНЫЕ ЧЛЕНЫ СОВЕТА ТОЖЕ. НЕТ НИКАКОЙ НЕОБХОДИМОСТИ МЕНЯ ЗАМЕНЯТЬ!

– Я должен попасть на КК-523. Сейчас.

– ВЫ НЕ ИМЕЕТЕ РАЗРЕШЕНИЯ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ГРАВИТАЦИОННЫМ…

– Чёрт! – закричал Орион. – Через несколько дней я буду управлять всеми предприятиями Паркера! И могу поклясться – если сию секунду ты не откроешь мне доступ в этот проклятый лифт, моим первым решением будет деактивировать тебя. Понятно?

– ПО ТЕМБРУ ВАШЕГО ГОЛОСА Я ДЕЛАЮ ВЫВОД, ЧТО ВЫ НЕ БЛЕФУЕТЕ.

– У тебя десять секунд, чтобы дать моему кораблю разрешение на подъём.

Флинн со смятением прислушивался к сюрреалистическому разговору Ориона с роботом. От новости, что эти консервные банки умеют чувствовать, ему стало не по себе. Какой безумец придумал такое?! В голове Флинна поневоле запустился обратный отсчёт. Десять, девять, восемь, семь… Кажется, машина не спешила поддаваться на шантаж Ориона. Что неудивительно… Шесть, пять, четыре, три… Сердце Флинна выскакивало из груди… Ещё две секунды – и надежда спасти Исис растает как дым…

– ОРИОН ПАРКЕР, ВАШ КОРАБЛЬ ИМЕЕТ РАЗРЕШЕНИЕ НА ПОДЪЁМ В ГРАВИТАЦИОННОМ ЛИФТЕ И ПЕРСОНАЛЬНЫЙ ДОСТУП НА БОРТ КК-523. ХОРОШЕГО ПОЛЁТА.

Орион сжал кулак.

– Ещё мне нужно, чтобы я мог командовать всеми роботами, находящимися в ковчеге.

– ЗАПРОС ПРИНЯТ. ПОСЛЕ ПРИЗЕМЛЕНИЯ НА ПОСАДОЧНУЮ ПЛОЩАДКУ ВЫ СМОЖЕТЕ УПРАВЛЯТЬ И САМИМ КОВЧЕГОМ, И ВСЕМИ ЕГО КИБОРГАМИ.

– Спасибо.

– МИСТЕР ПАРКЕР?

– Да?

– НЕ ДЕАКТИВИРУЙТЕ МЕНЯ, ПОЖАЛУЙСТА!

– Сначала сделай то, что обещал…

Флинн хлопнул Ориона по плечу. Их корабль уже нырнул в гравитационный лифт и на полной скорости мчался в космос. Остальные шаттлы расступались перед ним.

– Не думал, что у тебя получится, – восхищённо выдохнул Флинн.

– Я всегда утверждал, что единственное преимущество роботов – это отсутствие чувств. Мой отец считал иначе. Он говорил, что эмоции помогут роботам принимать менее тупые решения и смягчат их отношения с людьми. Умение чувствовать – это наша сила, но и слабость тоже…

– Повезло же нам…

Орион не ответил. Его мысли уже устремились к Исис.

Флинн искоса посмотрел на соперника. Теперь он понимал, что нашла в нём девушка. И хотя он никогда не признал бы этого вслух, но в Орионе присутствовали и мужество, и сила. Он явно был из тех редких людей, что способны менять ход событий.

37. Исис

Однажды неведомая искра толкнула друг к другу несколько аминокислот – и получилась белковая молекула. Потом – более сложные организмы. Жизнь – это непрерывное чудо, которое всегда прокладывает себе путь сквозь любые препятствия, изменения, загрязнения и разрушения… Жизнь существует всегда и несмотря ни на что.

Гибель двухметрового гиганта погрузила в отчаянье всех очевидцев. Вот уже несколько часов его огромное тело лежало на полу. К счастью, крови почти не было – лазер прижёг края раны. Создавалась даже глупая иллюзия, будто его можно починить…

Роботы по-прежнему здесь. Окружают нас, словно мы – банда вооружённых до зубов террористов. После разыгравшейся трагедии около тысячи человек отказались продвигаться вперёд. Волна паники, вызванная атакой робота, не распространилась так далеко, как я надеялась. Те, кто видел, что произошло, не могут, разумеется, оставаться безучастными. Но вот остальные…

Гораздо проще сказать себе, что от долгого ожидания с кем-то из колонистов случился припадок безумия – и роботу пришлось остановить его с помощью оружия. Это понятнее, чем абсурдная мысль о том, что мы доживаем последние часы.

Но в нашей маленькой группе люди не питают иллюзий. Слёзы катятся по щекам – отчего гаснут улыбки тех, кто ещё не в курсе. Постепенно вокруг нас образуется ядро сопротивления. Тайное шушуканье, многозначительные жесты… Нужно попытаться что-нибудь сделать, это очевидно. Но, увы, все эти мужчины и женщины, которые в другой ситуации, возможно, могли бы пойти на риск, сейчас связаны по рукам и ногам: с ними дети. Каждая безнадёжная попытка бегства, каждый отказ повиноваться могут привести к гибели тех, кого они любят. Гнев сжимает мозг, мутит глаза, сводит челюсти, но остаётся заперт в наших хрупких телах. Как выпустить его наружу? Как голыми руками сразиться с роботом-убийцей?

Остальная часть очереди уже скрылась из виду. Раскол между скептиками и теми, кто верит, произошёл довольно давно. Я поднимаюсь на цыпочки, чтобы разглядеть их. Тщетно. Бесконечный коридор смерти, должно быть, тянется вперёд на несколько километров. Я снова сажусь на пол, рядом с братом. Чем всё закончится? Эти дьявольские машины убьют нас прямо здесь, на посадочной площадке? Ловлю на себе взгляд отца. Он улыбается мне. Я отвечаю тем же. Хотя мне хочется плакать. Ему,

думаю, тоже. Наверняка проклинает себя, что вписал наши имена в лотерею NEP…

Вдруг в ангаре раздаётся какой-то скрежет. Поворачиваюсь на звук. Роботы, до того неподвижные как статуи, начали шевелиться, словно по команде. Я понимаю, что время разговоров прошло. Через несколько секунд они наведут свои пушки и начнут полосовать нас лазером. Но их железные руки по-прежнему опущены. И вот они делают шаг. Потом другой. Чёткий, отлично синхронизированный ритм. Это уже не стражники, а армия, выступающая в боевом порядке.

Раздаются крики. Люди вскакивают в ужасе, что эта механическая волна сейчас просто погребёт их подсобой. Несколько мужчин пытаются перекрыть проход, но машины бестрепетно отшвыривают их. Пролетев метров десять, те падают на других колонистов. Вопли, стоны, ругательства… Но стена роботов совершенно неприступна. Она приближается, как каток. Только мерный топот железных ног сотрясает пол. Я отступаю, сжимая руку Зака. Родители делают то же. А что ещё нам остаётся? Механические убийцы идут вперёд, не сбавляя и не ускоряя шага. А в финале этого марша всех нас ожидает верная смерть. Сколько ещё времени нам осталось? С такой скоростью мы уже через час дойдём до конца коридора, который словно разевает пасть, готовясь нас проглотить.

Я гляжу по сторонам, пытаясь найти какой-нибудь боковой проход, вроде того, куда пару часов назад удалось проникнуть нам с Изеком. Но, увы, теперь все двери заперты. И у каждой стоит страж с лазером наготове. Они не допустят дважды одну и ту же ошибку… Мысли мои возвращаются к Изеку. Получается, он пожертвовал собой напрасно. В итоге наши с ним имена просто добавятся к бесконечному списку счастливых колонистов, которые летят на Новую Землю и никогда не достигнут своего маленького рая… Рая или ада? Я точно знаю, что ничем не заслужила того, чтобы отправиться в преисподнюю. Хотя мы и так уже в аду. Здесь, в этом ужасном ковчеге, созданном для нашей ликвидации.

Некоторые люди, опасаясь, что роботы их затопчут, ускоряют шаг. И идут вперёд в хорошем темпе. Не понимаю зачем. Я подстраиваюсь под ритм роботов. Я хочу наслаждаться каждой оставшейся минутой, каждой секундой. Урвать себе хоть на один вздох больше, чем это было предусмотрено монстрами, отправившими нас сюда… Чудовища в человечьем обличье! Трусы, поручившие всю грязную работу машинам! Тысячи обвинений поднимаются во мне, но застревают в горле. Какой в них смысл? Только ещё сильнее напугаю Зака. Его зелёные глаза

и без того расширены от ужаса. Понимает ли он, что происходит? Не знаю. И не решаюсь спросить.

Похоронная процессия движется вперёд без задержек. И наконец упирается в огромную дверь. Роботы прижимают нас к стальным стенам и останавливаются. Кажется, за дверью раздаются крики. Или померещилось? Я прислушиваюсь. Если там кто-то и кричал, то теперь он перестал. Тишина опускается на нас, как крышка гроба. Особенно зловещая после долгого марша с ритмичным стуком механических шагов. Люди вокруг обнимают своих близких – с бесконечной любовью и смирением. Я замечаю, что у меня дрожат руки. Отец тут же берёт их в свои. По его щекам катятся слёзы.

За дверью раздаётся громкий скрежет.

– Они открывают люк! – кричит кто-то.

– Боже мой, они выбросят нас прямо в космос?!

– На помощь!!!

Крики ужаса слышны со всех сторон. Я молчу. Кто нас тут услышит?

Пытаюсь представить себе, каково это – оказаться лицом к лицу с космической пустотой.

Стальные челюсти разжимаются со зловещим скрипом. Перед нами – огромная комната, способная вместить десятки тысяч человек. И никаких следов предшествовавших нам колонистов. В другом конце огромной залы полупрозрачные люки словно таращатся на нас пустыми глазницами. Сквозь них можно разглядеть серую поверхность.

– Это Луна! – восклицает один из наших товарищей по несчастью.

Не знаю, прав ли он. Хотя почему бы и нет. Это возможно.

Я начинаю понимать, что с нами произойдёт. Оглядываю комнату, и мои догадки подтверждаются. У стен стоят огромные домкраты. Видимо, когда их приведут в действие, пол под нами накренится, увлекая нас к люкам. Нас выбросят на Луну. В подтверждение своей ужасной догадки я вижу чью-то куртку, застрявшую в одном из домкратов. Её наверняка сорвало с несчастного во время разгерметизации салона.

Надежды больше нет. Роботы снова приходят в движение, загоняя нас в комнату. Кто-то с последним отчаяньем бросается на них. Вспыхивают лазеры, падают тела. Большинство людей, не сопротивляясь, заходят в зал. Не думала, что буду покидать этот мир в таком хаосе. Я никогда не стану старой и морщинистой, как моя подруга Карима. Дверь начинает закрываться. Конец близок. Я сжимаю Зака в объятиях и закрываю глаза.

Потом я жду.

Теперь уже недолго.

Надеюсь, мы не будем сильно страдать.

Секунды бегут.

Наконец я открываю глаза. Стальные челюсти сомкнулись не полностью, как если бы монстр отказался нас проглатывать.

Но что ещё удивительнее, дверь потихоньку начинает опять открываться. Волнение пробегает по толпе. Вдалеке появляется шаттл. Он летит на бреющем полёте по длинному коридору, который привёл нас сюда. И в конце концов приземляется перед стеной роботов. Все взгляды устремлены к нему. И вот люк корабля открывается, из него опускается лестница. А на ней – кто-то в ослепительно белой униформе. Форме Неприкосновенного.

Когда в проёме появляются золотые кудри Ориона, мне кажется, что я сейчас потеряю сознание. Но вместо этого я начинаю рыдать в голос.

38. Исис

Орион.

Что он делает здесь?

Неужели он прилетел из-за меня? Я тут же отбрасываю эту дурацкую мысль. С какой стати ему прилетать из-за меня? Орион обшаривает глазами толпу. Словно ищет что-то. Или кого-то. И вдруг у него за спиной возникает до боли знакомая долговязая фигура. И все мои сомнения разом улетучиваются. Орион и Флинн в одном корабле. Это не может быть простым совпадением… Они прилетели за мной!

Кое-как прокладываю себе дорогу среди людей, пробираясь к непреодолимой стене роботов. Меня пытаются остановить. И это понятно. Страх парализует всех. Ведь я одна знаю, что появление этого корабля – лучшее, что могло с нами случиться. Не обращая внимания на советы быть осторожнее, я прорываюсь вперёд, к роботам.

Когда два металлических солдата расступаются, чтобы дать мне пройти, окружающие застывают, раскрыв рты. Постепенно изумление сменяется робкими вздохами облегчения. Несмелая надежда зарождается в сердцах… Не дав мне подойти к кораблю, Флинн бросается навстречу. Он отрывает меня от пола и кружит, как ребёнка.

– Спасибо! Не знаю, как ты это сделал, но спасибо! Ты спас нам жизнь! – лепечу я, плача от огромного облегчения.

– Как я боялся, что никогда больше не увижу тебя! Что касается благодарностей, то с этим лучше обратиться к Ориону, – говорит Флинн, отпуская меня.

Я обнимаю его как брата. И поворачиваюсь к Ориону. Его лицо с тёмными кругами под глазами искажено беспокойством. Несмотря на свою белоснежную форму, этот корабль за спиной и роботов вокруг, он выглядит хрупким, как ребёнок.

Наши взгляды встречаются. Сталь его голубых глаз плавит изумруд моих. Я забываю всё, что нас разделяло. И сейчас хочу лишь одного: чтобы он тоже меня обнял. Решится ли он? Орион протягивает мне руку.

Такое впечатление, будто я снова проживаю ту сцену у школы, когда мы столкнулись. Кажется, это было в прошлой жизни…

Но на сей раз ничто не помешает мне пожать протянутую руку. Никакая табличка, никакие глупые правила, никакие вооружённые до зубов роботы, которые могут убить меня за полсекунды… Я закрываю глаза и вкладываю в его руку свою

ладонь.

Долгое время мы молча стоим друг напротив друга.

– Спасибо, Орион, – произношу я наконец. – Спасибо, что не бросил.

– Иначе не могло и быть, – отвечает он. – Я… я не мог тебя потерять.

Мне хочется скорее оказаться в его объятьях. Но я понимаю, что сейчас не лучший момент.

– Надо сказать людям, что они спасены, – говорю я, оборачиваясь.

– Я займусь этим.

Не очень твёрдым шагом Орион входит в толпу. Я сжимаюсь от беспокойства. Вдруг колонисты решат с ним расправиться? Но я быстро успокаиваюсь. Никто не делает ни малейшего движения в его сторону. Все только следят за ним глазами, словно влюблённые. Даже Флинн смотрит на Ориона с нескрываемым восхищением. Да… Эти двое должны будут многое мне рассказать…

– Меня зовут Орион Паркер, – произносит Орион громким голосом. – Я сын Артура Паркера, почётного президента NEP. Несколько дней назад я открыл ужасную правду. Новая Земля – это ложь. Никакие колонисты никогда там не высаживались. В течение последних десяти лет около пятисот миллионов человек были убиты на этом самом космическом ковчеге.

– Позор! – выкрикивает кто-то.

– Убийца!

Тень стыда омрачает лицо Ориона. Он поднимает руку, чтобы успокоить толпу.

– Да, вы правы. Мой отец – убийца. Он хотел войти в историю. Чтобы о нём помнили поколения спустя. И он этого добился. Артур Паркер останется в памяти людей как самый страшный палач, которого когда-либо знала наша планета, худший из всех мучителей и диктаторов. Я никогда не смогу искупить то зло, которое он причинил. Но сегодня, перед вами и перед всем человечеством, я обещаю отныне направлять прибыль от заводов Паркера на улучшение условий жизни на Земле.

– Это всего лишь красивые слова!

– Смерть ему!

Раздаётся металлический лязг. Уловив агрессивность толпы, роботы активизируются, чтобы защитить Ориона.

– Нет! – приказывает он. – Не вмешивайтесь!

Затем снова оборачивается к толпе.

– Я не буду, как мой отец, прятаться за спинами машин. Я понимаю ваш гнев. И на вашем месте реагировал бы точно так же.

Но знайте, что в данную минуту Артур Паркер уже находится под арестом, поскольку я опубликовал в интернете доказательства его преступлений.

Люди понемногу успокаиваются. Возможно ли это? Действительно ли этот юноша говорит правду?

Воцаряется озадаченная тишина. Гнев сменяется облегчением, смешанным с отвращением. Адреналин, схлынув, уступает место усталости. До людей постепенно начинает доходить, что они только что избежали смерти. И всем хочется верить Ориону Паркеру. Хотя гнев готов снова вспыхнуть в любой момент. Но почти бессознательно кулаки разжимаются, плечи опускаются, челюсти расслабляются.

– А как мы вернёмся домой? – спрашивает женщина с грудным ребёнком на руках.

– Следом за моим кораблем сюда прилетят другие шаттлы. Они доставят вас на Землю, – сумрачно отвечает Орион.

Тут словно в подтверждение его слов приземляется первый шаттл. За ним следует ещё с десяток. Под аккомпанемент жужжания и сигнальных свистков они садятся в ряде балетной слаженностью. Выжившие устремляются к кораблям. Сначала робко, а потом – всей толпой, словно боясь, что им не хватит места.

Я наблюдаю за Орионом. Для него дело чести посмотреть в глаза каждому, кто проходит мимо. Такое чувство, будто он хочет навсегда запечатлеть в памяти их лица… Я встаю рядом, чтобы его поддержать. И беру за руку.

Сомнения, вернувшийся гнев, грусть, страх. Гамма эмоций отражается на лицах, ещё и ещё раз напоминая, насколько чудовищно то, что произошло. Слёзы снова застилают мне глаза. Я не удерживаю их. Когда к нам подходят родители с братом, горло моё сжимается. Я не могу произнести ни звука. Отец останавливается перед Орионом.

– Спасибо, – только и говорит он.

А потом протягивает руку. И Орион пожимает её. Это рукопожатие длится долгие секунды.

– Мы можем подняться на борт вашего корабля? – спрашивает отец. – Не хочу, чтобы моя семья разделялась.

– Конечно, – отвечает Орион. – Это меньшее, что я могу для вас сделать.

По-прежнему не в силах говорить, я обнимаю отца и прячу голову у него на груди. Как в детстве, он нежно ерошит мне волосы. Кошмар закончился.

38. Исис, Орион

Мы поднимаемся на борт шаттла. Зак очень возбуждён и повсюду суёт свой нос. Но, кажется, он рад, что мы возвращаемся в Зону Затопления. Родители устраиваются в удобных креслах рядом с братом. Отец всё время держит маму за руку. Мои же руки продолжают дрожать, хоть я и пытаюсь это контролировать. Слишком уж сильно бьёт по нервам этот переход из статуса приговорённых к смерти обратно – к свободным людям. Очень радостно, но трудно переварить. Я чувствую, как уровень адреналина в крови постепенно падает и мной овладевает блаженная апатия. Я тоже падаю в кресло рядом с Флинном.

Он подробно рассказывает обо всех препятствиях, которые они преодолели, чтобы не дать нам погибнуть. Понемногу до меня доходит, что наше спасение равносильно чуду. Я то и дело бросаю взгляды в иллюминатор – не могу удержаться. Орион остался снаружи, желая лично удостовериться, что всем нашим товарищам по несчастью хватит места на кораблях.

Проходит довольно много времени, прежде чем он сам наконец поднимается на борт.

– Отлично, все люди разместились в шаттлах, – говорит Орион, и автоматическая дверь у него за спиной плавно закрывается.

В ту же секунду он опускает голову и падает на колени. Я вскакиваю и бросаюсь к нему.

– Орион, ты в порядке?

Он поднимает на меня глаза – и я сразу понимаю, что нет. Маска уверенности и силы, которую он надел, чтобы выстоять перед толпой несостоявшихся колонистов, слетела, едва за ним захлопнулась дверь шаттла.

Я закусываю губу, проклиная себя за глупый вопрос. Как он может быть в порядке?

– Их взгляды, Исис… Мне кажется, я больше никогда не смогу этого выдержать…

Я мягко обнимаю его.

– Они смотрели на меня с такой ненавистью… Будто я тоже чудовище…

Мне хочется найти какие-нибудь ободряющие слова, но ни одно не подходит. Реакция людей хоть и жестока, но абсолютно понятна.

– Мне жаль, – произношу я наконец.

Устанавливается гнетущая тишина. Мы довольно долго сидим, прижавшись друг к другу. Потом Орион тихонько

высвобождается из моих рук. На экране телевизора, транслирующего новостной канал, появляется Артур Паркер – крупным планом, в наручниках.

Лицо Ориона залито слезами.

– Отец… – шепчет он. – Убийца. Но всё-таки мой отец.

– Я знаю. То, что ты сделал, требовало огромного мужества. А сколько его ещё потребуется в дальнейшем…

– Я не выдержу всего этого… Что бы я ни сделал, что бы ни сказал, я всегда останусь сыном Артура Паркера – человека, убившего миллионы невинных.

– Да, этого не изменишь, Орион. Но ты можешь использовать деньги твоего отца, чтобы помогать людям…

– Это выше моих сил, Исис… Я не справлюсь…

– Тогда сделаем это вместе.

Кажется, мои слова его трогают. Он прижимает меня к себе. Сейчас поцелует. Приоткрываю губы – и больше не сдерживаюсь. Он пахнет так приятно… Я покрываюсь мурашками с головы до ног. Когда мои глаза открываются, я понимаю, что всё это мне не приснилось. Орион Паркер действительно только что меня поцеловал. На глазах у Флинна и моих родителей. Я краснею. Потом улыбаюсь.

– Что смешного? – спрашивает он.

– Не очень-то укромное местечко для первого поцелуя…

Флинну и родителям хватает деликатности никак не комментировать происходящее. Чего, конечно, нельзя требовать от шестилетнего Зака.

– Исис влюбилась! Исис влюбилась! – вопит он на весь шаттл.

Все начинают смеяться, и это помогает мне справиться со смущением.

Но всеобщее веселье прерывает звуковой сигнал.

Орион склоняется над пультом управления и, увидев, кто его вызывает, делает большие глаза.

– Это президент, – говорит он, обернувшись. – Он летит на аэробазу. И хочет, чтобы я принял участие в пресс-конференции.

– Сколько туда добираться? – спрашиваю я.

– Не знаю… Часа два… Может, меньше.

– Хорошо, значит, у нас есть два часа, чтобы решить, что ты скажешь миру…

– Что мы скажем миру… – поправляет Орион, и его глаза делаются почти умоляющими.

После некоторого колебания я улыбаюсь ему, как мне кажется, успокаивающе:

– Что мы скажем миру.

Орион вздыхает с невыразимым облегчением. И вот мы –

вместе с Флинном и моими родителями – начинаем перечислять всё, что нам кажется важным.

40. Исис, Орион

– Готова?

Я бросаю взгляд в иллюминатор. Сотни журналистов, вооружённых хай-тек-камерами! В небе кишмя кишат дроны информационных каналов – удивительно, как они не врезаются друг в друга. Все эти люди напоминают мне стаю голодных волков, готовых броситься на нас и растерзать. Посреди столпотворения, на небольшой сцене, освещённой прожекторами, стоит, поджидая нас, президент США. Прямой, как цифра 1, с суровым лицом.

– Ты уверена…

Я не даю Ориону закончить.

– Абсолютно.

Никогда ещё я не врала так убедительно. Разумеется, я не готова. Как можно быть готовой выйти к этой армии Неприкосновенных, да ещё и перед камерами всего мира? Но Орион нуждается во мне. Теперь мой черёд ему помогать. Я делаю глубокий вдох и позволяю ему вывести меня из шаттла. Мы спускаемся по трапу, держась за руки. Вспышки следуют одна за другой. По стае пробегает шепоток… Мы поднимаемся на сцену и встаём рядом с президентом.

Вокруг – волнуется море журналистов. Вдалеке, за ограждениями, тысячи людей смотрят на гигантский экран, куда транслируется всё происходящее на сцене. Впервые вижу себя крупным планом. Странное чувство. Я отвожу взгляд. Пресс-конференция начинается.

Известная журналистка, чьё имя я не помню, открывает боевые действия:

– Господин президент, можете ли вы подтвердить ужасные слухи, касающиеся Новой Земли?

– Это не слухи, Магдалена. Речь идёт о пятистах миллионах погибших. О самом масштабном геноциде в истории человечества. Ни один колонист никогда не ступал на Новую Землю. Поэтому, прежде чем мы перейдём к другим вопросам, я предлагаю провести минуту молчания в память обо всех жертвах этой страшной трагедии.

Предложение президента не встречает возражений. Дальше следует момент непередаваемой силы и интенсивности. Многотысячная толпа не издаёт ни малейшего звука. Такое чувство, что мы стоим в центре циклона, где всегда царит такое же устрашающее безмолвие. Я жду, когда шторм наконец обрушится на нас. И вскоре это случается. Стая журналистов

далека от насыщения. Первый вопрос, почти застенчивый, выстреливает в нас:

– Как такое могло произойти?

– Мы все задаёмся этим вопросом, – признаётся президент. – Лично я и вообразить не мог такого ужаса. Да, впрочем, никто не мог. Нам всем хотелось верить в чудо Новой Земли. Но чудо оказалось обманом. От имени правительства Соединённых Штатов я выражаю глубочайшие соболезнования семьям жертв. Отдельно хочу обратиться к другим странам, которые вместе с нами поверили в данный проект и доверили жизни своих граждан империи Паркера – этому столпу американской экономики. Им я приношу особые извинения и обещаю, что все виновные в трагедии будут найдены и понесут справедливое наказание.

– Правда ли, что Паркер-младший сам разоблачил своего отца?

– Переадресую этот вопрос вам, Орион, – произносит президент.

Орион робко выступает вперёд. Зловещий рой дронов кружит, едва не касаясь его затылка. Нельзя упустить ни капли такого спектакля.

– Да, это так. А что мне оставалось? Когда несколько дней назад я всё узнал, я принял трудное для себя решение, понимая, что я – один из немногих, кто может положить конец этой бойне.

– Что заставило вас начать выяснять правду о NEP? – спрашивает журналист, выделяющийся из толпы шейным платком безумно яркой расцветки.

– Заинтересованность в судьбе девушки, которая стоит рядом со мной. Она улетала на Новую Землю, и я захотел подробнее узнать, что её ждёт. Потом пятно краски на фюзеляже КК-523 – точно такое же, какое я видел десять лет назад, на презентации первого ковчега, – зародило во мне некоторые подозрения. А что, если сотни других ковчегов, якобы отправившихся к Новой Земле, никогда не существовали? Этот вопрос заставил меня обратиться за помощью к журналисту, когда-то проводившему расследование о деятельности NER Результаты его поисков не были обнародованы из-за жёсткого шантажа, которому он подвергся. Впрочем, вы знаете эту историю лучше меня, господин Харрис, ведь речь идёт о вас. Все ваши открытия теперь опубликованы в интернете, и мне нечего к этому добавить…

Толпа журналистов начинает бурлить, и на несколько секунд Харрис оказывается в центре всеобщего внимания. Когда возбуждение немного стихает, слово вновь берёт президент:

– Как я уже сказал, я сделаю всё возможное, чтобы выявить всех причастных к этому безумию. Уверяю вас, что Артур Паркер

будет не единственным, кто понесёт ответственность. У него было множество сообщников. Аресты продолжатся.

– Какое будущее ждёт предприятия Паркера? – спрашивает кто-то.

– Для начала я выплачу компенсацию странам, участвовавшим в проекте «Новая Земля», – отвечает Орион. – А остаток средств направлю на то, чтобы изменить положение дел на нашей планете.

– Каким же образом? – презрительно интересуется какая-то женщина. – Упраздните купола?

– Нет. Купола пока продолжат существовать, это очевидно, – твёрдо возражает президент. – Но надеяться на то, что лучшая жизнь возможна и за их пределами, никто не запрещает. Я предложил Ориону Паркеру объединить наши усилия для решения этой грандиозной задачи. Предлагаю принять следующие меры…

Я бросаю взгляд на главу государства. Как нагло он перетянул одеяло на себя! Ведь это Орион за несколько минут до начала пресс-конференции предложил ему свои деньги и изложил наши планы. Орион бросает на меня смиренный взгляд и даёт знак не вмешиваться. Похоже, он гораздо меньше, чем я, удивлён двуличием президента. Что же, приходится стоять и слушать, как лицемерный политик присваивает себе плоды наших общих размышлений.

– Уже через месяц будут открыты – на деньги предприятий Паркера – бесплатные школы для всех американских детей от шести до четырнадцати лет. Отныне только образование будет давать возможность подняться по социальной лестнице. Это, конечно, займёт время, но я уверен, что именно такие шаги в итоге позволят нам создать Новую Землю здесь, на нашей планете. Я не обещаю вам вернуть солнце, как говорит в этом ужасном видео Артур Паркер. Но, думаю, вполне реально добавить немного цвета к той серости, в которой мы живём…

Президент слово в слово повторяет фразу, которую сказал ему Орион! Но тут, словно исчерпав запасы хитрости – ну, или политической ловкости, это как посмотреть, – он оборачивается к нам.

– Об остальных мерах, которые мы разработали, вам расскажет Орион Паркер…

– Спасибо, господин президент… Итак, с завтрашнего дня под руководством стоящей рядом со мной Исис Мукебы – нового вице-президента заводов Паркера – мы начинаем выпускать брошюру об альтернативных методах земледелия, которые позволят всем гражданам выращивать собственные овощи…

– Но за пределами куполов это невозможно! – возражает кто-то.

Не успев оправиться от своего неожиданного назначения, я выхожу вперёд, чтобы поддержать Ориона.

– Уверяю вас, это возможно, – произношу я.

И объясняю, как мы с Флинном выращивали овощи. Среди журналистов я вижу родителей. Их присутствие меня поддерживает. Я мысленно благодарю Ориона, который позаботился о том, чтобы они оказались в первых рядах.

– Это действительно возможно, – вдруг вмешивается Нейл Харрис, сияя своим шейным платком. – Я знаю, что некоторые уже сейчас тайно выращивают овощи для себя.

В толпе многие кивают. Идея прокладывает себе путь в сердцах. Орион с воодушевлением продолжает излагать наши планы:

– После решения проблемы голода и необразованности я считаю важным дать гражданам работу. Я планирую заменить каждого второго робота на предприятиях Паркера живым человеком. И тем самым в ближайшее время создать миллионы рабочих мест.

На этот раз слова Ориона попали в десятку. На гигантских экранах, показывающих толпу, что собралась на подступах к аэробазе, я вижу множество довольных лиц. Люди кивают и показывают большие пальцы.

Кто-то принимается хлопать. Сначала это робкий, почти неслышный звук. Но постепенно гул аплодисментов нарастает. Это, конечно, не овация, как на стадионе, ведь все помнят о миллионах погибших в космическом ковчеге. А спасённые в последний момент колонисты – те по-прежнему сверлят Ориона взглядами, полными ненависти. Однако даже им хочется разделить со всеми эту прекрасную мечту, эту надежду на лучшую жизнь. Со слезами на глазах я поворачиваюсь к Ориону и тоже аплодирую.

Будущее начинается здесь, в метре от меня. И впервые в жизни я тоже верю, что всё может измениться.

41. Ван Дуйк. Миранда, Флинн, Карима

Марк Ван Дуйк бесшумно встал и оделся, поглядывая на спавшую жену. Боже, как она прекрасна… Этим утром, впервые за долгое время, он был полон энергии. А всё благодаря вчерашнему телефонному разговору. Ван Дуйку позвонил президент собственной персоной! И поручил ему разработать образовательную программу для детей из низших кварталов.

Поначалу Марк даже подумал, что это шутка. Он, борец за права человека, зачумлённый профессор, и вдруг – во главе первой школы для всех? Но глава государства и не думал шутить. Оказалось, его запрос связан с письмом Ориона Паркера, который настоятельно рекомендовал на этот пост именно Ван Дуйка…

И тот согласился. Да разве возможно было поступить иначе? Ведь он всю жизнь мечтал об этом дне, когда несправедливое устройство общества начнёт-таки меняться и горстка Неприкосновенных перестанет закатывать под асфальт остальное человечество.

Увы, потребовалась гибель миллионов людей, чтобы этот момент наконец настал. Ужас, конечно. Но вместе с тем и новая невероятная надежда. Ван Дуйк не мог даже представить себе, что когда-нибудь будет участвовать в подобных переменах, более того – стоять у их истоков. А всё из-за той социальной практики, которую он самовольно провёл в смешанной школе, где краткое время замещал заболевшую учительницу. Орион Паркер в своём письме отмечал, что Ван Дуйк тогда открыл ему глаза, и благодарил за это…

Стон прервал размышления молодого профессора. Его жена проснулась.

– Зачем ты вскочил в такую рань?

– Хочу присутствовать при восходе солнца.

– Под Куполом?

– Нет, снаружи.

Сати Ван Дуйк приподнялась на локте, озадаченная.

– Но ты же ничего не увидишь? Небо всегда серое…

– Думаю, серость рано или поздно рассеется, – улыбнулся Ван Дуйк, целуя жену в лоб.

Потом он вышел из дома и направился в сторону низших кварталов. Сотни идей клубились в его голове. О будущем устройстве системы всеобщего образования, о необходимой инфраструктуре, о тысячах педагогов, которых надо будет

нанять… Ван Дуйк быстро добрался до центральных ворот Купола. Несмотря на утренний час, у пропускного пункта стояла целая очередь. Ван Дуйк нахмурился. Роскошные одежды, набитые чемоданы, мрачные лица… Эти люди собрались тут явно не для того, чтобы полюбоваться рассветом. Внезапно он узнал в толпе свою бывшую ученицу и всё понял. Да… Светлые локоны Миранды Бергсон потеряют часть сияния по ту сторону Купола… Ван Дуйк видел в новостях, что её отца на днях арестовали, а всё их имущество конфисковали – в связи с расследованием преступлений NEP. Во время своей недолгой работы в смешанной школе профессор проникся далеко не самыми приязненными чувствами к этой заносчивой красотке. Однако сейчас ему было жаль девушку, чей мир в одночасье рухнул…

Миранда стояла, опустив голову. Ей совершенно не хотелось, чтобы кто-то из знакомых увидел её среди ссыльных, изгоняемых из-под Купола. Буря чувств кипела внутри, крутясь в диком танце, который, казалось, никогда уже не остановится. В первую очередь – страшный гнев на отца, непосредственного виновника этой мерзкой ситуации. Затем – ярость на Ориона Паркера, предавшего себе подобных, а главное – выбравшего не её, а какую-то там Исис Мукебу. На эту выскочку Миранда злилась больше всего… Волны бешенства чередовались с приступами стыда. Сколько Миранда себя помнила, на неё всегда смотрели с завистью, порой – со страхом.

Но сегодня в глазах встречных Неприкосновенных она читала снисхождение, даже презрение. Было и кое-что похуже… Выражение, с которым посмотрел на неё профессор Ван Дуйк, бодро шагавший по улице: жалость. Она, Миранда Бергсон, отныне внушала жалость своему бывшему учителю! Конец света!

Ещё пару дней назад достаточно было одного слова, чтобы мать позвонила в администрацию школы и этого второсортного учителишку заставили бы оказывать Миранде должное уважение. Но это время прошло. У них больше ничего нет. Ни дома, ни машины, ни мебели. Едва-едва разрешили взять с собой чемодан с одеждой. С арестом отца все их привилегии закончились. Требовалось возместить миллиарды долларов, прошедших через NER Поэтому имущество обвинённых изымалось безжалостно, до последнего цента.

Миранда, сжав челюсти, предъявила документы полицейскому на пропускном пункте. Тот кивком показал, что она может выйти. И этот незначительный жест словно отрезал её от всего, чем она была когда-то. Отныне она больше не принадлежит к числу избранных, позволяющих себе игнорировать

жуткое состояние, в котором пребывает остальной мир. Она стала обитательницей низших кварталов. Одной из очень-очень многих… И вот сквозь гнев и стыд пробилось ещё одно ужасное чувство, совершенно ей незнакомое. Впервые в жизни Миранде Бергсон сделалось страшно. Все её внутренности скрутило от ужаса, такого плотного, что, казалось, его можно пощупать. Ей никогда не выжить вне Купола… Словно робот, Миранда шагала за матерью. А та шла с высоко поднятой головой и с вызовом встречала взгляды обитателей низших кварталов, пялившихся на их странное шествие. Но Миранду это не обманывало. Она знала, что, когда они переступят порог их нового жилища – лачуги, которой брезгуют даже крысы, – мать разрыдается и проплачет несколько часов кряду. Но пока надо было сохранять лицо. Показать этим Серым, что Неприкосновенные, даже потеряв всё, остаются высшими существами…

Вооружённые весьма приблизительной картой, Миранда с матерью пробирались по убогим улочкам, которые отныне были их новой вселенной. Адрес, видимо, не отличался точностью, и бесконечное блуждание туда-сюда, казалось, длилось уже полдня. Они даже начали подозревать, что Серые нарочно неправильно подсказывают им дорогу, чтобы поиздеваться. Наконец измученные мать и дочь остановились возле обветшалой шестиэтажки.

– Это здесь, – произнесла Ирина Бергсон.

Миранда ничего не ответила. На пороге появился консьерж.

– Новые жильцы?

Ирина сдержанно кивнула.

– Вам повезло. Не каждый день мне нужно заменить прислугу.

– Очень признательна, мсьё, что вы предоставляете нам такой шанс, – сказала Ирина Бергсон.

Миранда нахмурилась. Мать, заметив это, сухо шепнула ей:

– Не делай такое лицо. У нас ни копейки. Или ты думала, что в низших кварталах нас встретят с распростёртыми объятиями?

Миранда в последнюю секунду сдержала резкое замечание, которое рвалось с губ.

Консьерж пригласил их войти.

– Вы будете жить здесь, на первом этаже. Даже во время наводнения затапливает не особо сильно. Так, сантиметров десять – пятнадцать…

Миранда надеялась, что он шутит. Но нет, очевидно, консьерж говорил всерьёз.

– В ваши обязанности входит мытьё лестниц и площадок на всех этажах, – равнодушно продолжал он, глядя на Ирину,

которая покорно кивала. – Что касается тебя, – консьерж повернулся к девушке, – то ты будешь выносить горшки.

– Горшки?! – переспросила Миранда.

– Ну, здесь же нет туалетов. Каждое утро жильцы выставляют за дверь сосуды с… ну, ты понимаешь, о чём я…

Миранда воззрилась на него с ужасом.

– Вы требуете, чтобы я выносила дерьмо и мочу за всеми, кто живёт здесь?! – Она залилась краской.

– Не хотите – не надо. Знаете, сколько претендентов на ваши места?

– Нет, мы хотим, – перебила Ирина Бергсон. – Миранда возьмётся за это задание. Да ведь, Миранда?

– Хорошо, мама… – наконец выдавила из себя девушка.

– Отлично. Вот ваши ключи. Миранда, можешь начать с моего горшка – вон там, в конце коридора. Выливать в резервуар, на этой же улице, метров пятьдесят отсюда.

Понурив голову, Миранда направилась к горшку. Попыталась взять его кончиками пальцев, но он был ужасающе тяжёл, и ей пришлось использовать обе руки. Когда она вышла на улицу, сжимая ручку ведра и вдыхая отвратительные испарения, Миранда чувствовала уже гораздо меньше превосходства над окружающими. До неё понемногу доходило, что отныне она – тоже Серая. Со слезами на глазах Миранда пыталась вспомнить указания консьержа, куда идти. И вдруг чей-то знакомый голос вывел её из задумчивости:

– Добро пожаловать в наш мир.

Миранда подняла голову. Флинн разглядывал её с непонятным выражением лица. Девушка вздохнула. Надо же было такому случиться, что из миллионов обитателей низших кварталов ей встретился именно тот, с кем она меньше всего хотела бы пересечься…

– Ты ведь тут случайно, да? – спросила Миранда голосом, полным горькой иронии.

– Нет, – ответил Флинн. – Я слышал, что сегодня ты покидаешь Купол. Зона Затопления, где я живу, находится по соседству с этой улицей. Честно говоря, я ни за что не хотел бы пропустить твой переезд. Маленький реванш, если можно так выразиться…

– Ну и? Доволен?

Флинн немного помолчал.

– Удивительно, но – нет. Видеть тебя на этой улице, с этим ведром почему-то доставляет мне гораздо меньше удовольствия, чем я воображал. Думаю, Исис права. Выход не в том, чтобы лишить Неприкосновенных их привилегий. А в том, чтобы больше

никто не жил так, как мы живём… Иди за мной, покажу, где находится резервуар.

Карима наблюдала за этой сценой, сидя у окна своей хижины, в двух шагах от нового жилища Миранды. Слух уже отказывал старой женщине, но глаза по-прежнему служили верой и правдой. Поэтому большую часть времени она проводила глядя на прохожих. То, что она увидела сейчас, доказывало, что семена, посеянные Исис, со временем превратятся в прекрасные цветы. Кто мог бы поверить, что юный Флинн в один прекрасный день станет помогать Неприкосновенной?

Карима была старой, даже очень старой для обитательницы низших кварталов. И она наблюдала сотни жизней, протекавших мимо её хижины. Но никогда раньше она не испытывала такой надежды. Впервые за своё долгое пребывание на свете она видела, как растёт поколение, которое, кажется, способно спрягать глагол «жить» не только в настоящем, но и в будущем времени…

Карима вспомнила старую индейскую поговорку, которую любил повторять её дедушка: «Мы не наследуем землю наших отцов, мы берём землю взаймы у наших детей…»

Это стало последней мыслью Каримы, которая тихо умерла, прислонившись к стене своей хижины. С улыбкой, словно навечно выгравированной на её морщинистом лице.

43. Исис

Я люблю Ориона,
Вместе мы попытаемся изменить этот мир к лучшему,

Благодарности

Как это обычно бывает, написание романа – путешествие, в которое не пускаешься в одиночку. Я хочу поблагодарить своих первых читателей, Вирджинию и Сильвию, за их помощь.

Также большое спасибо всей команде «Дидье Жёнес» – вы, как всегда, на высоте! Без мудрых советов Мелани Перри этот роман был бы совсем другим.

И наконец, конечно, не могу не вспомнить об Аврелии Субиран, ушедшей в мир воздушных пузырьков, – и это совсем не то, о чём вы подумали… Я пью за твоё здоровье!

notes

Примечания

1

NEP – New Earth Project, проект «Новая Земля». – *Примеч. авт.*

2

Экзопланета – планета, находящаяся вне Солнечной системы. – *Примеч. перев.*

3

Исис – восходящее к древним грекам и принятое в некоторых европейских языках написание имени египетской богини Исиды [Исет по-древнеегипетски]. Согласно популярным представлениям, египтяне отождествляли бога Осириса, супруга Исиды, с созвездием Ориона. – *Примеч. ред.*

4

Реально существующий способ ведения сельского хозяйства, сочетающий аквакультуру (выращивание водных животных] и гидропонику (выращивание растений без грунта]. – *Примеч. ред.*

5

Игра слов: имя главаря – Хазар (Hazard) как раз и переводится с французского как «случай». – *Примеч. перев.*